

**Елизавета
Огнелис**

Мусин Ринат

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

ТОМ 2

2017

С основных событий первого тома прошло двадцать лет. Герою предстоят более серьезные испытания, чем закадрить девчонку. Профессиональному революционеру, коммунисту и командиру "Штурмгруппы" Марату Нечаеву — придется пройти через огонь, воду и медные трубы. Сразиться с демонами, ангелами, древними ящерами, механоидами и собственными страхами.

Как закалялась сталь — 2057. Том 2

Елизавета Огнелис, Ринат Мусин

Глава 1

Муха билась о стекло. Наверно, мухе было страшно. Они, мухи, прекрасно чувствуют, когда их хотят убить. И эта тоже чувствовала.

Человек, развалившийся в кресле перед экраном, действительно обдумывал способы убийства. Беспомощно он оглядывал помещение, в котором находился, на предмет наличия орудия убийства: тряпки там, или газеты. Не найдя ничего лучше — решил, что лист бумаги тоже подойдет. Вот сейчас он встанет из кресла, подойдет к окну, и прижмет эту чертову жужжащую бестию к стеклу.

— Ну кого еще..., - пробормотал человек, когда дверь в кабинет приоткрылась.

На пороге стоял мальчишка, блеклый и понурый, с виноватой улыбкой. Хотя, нет, не мальчишка. Просто одет так... по-мальчишески. Черная куртка пузырем, синие джинсы. Короткие волосы, немного дыбом, как у воробья. Юноша с седыми волосами. Сухощавый.

Стоящий в проеме двери посмотрел на потенциального убийцу мухи. Вся мальчуковость с него слетела, словно паутина от метлы. Теперь это было усталое, виновато улыбающееся лицо потрепанного жизнью мужичка. Просто мелкий седой мужичок...

Сидевший в кресле даже встряхнул головой от наваждения. Да, странные люди заходят к нему в офис. Работа такая, что поделаешь. Раньше он работал в органах, и, бывало, к нему заходили и куда более колоритные личности. Олег Олегович Разин, бывший майор, бывший оперуполномоченный, вот уже десять лет как на пенсии, выпрямился в кресле, чуть склонил голову набок, прищурил глаз, вид сделал максимально простоватый, но сосредоточенный.

Человек в дверном проеме даже не дернулся, чуть улыбался, внимательно смотрел на хозяина кабинета, но входить не собирался.

«Как вампир, — подумал Олег Олегович. — Пригласить нужно».

— Вы ко мне? — спросил он как можно более буднично.

Лицо пришельца снова неуловимо поменялось. Как в старых фильмах. Актер, а чаще актриса смотрит в камеру, ни одна жилка на лице не дрогнет, но зритель видит, как полное отчаяние на лице героини переходит в невероятный восторг. Или наоборот. Как это делается актерами, или режиссерами — Олег Олегович не знал. Но его всегда это восхищало. Но вот столкнувшись в жизни — не восхитило. Озадачило.

Лицо вошедшего еще раз изменилось. Да как он это делает? Не дрогнул ни один мускул. Но Олег Олегович уже знал — да, к нему. К нему пришел кто-то, кто нашел объявление. Ошибки нет.

— Будем знакомы, — как можно радушней произнес бывший оперуполномоченный. — Разин. Олег Разин. Олег Олегович Разин.

Сказал и чуть не выругался. Привычка так и осталась. Бонд. Джеймс Бонд. Джеймс Джеймсович Бонд...

— Вас как зовут?

Вошедший улыбнулся теперь так лучезарно, что сомнений не оставалось — шутка оценена, а перед нами — рубаха парень, весельчак-говорун, знаток бесконечного количества зубодробительных историй. Скоро они будут на «ты», а может даже уже этим вечером пропустят по стопочке, или кружечке, в ближайшем баре.

— Марат...

— Полное имя, фамилия, отчество, и так далее, — сказал майор.

Весельчак-рубаха-парень напротив еще шире улыбнулся.

— Иванов, Марат Иванович.

Олег Олегович напрягся. На экране компьютера у него были совсем другие сведения. Марат, Иванович. Но отнюдь не Иванов. Марат Иванович Нечаев.

И тут бывший оперуполномоченный вспомнил этого человека. Вспомнил так детально, что даже диву дался — сколько подробностей может хранить человеческая память.

Это же Марат, тот самый, которого даже соратники называли не иначе как «Террорист». И жена у него была под стать. Говорили, что она совершенная красавица, высоченная, голубоглазая, всё при ней, и при этом — безумная валькирия, а вдвоем таки вообще — абсолютно неадекватная парочка. Сейчас то они ничего, вроде поуспокоились, а еще два-три года назад, набрав банду таких же как они обезбашенных отморожков, такие дела творили — только держись. Все «конторы» в городе, начиная от губернаторской, заканчивая полицейской, начинали свой день с обзора сводок — что эти твари понаделали за вчерашний день, прошедшую ночь, и что предположительно делают прямо сейчас. Да что конторы? Столица на ушах стояла от подвигов этих сорвиголов, ежедневно требуя стереть в порошок политических психопатов, невесть как объявившихся в здешней глубинке, и задающих тон чуть ли не всей стране...

Как же он сюда попал? Ах, да, ведь сам Олег Олегович работает теперь в странной организации, которая занимается отбором и тестированием героев для спасения человечества. В чем, правда, конкретно его роль, Разин не совсем понимал. Сидел здесь, как секретарша, заполнял с потенциальными героями анкеты, и направлял дальше. По условиям, чтобы не рассказать тестируемым лишнего, он совершенно не знал, что их ждет дальше. Чтобы не помешать чистоте теста. Попадали сюда в основном по объявлениям, развешанным по городу.

Марат этот, видимо, тоже нашел такое объявление.

Работа у бывшего майора была не пыльная. Два месяца назад он обнаружил клочок бумаги у себя в почтовом ящике, приглашение на собеседование на работу. Без телефона, с адресом. Хотя совершенно не хотел, но пришел, больше по привычке — проверить, что за контора.

Олег Олегович иногда подумывал о дополнительном заработке. Пенсия у него, скажем прямо, была очень хорошая. Жена продолжала работать, и тоже вносила в бюджет существенную лепту. Единственный сын с женой и внуком жил в столице. Устроился на хорошую должность, но жилью продолжал снимать. Разин посылал ему ежемесячно разные суммы, хотя сын и не просил. Но пожилой оперативник чувствовал ответственность, и всегда находил повод. Ребенку на велосипед. На день рождения. На праздник, сходите на аттракционы, запишите внука на секцию плавания. И так далее...

Но не более чем полгода назад пенсию задержали. Причем сразу на три месяца. Ничего страшного, конечно. Олег Олегович помнил времена, когда и зарплату задерживали, и не на три, а на все шесть месяцев. Но от этой задержки пахнуло холодом грядущих перемен. Что-то там не сработалось, и не состыковалось, в сложной государственной финансовой машине. Нет, конечно, повода для беспокойства не было, на четвертый месяц все деньги пришли, с разрывом в сутки...

Но тревога осталась. А раз так, то он, крепкий и ещё не такой уж старый мужик — должен подумать и о дополнительном источнике финансов. Пусть это будет маленькая зарплата вахтёра, но ее как раз всю можно будет откладывать.

Олег Олегович не хотел устраиваться сразу на первое попавшееся место. Но, услышав сколько будут платить за протирание штанов в офисе — решил сразу.

Худощавый уставший человек в синем халате заведующего складом рассказал ему обязанности, они быстро подписали бумаги, Олег Олегович получил удостоверение и банковскую карту с заранее переведенным туда авансом (ничего себе оперативность!), и на следующее утро уже сидел перед монитором, ожидая посетителей.

Их оказалось не много. Обычно один в день. Очень редко — двое. Пару раз было и трое — утром, днем и вечером. Каждому из них бывший майор задавал вопросы, появившиеся на экране, мило беседовал, и провожал до бронированной двери. Посетитель касался ручки, которая, по всей видимости, имела распознаватель отпечатков пальцев (так как открыть ее сам Олег Олегович не мог), дверь открывалась, посетитель уходил, и не возвращался. Выходили все они через совсем другую дверь, с другой стороны здания, практически через пять, максимум — десять минут после собеседования, и на Разина старались нарочито не обращать внимания. Если замечали, конечно.

Олег Олегович проводил в эту дверь множество людей. В большинстве своем — мужчины, хотя и женщин наберется уже более десятка. Приходили военные, офицеры на службе или уволенные в запас. Приходили бывшие полицейские, отсидевшие воры, несколько явных психов-сектантов, мелкие и даже средние бизнесмены, домохозяйки, студенты и студентки, спортсмены, охранники, продавцы, водители. Даже один депутат, и еще один местный сумасшедший, с настоящими, а не выдуманными проблемами в голове. Следом — аспирант, потом — проститутка, за ними — клерк из банка... Никакой логики в этом потоке людей бывший опер не видел. Кто-то проводит необычное тестирование больших и широких масс людей.

Бывшему майору было ужасно скучно. Эта работа не утомляла, она выматывала бесконечным и бесполезным ожиданием. Хотя наплевать, деньги платят не просто хорошие, а прямо отличные, странно... и скучно.

Но вот этого «Иванова» бывший опер знал в лицо, и наслушался про него немало. Хотя напрямую они до этого никогда не сталкивались.

— Ну и чем занимаемся, Марат Иванович?

— Погода нынче прямо замечательная, не правда ли?

— Что? — сделал непонимающий вид бывший майор.

— Погода, говорю, отличная, — спокойно продолжал Марат. — Самое время по грибы, да после ночного дождичка, не правда ли?

— Сколько вам лет, Марат Иванович? — задал следующий вопрос Олег Олегович. Он прекрасно знал эту привычку, когда подозреваемый, вместо того, чтобы отвечать на вопросы — начинает задавать свои. А тот, кто сидел сегодня напротив — очень хорошо знал, как допрашивать следователей. Да и сам вопрос, не смотря на свою погодно-грибную простоту, подразумевал только два ответа — и оба вели в ловушку. Только вот старого опера на такие уловки не возьмешь. Стоит только ответить «да», и сразу возникнет минутка доверия, и как из рога изобилия посыпятся вопросы: «а есть ли у вас дача, а там место грибное, на чем ездите, как вам цена на бензинчик, с внуками ездите, дорого сейчас все, платят наверно не много, работой завалили, что там интересного сейчас происходит...».

— Немного, наверно, платят на такой дурацкой работенке, да? — в лоб задал очередной вопрос Марат.

— Что? — спросил Олег Олегович еще раз вслух.

«Вот упертый дядя» — подумал он про себя.

Да, их хорошо учили в академии: как допрашивать, как прятать вопросы внутри других вопросов, как оказывать давление, распознавать ложь и правду. А вот то, что самих следователей будет кто-то допрашивать, причем прямо на допросе — об этом как то совсем никто не подумал...

— А вас как зовут? Еще раз, я не запомнил, очень плохая память на имена, — задал очередной вопрос Марат. Он поделился информацией, ничего не значащей, которая только казалось важной. Посетитель сообщил, что у него плохая память на имена.

«Интересно, мы сколько еще так будем вопросами обмениваться?» — подумали оба. Они никуда не торопились — ни тот, ни другой.

Олег Олегович взял себя в руки.

— Разин Олег Олегович, — произнес он размеренно, внушительно, уже без шуточек в стиле английских разведчиков.

— Ваши документы, Олег Олегович, — внешне расслабленно, но очень внятно произнес Марат.

— Что? — чирикнул уже третий раз за последние пять минут бывший майор, не смотря на внутреннюю собранность. Это что за чудеса? Его, профессионала со многолетним стажем, явно переигрывает какой-то... пацан, причем в несколько фраз.

— Документы, говорю, ваши, показывай, — с нажимом, но пока еще расслабленно.

Олег Олегович медленно, понимая что обстановка уже совсем не располагает к шуточкам, достал из нагрудного кармана рубашки ламинированный квадратик.

— Ну и чем занимается ваша некоммерческая организация?

— Мы проводим различные тестирования, — Олег Олегович теперь уже хорошо

понимал своих сослуживцев, которые после допроса этого «Иванова» выходили из кабинета мокрые и взъерошенные, горящие ненавистью вперемешку со страхом.

— Какого рода тесты? Письменные, устные? Какое вознаграждение? — уже сыпал вопросами Марат, предоставляя жертве самой выбирать на какой ответить.

— Я не знаю, если честно, — ошарашенно отвечал бывший опер. — Я только клерк. Мое дело опросить посетителя, и передать в руки специалистов, так сказать. После прохождения гарантируется единовременная выплата в десять тысяч...

— Вы сейчас на службе? Или у вас выходной?

Разин намертво задавил четвертое «что?» за этот вечер внутри себя. И даже внутренним кулаком прихлопнул, это вообще бы был позор.

— С чего вы взяли?

— Вы государственный служащий?

— Нет, слушайте, тут же написано, смотрите... некоммерческая организация... Послушайте, молодой человек...

— Слушаю, — с готовностью откликнулся Марат, затих, и откинулся в кресле для посетителей.

Разин мысленно оттер пот со лба, и даже (так же мысленно) — перекрестился.

«Революционер, — подумал он. — Черт безрогий. Террорист хренов».

Да, так и было написано на экране компьютера, который почему то знал всё, и про всех посетителей. Это было странно, но майора предупредили, что на входе есть камера, а в компьютере — сложная программа распознавания-идентификации, подключенная ко всем легальным базам данных.

Основная специальность: профессиональный революционер.

Профессиональные позывные и псевдонимы: «Маузер», «Главный», «Пастух», «Террорист», «Товарищ Анатолий», «Товарищ Иванов»...

Место настоящей работы: завод автопромышленных приборов.

Образование: высшее, сельскохозяйственное. Среднее: токарь-наладчик.

Другие специальности и специализации: грузчик, научный работник, агроном, токарь, командир нелегальной организации «Красная Армия».

Дополнительные звания: штурмовик, комиссар.

Олег Олегович машинально кликнул на слове «штурмовик», и система тотчас послушно выдала вкладку: участник спецопераций «Штурм», «Курица», «Директор школы», «Месть», «Расстрел губернатора», «9 мая», «Знамя-1», «Знамя-3»... Бывший майор с потрясением читал названия этих «спецопераций», их там было много, несколько десятков. Внизу шел список ущерба и разрушений — огромный, и совсем внизу, довольно коротенький — список пострадавших. Некоторых из них Олег Олегович знал. Лично. И это был просто... шандец. Как это, сидящее сейчас перед ним в образе щуплого человечка, все еще гуляет по земле?

Ничего себе, легальная база данных. Может правильной так — легальная база Интерпола, ФСБ и ЦРУ, по разыскиваемым преступникам?

Разин уже потянулся за телефоном, как вдруг в голове, на грани слышимости, прозвенел звоночек. Цзиииннь! — сработало где-то глубоко внутри бывшего майора. Разин поднял глаза на посетителя.

Иванов сидел совершенно спокойно, положив обе руки на столешницу. В правой, зажатый двумя пальцами, большим и указательным — необыкновенно остро наточенный карандаш. На лице не отражалось ничего. Глухая маска, абсолютное равнодушие, и только

серо-зеленые, а сейчас стальные глаза внимательно фиксируют каждое движение Разина, свободно читают любую его эмоцию, движение или мысль. Ничего себе...

Отдернув руку от телефона, и стараясь быть максимально спокойным, бывший опер продолжал:

— Вам необходимо запомнить анкету, она очень короткая, я перешлю ее в центр тестирования и сообщу вам результат, — майор решил не продолжать разговор, а перешел к последнему пункту, который на экране, кстати, горел красным шрифтом — то есть рекомендованным вопросом. Видимо, за ними наблюдали, и тоже сделали соответствующие выводы.

— Хорошо, — легко согласился Марат и взял анкету. Анкета кандидата. Странная. Никаких ФИО, когда родился-женился, «какие качества считаете своими сильными, какие — слабыми», никаких «вредных привычек».

Всего три вопроса.

Первый. Готовы ли вы за вознаграждение пройти систему тестов «Герой. Миссия — спасение человечества».

Варианты: Да и Нет.

«Да».

Второй вопрос: «Когда готовы начать?»

Несколько вариантов ответа.

Марат выбрал: «Немедленно».

Третий: «...согласны ли вы с условиями неразглашения данных, пока находитесь в режиме тестирования?»

Только пока «в режиме»?

Хм, запросто. Да.

Чего тянуть кота за хвост?

— И что дальше? — спросил Марат, протягивая заполненную анкету Разину.

Олег Олегович нарочито внимательно изучил ее.

— Вы указали, что готовы начать немедленно. Поэтому вы сейчас откроете вот эту дверь, — Разин кивком указал направление, — войдете в нее, и на этом моя работа закончена.

Бывший оперативник не сказал, что все, кто указал в анкете другой пункт, например — «в течении дня», «через неделю», «в течении недели» и уж тем более «никогда» и «не готов к ответу» — покидали офис, и больше не возвращались.

Они поднялись, настороженно глядя друг на друга. Марат шагнул вбок, и посмотрел на дверь, в которую ему предстояло войти. Хорошая такая дверь, бронированная. Правда не видно ни петель, ни замочных скважин, ни глазков. Просто монолитный кусок металла с ручкой. И, по всей вероятности, с магнитным встроенным замком.

Перед Разиным моргнул экран монитора, появилась надпись, которую он автоматически прочитал:

— В чем отличие комиссара от командира?

Марат даже бровью не повел, только спросил:

— Что?

Майор, внутренне возликовав, твердо проговорил:

— У меня на экране появился вопрос, который я вам должен задать. Я должен спросить у вас, в чем отличие комиссара от командира?

Марат несколько секунд молчал.

— Комиссар назначается, — наконец сказал он, тщательно подбирая слова. — Комиссар является полномочным представителем выбравшей его организации, и может говорить от имени всего коллектива. Например, применяя местоимение «мы». От лица всей... организации, — Марат чуть запнулся, но продолжил:

— Командир — это не назначенец, а руководитель. Он имеет право отдавать приказы, в пределах своей профессиональной деятельности, вот только говорить за всех не может. Такой ответ устроит?

Вопрос на экране погас.

— Устроит, — сказал Разин, и указал рукой на бронированную дверь. — Проходите, прошу.

Марат взялся за ручку и легко открыл дверь. Впереди оказался тускло освещенный коридор. В конце его были видны повороты-проемы: направо и налево. Марат вопросительно посмотрел на Олега Олеговича. Тот развел руками.

— Не могу ничем помочь. Дальше вы сами.

Пока дверь медленно закрывалась за Маратом, Разин, хотя это было абсолютно непрофессионально, не удержался:

— Ну и где твоя Красная Армия, комиссар? — спросил тихо Олег Олегович. Одними губами спросил. В затылок кандидату в герои. Так, чтобы тот не расслышал.

Но этот расслышал. Повернулся, придержал дверь, и обдал Разина таким взглядом, что майор почувствовал прикосновение чего-то холодного, твердого и, по всей видимости, круглого — в районе своего затылка.

— Красная Армия? — сказал Марат медленно и тяжело. — Непобедимая Красная Армия, майор..., стоит прямо перед тобой. Потому что она там... где я, понимаешь, майор?

Когда Олег Олегович возвратился в кресло, ему показалось, что он сдулся от напряжения, и, более того — от него идет пар. Майка под пиджаком промокла. Вот ведь бывает.

Маузер, черт его в ребро, бес за ляжку. Революционер, ё-маё, штурмовик, комиссар Красной Армии...

Майор... Этот упырь знал, с самого начала понял, что Разин, Олег Олегович — майор работник органов, пусть и бывший. Знал. Распознал с первого взгляда, определился с первого слова. И ни малейшего признака страха. Ну, хотя бы — уважение. Какое уважение? Олег Олегович почему то думал, что за эти пятнадцать минут несколько раз побывал на волоске от смерти. Не смотря на разницу в весе (Разин был как минимум в полтора раза тяжелее посетителя) — бывший опер откуда то прекрасно понимал, чем закончится схватка с этим странным «Ивановым».

На чьей стороне правда, когда волк вцепляется в горло теленку? Кто в этом случае сильнее? А кто прав?

Неуловимое движение, мир летит кувырком, тухнет, а система равнодушно вписывает в строчку «жертв, ущерба и разрушений» очередную фамилию. Да, черт побери, да. Так уж получается, что он — жертва перед хищником, он тяжелей и даже сильнее, можно сколько угодно держать оборону, путать следы — но исход один.

Честно говоря, Олег Олегович Разин не сильно ошибался...

Тест первый.

Марат смотрел, как медленно закрывается бронированная дверь. Клацнули невидимые засовы. Похоже, путь для отступления закрыт. Странно, как хоть он согласился на эту авантюру? Будем надеяться, что это обычный розыгрыш. Надо пройти несколько психологических тестов. Психологических? Несколько?

...примерно 12 часов назад...

Сегодня была ночь Марата. Не сказать, что ему хотелось уходить куда то в ночь от Юты, просто было «надо». Кому надо и зачем — это значения не имело. Конечно, давно прошли те времена, когда надо было очень сильно, и не просто надо, а «...задача ясна? — Выполняйте...».

Марат и Юта, не смотря на наличие маленькой дочери, продолжали поддерживать форму. Раз в месяц. Хотя если на двоих — то это один раз в два месяца. Когда эта форма потребуется, и потребуется ли вообще — они не рассуждали. Может и потребуется, срочно, в любой момент, в любое мгновение, а может быть и в следующее тысячелетие...

Планы на эту ночь были совсем ничего — оставить пару провокационных надписей на остановках в одном конце города, что-то типа «горите в аду, жадные твари», а потом разбить один из банкоматов — в другом районе. На всё про всё, от первого шага до последнего — восемьдесят две минуты. У полиции пересменок в час ночи, вот в это время, с полдвенадцатого, до пол-второго — и надо действовать. Маршрут пройден уже два раза, как можно дальше от камер. Все займет ровно один час и двадцать две минуты, телефон в это время будет дома, и позвонит один раз, Юта сама наберет и сама же скинет, типа «мы искали телефон дома». Будет сидеть в сети от его имени, и даже кое-что писать. Маленькое и удобное алиби. Никто ничего не видел, не увидит и даже не догадается. Хотя если и догадается — сослуживцы поднимут на смех очередного сумасшедшего, который попытается связать разбитый банкомат в одном районе, и надписи на остановках в другом. Хулиганство. Обычное хулиганство.

Люди, которые придут к своему обычному, привычному и родному банкомату, будут недовольны. Ну что такое, ну как же так? Замена обычно занимает два месяца — пока уберут, пока сдадут-примут, выдадут новый, согласуют где только можно, установят, настроят... Некоторые будут ездить в другой соседний район города, к другому банкомату. И на остановках будут видеть «горите в аду, жадные твари». Будут... а может и не будут.

Марат, не смотря на то, что кончики пальцев были тщательно обмазаны моментальным клеем — натянул перчатки. На ходу быстро нагнулся, подобрал три камня, которые были заготовлены здесь еще несколько дней назад. Они уцелели, а бывает, что кто-то и зарится на несколько камней в траве у обочины. Вот странные люди... но всегда есть резервная кучка, не хватало еще остаться в нужный момент без оружия... сегодня все как по маслу... Маска кролика с ушками, и еще сверху капюшон — лучше перестраховаться. Шаг правой. Он на точке, есть миллисекунда, заход на точку для броска всегда слева направо, чтобы не разворачиваться для замаха. Бросок с десяти метров, из под левой руки, так не видно движений даже для идущего сзади. Первый же камень уверенно и с силой бьет в экран уличного банкомата. Характерный стеклянно-пластиковый звук, и мерцание. Марат даже не сбился с шага, он быстро уходил в темноту. Нельзя возвращаться, даже оборачиваться не

нужно.

Только свернув на пустырь, продираясь по тропинке между вымахавшим донником и шиповником с березами, он снял маску, сбросил темную куртку. Вытащил из рюкзака светлую ветровку, кепку, очки. Быстро переоделся, держась за бетонный столб, выпрямился, и в лицо уперлось объявление. Странное объявление. Машинально Марат сорвал его и сунул в карман ветровки. Шепотом чертыхнувшись, Маузер сунул руку теперь в карман штанов, достал пакетик с махоркой, которую покупал в магазине ядохимикатов, но никогда не использовал по назначению. Зубами разорвал полиэтилен, и рассыпал пахучую пыль на том месте, где переодевался.

В подъезде своего дома он вытащил листок объявление снова, и внимательно прочитал. «Производим набор героев. Миссия — спасение человечества. Обучение — бесплатно. Прилагаются разовые вознаграждения».

Маузер даже улыбнулся. Кто-то умеет неплохо шутить.

Телефона нет. Есть адрес, реальный, Марат этот адрес знал, и даже как то бывал там, почти случайно. Это в здании большого торгового центра, наружный павильон. Странно. Бумага — глянцева, очень плотная, может даже не целлюлоза, а полный пластик. Печать явно типографская. Шрифт эксклюзивный, специально подобранный. Самоклейка, но только наполовину. Будто кто-то хотел, чтобы объявление сорвали, а не читали все кому ни лень. И телефона нет... Такие шуточки ради шуточки делать — очень затратно.

Забавно. Марату нравились забавные и нетривиальные вещи. За этой листовкой стоял явно кто-то интересный, вполне может быть — крайне нестандартный человек. Даже если он продает чудо-таблетки, духи, сквородки, кастрюли и прочие медикаменты, боевую раскраску и кухонное оружие — оригинальности мысли это не отменяет.

Так то бы Марату давно пора обзавестись новым удостоверением сотрудника какой-нибудь фирмы, типа «Благовонные вонь», «Неперегорающие гари» или просто «Орифлэйм», с печатью и подписью якобы заместителя генерального директора. Удивительно удобные шуточки для проникновения на второстепенные охраняемые объекты.

Ну что же... Посмотрим.

Марат прошел по коридору. Ламп как таковых не было. Светился сам потолок, наверно, такие специальные панели. Камер видеонаблюдения тоже не было, по крайней мере видимых. Коридор через десять метров заканчивался тупиком с арками-поворотами, направо и налево. Ни там ни там свет не горел.

— Замечательно, — сказал Марат вслух.

Он оценил обстановку. Вариантов немного. Первое — розыгрыш. Второе — некий реальный психологический или социальный тест. Третье... хотят запугать, например спецслужбы. Третий вариант, конечно, самый достоверный. Хотя... Никто не мог знать, что он окажется ночью именно на том пустыре, именно в том районе, но если пасут плотно — могли и проследить, он же проходил маршрутом два раза. Три, если считать саму акцию. Тот Олег Олегович, который сидел в офисе — явный работник органов, пусть и старый, давно на пенсии, но сразу видно — профессионал. Марату не удалось из него выдать даже слово да, чтобы начать обработку по всем правилам. Хотя растерялся и испугался дедуля не слабо, и последние его фразы указывали, что знает бывший опер чуть-чуть больше, чем сам думает. Надо было дожимать, хотя — зачем? Те времена уже прошли.

Тогда, в те времена, так было принято. Например, перед акцией ты составляешь предполагаемые маршруты подхода к точке, и отхода с нее. Основной и дополнительный. Это просто разведка. Это правило было прописано кровью, сколько людей погорело потому что просто не знали как и куда они будут подходить. И, соответственно, отходить.

Потом, по картам — составляешь маршрут, с поворотами, с метражом. И проходишь его, ногами, желательно за два-три дня до акции. Вот тогда его и могли видеть. Просчитали и шлепнули эту листовку там, где он останавливался у столба для смены одежды...

Да ну, бред какой-то. Органам вообще заняться нечем? Со спутника они что ли следили, или камеру ему вмонтировали в одежду? Эта точка для переодевания вообще ниоткуда не просматривалась...

Так направо или налево? Из оружия у него есть шнурки, баллон с перцовым газом, ручка, карандаш. Все для ближнего боя. Значит — налево. Левая рука полусогнута, используется как щит, правая чуть отведена, для замаха. Они, те кто запустил его в этот коридор, вообще понимают, что в таком напряженном состоянии любой человек опасен?

Свет сзади стал гаснуть. Постепенно, панель за панелью.

— Понятно, — одними губами сказал Марат, выудил один из телефонов, включил фонарик.

Движения его приобрели особую мягкость. Тяжелые ботинки не издавали ни одного звука. Рот полуоткрыт, дыхания не слышно. Беззвучная тень качнулась налево в последних отблесках света — и исчезла. Только ярчайший огонек фонарика светлячком мечется по стенам.

Впереди, за поворотом — свет. Еще пара шагов и Марат оказался перед огромным экраном. На экране, крутясь в трехмерном пространстве, висели топор и меч. Вместо клавиатуры — большая панель. Наверно, к ней надо приложить руку. Марат коснулся всей ладонью слева, выбирая топор. И на панели появился топор. Точно такой же, как на экране. Просто появился. Марат взял его в руки, недоверчиво хмыкнул. Чудеса... Чудаки! Если кто-то думает впечатлить его такими фокусами... то тот совершенно не ошибается. Потому что

экран впереди исчез. Просто исчез, растворился в воздухе со своими топорами и мечами, оставив опять впереди слабоосвещенный коридор.

У Марата волосы на руках встали дыбом. Так всегда бывало перед чем-то важным, и непонятным. Нет, страх Марату тоже знаком, но страх для него — верный друг и помощник. Страх заставляет ежесекундно быть готовым, просчитывать степени опасности любой вещи и события, любого существа перед тобой. Страх впрыскивает адреналин и закачивает кислород в кровь, заставляет мышцы быть одновременно расслабленными и напряженными, готовыми мгновенно отпрянуть, или нанести удар...

Ладно, пошли дальше, на напружиненных ногах и с отведенным для удара топором в руке со вздыбившимися волосами. Спокойно... спокойно, в наш технологический век и не такие чудеса увидишь. Сзади? Марат вжался в стену. Никого. Опыт учил, что лучше вовремя, а еще лучше — заранее обернуться. Никого и ничего. Тишина, но не абсолютная, гула в ушах нет. Ладно... ладно...

Вторая панель, за следующим поворотом. Также висит в воздухе. На экране слова:

«Выбирайте амулет».

— Какой, в рот.... амулет? — грязно выругался Марат вполголоса, чтобы хоть немного сбросить внутреннее напряжение.

На двухметровом экране появились амулеты, каждый так же вертелся в пространстве, много, разных, красивые, зрелище завораживающее. Ладно, вот этот, черный, с каплей крови посередине.

«Вы выбрали амулет темной энергии. Поздравляем! Амулет темной энергии позволяет вам аккумулировать и направлять темную энергию, постарайтесь не потерять его, при возможности проведите ассоциацию с амулетом, это позволит вам значительно увеличить ваши силы...»

Ну, просто замечательно.

«Вы готовы к первому тесту?»

— Готов, — твердо сказал Марат.

«Тест 1. Вам необходимо остаться единственным выжившим из общего числа участников. Количество участников — 2. Уровень участников — 1. Площадь теста — 1 км. кв. Границы определены в рамках реального мира, система проникновения — клапанная, существа могут проникать в площадь теста только в одном направлении...»

Марат внимательно смотрел на вспыхивающие на экране слова и запоминал их до единой буквы.

«Вы можете выбрать один дополнительный навык».

После этой надписи появились пять строк. Выглядели они так:

1. Регенерация.
2. Видеть невидимое.
3. Слышать неслышимое.
4. Дополнительная устойчивость к болезням и отравлениям.
5. Увеличение силы мышц.

Регенерация? Интересно. А все пять можно?

Марат ткнул пальцем в пункт два. «Видеть невидимое». Зачем нужна регенерация, если твой противник (вооруженный скорее всего мечом), в любой момент сведет всю регенерацию в полный минус, просто раскроив тебе голову надвое?

Строчки дополнительных навыков погасли. Ничего не происходило. Марат просто стоял

в полумраке. Примерно через тридцать секунд вспыхнула следующая надпись:

«Снимите обувь. Вы можете попасть в тест только если касаетесь голой подошвой Круга Переноса».

Снимите обувь. Ну, бойцовский клуб, не иначе. Ладно, снимем, свяжем шнурками, и повесим на шею. Как только Марат встал в рост и крепко уперся босыми пятками в теплый пол, произошел Перенос.

— Оп-па, — только и сказал Марат, очутившись в джунглях, на земле, покрытой гниющей травой и листвой. Переход был мгновенным. Не просто мгновенным, а раз! — и все, он на месте. Зрение даже не успело среагировать на смену картинки. Во время моргания его что ли переместили? Это что же за технологии?

Автоматически, хорошо заученными движениями Марат чуть нагнул голову, посмотрел налево, потом направо, сделал шаг влево, и только потом шаг назад, и пригнулся, встав на одно колено, ловя каждое движение, в том числе наверху. Никого вокруг нет. Топор при нем. Хороший такой топорик, надежный кусок хромированного металла под профиль топора. Ладно, поехали проходить ваш тест. Берцы снять с шеи, и снова на ноги. Вот теперь посмотрим, кто кого.

Марат прошел тридцать шагов вперед, для того, чтобы просто знать — что там впереди. Ничего особенного, лес, то есть сплошная равнина, заросшая толстой осокой, странными елками и чересчур высоким папоротником. Наверху тучи, солнца не видно. Воздух свеж и бодрит, несмотря на постоянный запах гнилого дерева. Костра тут особо не разведешь, отовсюду капает. Марат сломал на ближайшем раскидистом папоротнике верхушку листа, по особому, в двух местах, в сторону Круга Переноса.

И пошел назад. Никого он пока не встретил, и это радовало. Однако через сотню шагов от Круга он уперся в барьер. Прозрачный барьер, не воздух, не стекло, не вода, просто странное давление, которое невозможно преодолеть. Вот значит, какое здесь ограждение. Километр на километр. И два противника. И куча живности, спокойно проходящей и пролетающей через Барьер внутрь (Марат проводил взглядом жука, который спокойно прилетел снаружи). И которая остается здесь, пока один из противников жив, (Марат поднял сучок, кинул его — тот со слабым стуком отразился от Барьера).

— Прекрасно, — сказал Марат очень тихо, но его, похоже, услышали. Раздался топот и в десяти шагах появился... Больше всего это было похоже на маленького тираннозавра. Только ростом полтора метра. А все остальное — почти копия. Мощные задние ноги, маленькие передние лапки и голова, в три раза больше чем у бульдога, с набором острейших зубов, и похоже что все — клыки.

Мини-Рекс бросился к Марату. Похоже, тут с инстинктами самосохранения совсем плохо. Увидел мясо — значит надо попытаться его съесть.

— Раз, — сказал Марат на выдохе.

Топор поймал «заврика» в полете, лезвие вошло чуть ли не наполовину, немного ниже того места, где по идее должно быть ухо. Удар отбросил ящерицу на пару метров...

Ага, выводов не сделано.

Ящер, хоть и побывал в нокдауне, невозмутимо встал, очень противно и опасно взвизгнул (черт, он своих зовет! — сообразил Марат), помотал уродливой кожистой башкой, разбрызгивая молочно-зеленую жидкость... И снова бросился в атаку!

— Два, — Марат бил уже наверняка, если первый удар был просто сильный, то во второй он вложил не только силу, но и вес. Топор глубоко вошел в череп бестии всем

лезвием, почти по рукоятку.

Готов.

Пора бежать.

Труп сородича должен отвлечь стаю, но надолго их не задержит.

Марату показалось, что лес вокруг зашевелился. Топот множества ног. Свистящие переговоры ящеров. Кажется, что даже деревья колышутся от опасности. Марату нужно дерево. Высокое, достаточно толстое дерево, желательное — расходящееся беседкой, ближе к вершине, на множество стволов. Вот это подойдет. Вроде.

Марат как белка взобрался по остаткам сучьев. Выше. Еще выше. Интересно, эти твари могут по деревьям лазать, с их маленькими передними лапками? Вряд ли. Только на высоте третьего этажа он позволил себе обернуться.

Всё не просто плохо. Всё крайне печально. На сколько хватало зрения в пределах леса — всё вокруг было занято кожистыми, бугристыми серо-зелеными спинами. Сотня, может полторы, а может вообще две сотни... Пока трудно сказать. И он, как кошка на дереве — в окружении всей этой зубастой массы. Вся стая проникла через барьер, и обратно он их не выпустит. Ну что ж, первая задача ясна, пора приступать к выполнению.

Будем надеяться, что его сопернику на другом конце квадратного километра — тоже не сладко. Интересно, вот если конкурент Марата попадет на зуб эти шустрикам, или еще кому более серьезному — то как будет работать Перенос? Туда надо добраться, до Круга Переноса? Или его прямо вот с дерева снимет, и унесет?

Нет, похоже, что не унесет. Марату показалось, что где-то вдалеке, за несколько сот метров отсюда, раздался крик. Человеческий крик. Да, похоже, что так оно и есть — потому что часть из стаи нервно подняли бугристые головы, и унеслись в направлении крика. Почему не все?

— Вы же стайные твари, — обратился с дерева Марат к своим охранникам, пытаясь их пристыдить. Ноль, никакой реакции. Их друзей и родственников, быть может, мочит какой другой герой, а этим — хоть бы что, разгуливают, без стыда и совести.

Ладно. Проблема номер два. Время. Чтоб отсюда выбраться, потребуются сутки, а то и двое, а может и еще больше. Как он объяснит свое отсутствие, в своем времени? Хм... а может быть здесь связь берет? Марат вытащил основной мобильник. Он работал, экран услужливо светился голубым светом. Только вот цифры времени на экране не сменялись. То есть — совсем не менялись. Пятнадцать часов, тридцать две минуты, шестнадцать секунд. Ну, хоть эта проблема отпала. Время здесь вроде не течет, как это возможно, и какие человеческие технологии это могут — не понятно. Сети здесь, конечно же — нет, было бы странно, если бы она была. Ладно, будем считать, что проблема номер два решена.

Третье. Ресурсы. Из ресурсов есть — шапка, куртка, свитер, майка, штаны, носки, берцы. Еще есть рюкзак, в нем перчатки, очки, перцовый баллончик, два мобильника, пара шнурков, кучка документов, кошелек, ключи, пачка сигарет и почти пустая зажигалка. Из еды... Марат поморщился. Из еды в боковом кармане чупа-чупс. И все. Воды нет, но ее и так вокруг достаточно. Проведи рукой по листве или даже по стволу — и почти полная горсть воды. Так что от жажды умереть здесь затруднительно, а вот подскользнуться на мокром стволе, и стать закуской на ужин для зубастых ящериц — это да. Это можно, запросто.

Основное оружие — топор. Ну, всё не так уж плохо.

Топором можно срубить толстую ветку, шнурок послужит тетивой, из тоненьких веток сделать и заострить стрелы... Учитывая количество тварей, Марату потребуется месяц,

чтобы их всех забить насмерть деревянными стрелами.

Еще есть медальон. Очень красивый медальон, кстати сказать, словно бы целиком из черного камня, в самом центре — маленький красный кристаллик. Амулет темной энергии. Красивый, и пока бесполезный. Хоть бы инструкцию дали к нему, черти...

Один из завриков подошел вплотную к дереву, на котором сидела его вполне законная добыча, задрал голову, и словно бы примерился — может, допрыгну?

— Хрен тебе, не допрыгнешь, — сказал Марат, с трудом подавив желание метнуть в тварь топор.

А что, это мысль. Была бы на конце рукояти топора дырочка, можно бы было снять шнурки с берцев, соединить с имеющейся парой, и метать топор ровно на шесть метров, главное чтоб ни одна зверюга в конвульсиях не схватилась пастью за шнурок. Была бы дырочка...

А вот она и есть. Марат посмотрел на отверстие в топорище еще раз. Он был уверен, что никакой дырочки там не было. Минуту назад не было.

Зато теперь есть.

— А топор то у нас не простой, — сказал неизвестно кому Марат.

Значит, мы умеем делать отверстия в рукояти, по желанию хозяина. Тогда, может мы вообще умеем трансформироваться... например, в копье. Марат напрягся, представляя вместо топора в руке — копье. Даже зажмурился. Ага, бежим и падаем, размечтался, ты бы еще автомат Калашникова попытался вообразить, с подсумком на три магазина.

Придется довольствоваться просто топором. С дырочкой в топорище.

Марат считал себя коммунистом и профессиональным революционером. То есть — большевиком. Он так и называл себя — большевик. Жалко, что это прозвище к нему не прилипло. Ну да и ладно...

Клятву в своей жизни он давал всего один раз. Эта клятва, данная девятилетним пацаненком, перед лицом своих товарищей, перед Красным знаменем, перед людьми и ветеранами, прошедшими ад и преисподнюю — до сих пор горела в его памяти так же свежо, как будто это случилось вчера. Что это было? — он не знал. Может быть просто переволновался тогда.

Однако через пять лет молодой человек единственный подал заявление на вступление в комсомол.

Он усмехнулся. Это воспоминание он тоже отчетливо помнил. Как мялась учительница, объясняя четырнадцатилетнему пареньку, что это же была просто формальность. Страна тогда шла на сближение с Китаем, где руководила коммунистическая партия. Сверху пришло распоряжение — организовать первичные пионерские и комсомольские организации. В некоторых школах. Просто для видимости, для того чтобы отчитаться и дать новость в средства массовой информации. На самом же деле — не более чем пыль в глаза китайским товарищам и партнерам.

Может тогда и началась его борьба? Пока еще неосознанно, но он продолжал горячо любить свою давно не существующую Родину. Продолжал жить, учиться и (главное!) — бороться, как завещал великий Ленин. Вступил в ряды коммунистической партии России, откуда его потом изгнали. Как и всех его друзей-товарищей на тот момент времени. За излишнюю радикальность.

Дальше была учеба. Он учился всю жизнь, и продолжал учиться. Учился понимать женщин, людей, законы природы, логики и диалектики. Учился строить дома и выращивать картошку. Стрелять из винтовки и пистолета, далеко и точно бросать гранату. Учился водить любую технику, хотя не доверял ей. Учился разжигать костер в ливень одной спичкой. Изготавливать бутылки с зажигательной смесью, которую не потушить из любого огнетушителя. Прилежно изучал, и как мог — практиковался в уличной и партизанской войне. Мог днями сидеть, замерев на одном месте, дожидаясь нужного человека. Запоем читал воспоминания фронтовиков, красных партизан, кубинских революционеров, мемуары настоящих большевиков, которые вдвоем могли взять под контроль миллионный город. Он прилежно, долгими часами и годами выращивал, ковал и оттачивал себя — как непобедимое оружие Революции.

Друзей, понятное дело, у него было немного, но это были не те друзья, с которыми удобно провести выходные под пивко и закуску.

Зато врагов было — хоть отбавляй. Настоящих, сильных и могущественных врагов, которые знали — как его зовут, что он может, и что хочет. Они, его враги, при первой же возможности постарались бы уничтожить его. Как и он их. Прямо и физически.

Человека оценивают по друзьям. Но если хочешь узнать, что он на самом деле — посмотри на его врагов.

— Мда, — сказал Марат, взглянув на свое положение со стороны. — Расскажи кому — засмеют...

Эти ящерицы не были ему врагами. Они были просто препятствия на пути. А он в своей жизни преодолел столько препятствий, что эти твари внизу с ужасом бы разбежались, просто осознав — кого они загнали в тупик, на дерево. Потому что товарища Маузера нельзя было загонять в тупик. Во всех случаях это означало смертельную опасность для того, кто умудрился это сделать...

В глубине леса раздался шум, потом треск. Ящеры внизу забеспокоились, засвистели на все лады, а потом побежали, только когтистые пятки засверкали. Марат слышал, как приближается что-то большое. Пока не видно сквозь листву, но явно здоровое. Черт побери, огромное, просто титаническое, дерево даже подрагивает... Ветви, скрывающие Марата, внезапно раздвинулись, и он увидел в трех метрах от себя здоровенную голову, размером с малолитражку, и зубы у этой головы были, сантиметров по пятнадцать, не зубы, а моржовые бивни, натуральные.

Голова с зубами рванулась к куску мяса, сидевшему на ветках дерева. Ящер, не смотря на свои размеры — прыгнул.

— Твою мать, — выругался Марат, и автоматическим движением метнул топор. Тот сверкающим кругом вошел прямо в пасть. Ящер, казалось, чуть поперхнулся и не допрыгнул буквально несколько сантиметров. Через секунду Марат был уже еще на два метра выше своего первоначального убежища. Дерево ходило ходуном, но держаться можно.

Внизу же разыгрывалась драма. Мелкие ящеры, свистом созвав всю стаю, напали на крупного. Конечно, здоровяк сразу схватил одного, особо рьяного — поперек туловища, но остальных это не особо смутило. Они ударили волной, все сразу, как по команде. Их здоровенный противник некоторое время держался на ногах, и даже перекусил еще одного.

Но десятки зубастых пастей уже кромсали его тело. Взревев, тот попытался выбраться из кипящего моря зубов, но не удержался и завалился набок. Еще несколько секунд — и весь он скрылся под нервно подрагивающим, зелено-серым бугрящимся ковром.

Поучительное зрелище, надо сказать.

Где-то там, под грудой копошащихся ящеров, причем внутри самого крупного, находится топор. Ну, просто замечательно. Счет три-ноль. Три противника, один здоровый и два мелких — уничтожены. Марат жив. Ценой потери топора. Фигня какая. С остальными сто девяносто семью тварями он справится одной рукой. Причем — левой. Прямо сидя на дереве. Шапкой закидает. Нет проблем.

Конечно, топор дал десятую долю секунды и несколько сантиметров, иначе бы валялся Марату сейчас с откушенной нижней половиной туловища, прямо у корней доселе спасительного дерева. Интересно, он бы как обратно в свое время и место попал — как только бы умер? Полуобгрызенный, или более-менее целый? Действительно интересно, только проверять что-то не хочется.

Нельзя сказать, чтобы Марат приуныл. Он вообще, как самый настоящий революционер — никогда не унывал... если есть цель. Вот здесь, на дереве, вдалеке от реального мира — цель самая настоящая. Победить. Для этого надо выполнить множество задач, в первую очередь две — перебить, перехитрить, или еще что-то сделать с этим морем голодных пастей внизу. Потом добраться до круга Переноса. Не очень легко, но уныние при выполнении этих задач никак не помощник.

Марат высвободил затекшую ногу. Ожидание никогда не смущало его. Даже наоборот. Например, в камере он всегда чувствовал спокойствие и даже умиротворение. Его ограничили в пространстве, и теперь не надо контролировать всё и вся. Достаточно внимательно следить за сокамерниками.

Разбудят и покормят вовремя. А у него будет время подумать. Марату никогда не бывало скучно. Он даже не совсем понимал — что значит это слово. Его мозг всегда работал на полную. Ещё раз проработать следующую акцию. Проанализировать предыдущую. Вспомнить подробности встречи. Выработать линию защиты и нападения. Начать опрос.

Выявить в камере людей, на которых можно положиться, а на каких не стоит. Начать подготовку группы, обработка надзирателей, установление авторитета. Да за решеткой порой ещё интереснее, чем на воле. Там, на воле, — надо искать, отрабатывать все возможные варианты. Плюс куча случайностей. А здесь все по расписанию, и никто никуда не денется, включая охранников. Надо только подобрать ключик, завести связи, обязать и привязать... К слову — в настоящей тюрьме Марат не сидел. Он считал это непрофессиональным — попасть в тюрьму из-за какой-то мелочи. А на "не-мелочи" у него всегда было железобетонное алиби при полном отсутствии улик. Иногда — при наличии улик, ведущих к совершенно другому человеку. Вот что стоит попросить человека подержать бутылку с минеральной водой, пока ты сам завязываешь шнурки? Да ничего это не стоит. Эксперты же находят именно эту бутылку, именно там, где меньше всего ждут ее найти. Он был практически неуязвим для исполнительной, а уж тем более судебной власти. Просто надо знать. Учиться и думать...

А по жизни, посидеть в камере — пожалуйста. Хоть сутки, хоть десять. Знакомства, влияние, авторитет, тренировка психологических навыков — все это очень полезно. Да просто посидеть в тишине, поразмыслить, подумать — уже замечательно.

Вот и сейчас он сидит, почти в тишине. Практически один... Добровольно залез на

дерево, никто его туда не тащил. Просто ограничил себе свободу. Но бороться за нее, за эту свободу — он будет вовсе не в суде. Не плакатами с разными надписями. Не надеясь усовестить или даже испугать. Надо только дожидаться ночи. Конспирация, или соблюдение правил безопасности — рекомендует все делать тихо и незаметно. Особенно если собираешься убивать...

Честно говоря, ко многим людям Марат относился негативно. Как минимум — с подозрением. Практически ко всем. Он почему-то думал, что человек сам по себе — это носитель и источник опасности. Так Марату было проще. Он не страдал инфантильностью, надеясь, что человек изначально добр. Он понимал, что каждый опасен. Пузырек воздуха — и тот опасен, если попадет в вену...

Поэтому Марат всегда относился к настороженностью к людям, которые стремились к тому же что и он сам, и при этом заявляли что они законопослушные, порядочные и вообще добрые и славные люди.

"Эй, ребята, — заявлял он неоднократно. — Вы собрались брать власть. Более того — менять формацию. Вы заявляете что приверженцы революции и новых идей... и при этом говорите мне быть мирным и законопослушным? Я наверно, не туда попал..."

Далее... он с философским юмором относился к приверженцам "кружковщины". Сидят себе тихо, досконально изучают труды Маркса, Энгельса и даже Троцкого. Ну и пусть сидят, не мешают — и то хорошо. Люди осознают, что они никакие не бойцы, и по опыту Марат знал, что большинство из них трусливы и робки до потери сознания от стресса. Может быть, далеко в будущем, и только после Революции их теоретические познания и пригодятся. Как промежуточная стадия принятия решений. Или, если кому-то из них удастся придумать и доказать что-то новое. К уже придуманному и доказанному. Но не более...

С некоторой настороженностью он относился к соратникам, которых называл "пораженных митинговщиной". Митинги и вообще любые формы легального протеста он вообще не считал борьбой. Любое животное, если его пнуть — будет протестовать, хотя бы голосом. Вот если вцепиться в пинающую ногу мертвой хваткой — это борьба... Но такие методы обычно никак не согласовывают с обидчиком. Хотя в свое время Марат поучаствовал в сотнях, и сам организовывал десятки митингов и пикетов — но считал это совершенно бесполезным, бестолковым, и к тому же — крайне опасным делом. Особенно для новичков.

С некоторой долей сожаления (и капелькой презрения) — он относился к "выборщикам". Эта большая, огромная масса красного движения была поражена манией выиграть выборы. Причем любого уровня. И почти всегда проигрывали. Даже если выигрывали — то не понимали, что тоже проиграли. Что отдали способного человека в систему, которая либо воспитает его как надо, либо выплюнет — на следующих выборах. Причем многие из выборщиков производили впечатление адекватных разумных людей, с нормальными, трезвыми взглядами. Которые даже понимали, что выборами ничего не изменить. И все равно — наступало время, и возжа оказывалась ровно под хвостом.

С нескрываемым презрением и даже некоторой долей ненависти Марат относился к "официальным" коммунистам. К членам вполне себе легальной и официальной коммунистической партии. Которая кормилась почти исключительно из бюджета якобы враждебного к нему государства. Марат побывал и среди них, узнал изнутри, и сейчас абсолютно точно понимал, что это никакие не коммунисты. И даже не партия. Конечно, в низовых рядах среди них было достаточно много хороших людей. У Гитлера в СС, кстати, тоже наверняка работало множество прекрасных людей... Но вся верхушка, все высшее

руководящее звено представляло собой аппарат, который пытался контролировать и подавлять (и довольно успешно, кстати!) — любую оппозиционную а уж тем более революционную деятельность. Марат знал — когда придет время, наступит час «X», — то всю эту верхушку надо будет уничтожить. Ликвидировать начисто. Потому что именно высшие руководители официальной коммунистической партии — и являлись главными врагами. Которые были отобраны и поставлены в руководство этой партии намеренно и специально.

Другие партии и оппоненты воспринимались Маратом именно так — реально как настоящие оппоненты и конкуренты. Но эти официалы... Они на сей момент были первыми и пока непреодолимыми препятствиями на пути Революции.

Но были и другие. Они были редки, как крупинцы золота в песке. Их было так же мало, как мало настоящих художников, реальных поэтов и талантливых учёных. Эти другие тоже воспитывали себя, учились, и постигали совсем непростую науку Революции. Они были как олимпийские чемпионы — необычайно редки и при этом требовали серьезного внимания, полного доверия и абсолютной отдачи. Даже в неогранненном, необученном виде эти люди были крайне опасны — для любых врагов и конкурентов. Именно их и искал Марат, учился вместе с ними, боролся рядом, плечом к плечу. Одна из них была его женой. Точнее даже не совсем женой, хотя они были официально расписаны. Для Марата Юта значила куда больше, нежели банальная спутница жизни для продолжения рода, дела и фамилии.

Но почему же он считал себя коммунистом? Почему идеи коммунизма ему были так близки? Вполне вероятно, из-за того, как Марат видел этот мир. Многие видят его как вещь, и нагромождение вещей. Эти вещи могут быть прекрасны, или уродливы. Но все эти вещи (и большинство людей не подвергает это сомнению) — кому-то принадлежат. Даже не кому то — а вполне конкретным людям.

Марат знал, что это не соответствует истине.

Были и другие люди. Они видели не столько вещи, сколько их стоимость. Красота для них выражалась в каком-то эквиваленте, обычно денежном. Уродство, впрочем, они тоже оценивали деньгами.

Марат точно знал, что практически ничего в этом мире оценить деньгами нельзя. Он видел, много раз в своей жизни испытал, как деньги приводят людей к катастрофическим последствиям. Зачастую эти последствия наступали не для тех людей, у которых эти деньги были. О нет, как раз самые ужасные вещи происходили с теми, у кого этих денег не было.

Были и другие люди. Все совершенно разные. Но почти никто обычно не смотрел в самую суть. Марат видел не вещь, не явление, не цвет. Он слышал не звуки. Осязал не тепло или холод. Он видел вещество из молекул, которое в свою очередь состояло из атомов, а те, в свою очередь состояли из протонов, нейтронов и электронов. Вот так все просто. Обладая знаниями — мозг Марата воспринимал все как есть. Цвет — как отраженные световые волны. Движение — как энергию, приложенную к массе. Он как то прочитал, что выдуманный писателем Томасом Харрисом доктор Ганнибал Лектер — воспринимал мир также. И, наслаждаясь звуками скрипки — слышал и восхищался причудливым переплетением звуковых волн.

Смущало ли это Марата? Ни капли! В работах Маркса и его последователей он нашел то же самое. Человечество продолжало жить в мире иллюзий. Человек считал, что одна вещь — его. Другая — соседская, третья — божья, а в четвертой вообще поселился некий добрый (или злой) — дух. Как раньше — это мой раб, это твой раб, это вообще чужой крепостной.

Но сейчас это давно забыто и отвергнуто, и рабство, и крепостной право. Никому разумному даже в голову не придет делить сейчас мир на хозяев и рабов. Но вещи, материя — это все люди продолжали делить на «твое», «мое» и еще чье-то. Хотя на самом деле никому и ничего не принадлежало, и принадлежать не могло. Не было ни "твоих", ни "моих", ни "его" протонов и нейтронов. Маркс просто описал эти человеческие иллюзии и условности, дал некоторым названия, проанализировал как они возникают, и к чему приводят. И дал человечеству выход — отказаться от иллюзий и фантазий, обратить внимание на себя, на человека, на общество, а не на вещи, которыми они окружены. Мир балансировал на краешке ножа, причем ножа иллюзорного. И все могло обрушиться в любой момент.

Тогда бы нашествие Чингисхана, сражение при Ватерлоо и обе Мировые войны показались бы детскими шалостями. При дальнейшем развитии технологий — за судьбу человеческой цивилизации никто бы не дал и ломаного гроша. Именно поэтому Марат называл себя коммунистом и большевиком. Он всей своей яростной душой хотел оставить детям и потомкам не иллюзии, не условности, готовые в секунду согнуться в пламени — но реальный мир, прочный, понятный, простой и сложный одновременно.

Эх, очень хочется почувствовать приятную гладкую тяжесть топора в руке. С ним надежно. С ним хотя бы ясно, что следующему будет проще. Какому следующему? Любому другому. Какая разница, особенно Марату, который будет лежать в желудках этих тварей? Любой-другой-следующий, кто придет после него, обнаружит, что противников стало на пять-десять-двадцать меньше.

Но что это? В руке тяжесть, именно та тяжесть, которую так хочется чувствовать. Топор?

Да, топор. Марат чуть не заорал от радости. Как? Да неважно как! Главное, что он может вызвать топор в своей руке. Кинуть, а потом обратно... Потерять — и снова вернуть. Обалденно. Круто.

Вот это подарочек! Ай, спасибо, неведомые специалисты по тестам разумных существ. Может это как раз и есть главный тест — почувствовать, как это здорово управлять материей волей разума? И амулет этот, темноэнергетический, Марат уже прекрасно понимал — вовсе не простой. Силы, которые предположительно в нем находятся — могут быть просто ошеломительными. Ну не может такая штука быть банальным артефактом типа +1 к ловкости. Какая, к хреням, ловкость? Ловкость это вообще набор всевозможных характеристик.

Глава 6

Между тем темнеет. Судя по тому, что небо затянуто тучами в три слоя — ночь будет хоть глаз выколи. Интересно, эти твари спят? Хорошо бы им надо было спать. Э! Эй! Вы чего?! Мелкие заразы сбивались в кучу, складывали свои ноги, клали головы на землю и тела соседей, и явно рассчитывали завалиться на боковую прямо под деревом Марата. Ага, сейчас, размечтались.

Одно из правил штурмовика — всегда иди в атаку. Атакуй, если ты обороняешься. Ты в окружении? Прекрасно, атаковать можно в любом направлении. Марат тщательно прицелился, мягко качнул правую руку, широко размахнулся и послал топор в ближайшего, вольготно разлегшегося ящера.

«Кидай точно, кидай сильно, и при этом не свались с дерева» — девиз сегодняшнего вечера. Топор вошел ящерице в брюхо. Лезвием. Тварь вскочила, и даже не засвистела, а затрубила. Ранение не смертельное... по крайней мере несколько ближайших часов не смертельное. А там уж — как микробы и прочие мелкие болезнетворные организмы захотят. Хотя нет оснований полагать, что организм ящера не справится с воспалением даже такой раны. У них, у некоторых, по крайней мере — хвост целиком может отваливаться — и ничего, нормально, живут. Но приятно причинить ущерб противнику? Очень приятно...

— Я весь внимание! — сказал Марат, а потом издал самый громкий, самый неприятный звук который мог издавать человек (по мнению Марата). Визг испуганной девочки.

Получилось неплохо. Вся стая вскочила. Видимо — проняло. Будем надеяться, что этот визг не даст им нормально отдохнуть. Мяса то они сожрали немало. Крохотный мозг требует равновесия и капельку покоя. При этом визги маленьких девочек могут привлечь других хищников, и стая, которая легко валит чудовище похожее на тираннозавра, еще хоть немного сократиться.

Но уже через час крики, которые издавал Марат каждые десять минут, перестали тревожить стаю. Они расположились кругом, радиусом примерно метров двадцать, вне пределов досягаемости бросков этой сверкающей крутящейся штуки, которая регулярно прилетала с дерева, на котором расположилось вкусно пахнущее мясо.

Стемнело действительно так, что вытянутую руку не видно. Обычным зрением. Но у Марат есть способность — видеть невидимое. Сейчас он в полной мере оценил какую полезную вещь выбрал. Да, руку не видно, но он видит ее все равно. В контурах, без цвета. Не зеленоватым, и не красноватым сиянием, как через прибор ночного видения. Нет, просто он может различать оттенки черного. Без всякого света, разум просто понимает, что вот этот черный цвет немного плотнее чем вон тот. Удивительное ощущение. И к нему надо привыкнуть.

А как видят ящеры? Понятно, что они видят, и очень хорошо. Может быть, даже как змеи чувствуют контуры тепла, инфракрасное излучение. Вроде, они довольно плохо слышат. Чтобы проверить, необходимо спустится. Напасть. Марат не сомневался, что нападать надо. Надо добраться до Круга Переноса. Сегодня ночью. Если соперник-человек мертв, то Круг его перенесет. Это будет хорошо. А вот если он останется на дереве... у этой своры запас мяса на неделю, воды вокруг достаточно. Ничего хорошего он на этом дереве не высидит. Один на один с оружием он сильнее любого ящера. А темнота — это просто отсутствие фотонов. Странно это дело, боятся отсутствия фотонов. При этом Марат явно

должен слышать лучше зверюг. А уж видит в темноте однозначно лучше их. Если у них нет инфракрасного зрения — то дело у завриков швах.

Вокруг капало, что-то шуршало, что-то скрипело, жужжало. Лес жил своей ночной жизнью. Заврики сопели, ворочались, время от времени кто-то поднимал зубастую голову, явно вглядываясь в темноту, ничего особо не видя, так как Марат, стоявший на земле у ствола дерева, так и остался незамеченным.

Как не хочется отходить от спасительного ствола. Хочется стать тенью, и незаметно проскользнуть мимо отдыхающих ящериц, беззвучно добежать до Круга Переноса.

Но нет, надо нападать. Надо хотя бы понять: видят ли твари в темноте? Если они бросятся на него сейчас — он просто снова взберется на дерево.

В левой руке Марата рюкзак, будет использоваться как щит. В правой — топор. Марат широко размахнулся, и послал оружие в ближайшую тварь. К сожалению, пошло не лезвием. Ударило обухом. Бывает. Тварь вскочила и пронзительно засвистела. Тотчас вся стая вскочила, как на пружинах. Клацая челюстями, мотая уродливыми головами они принялись сбиваться в единый круг. Это было впечатляюще. Не смотря на полную темноту, ящерицы образовали почти идеальное круглое каре, и, похоже, собирались дорого продать свою жизнь. Любой, кто сейчас бы не попытался прорвать их строй — был бы также обречен исчезнуть под зубастой массой, как и днем.

Но они не нападали. Нападал Марат. Раз за разом он возвращал топор в руку, широко размахивался в десятке шагов от строя ящеров, и посылал свое оружие в самую гущу, не особо прицеливаясь. Ящеры потеряли около десятка бойцов, а потом не выдержали, и поддались панике. Единый строй превратился в ком, за неимением противника они принялись драть и рвать все что попадало им в зубы. Но строя они не нарушали все равно. Топор входил в эту массу с свистящим хлопаньем. Рука в этот момент уже отводится назад, и тяжесть топора снова в ней. Широкий замах и сталь снова улетает в темную беснующуюся толпу. Несколько раз одиночки, которые умудрились вывалиться из строя, почти доходил до Марата. Этих он убивал прямым, рубящим, в середину уродливой головы.

Честно говоря, Марат почти не устал. Правая рука продолжала с такой же силой, ровно и методично метать оружие, на выдохе, каждый раз лезвия с чавканьем входило в очередное тело. Конечно, так долго продолжаться не может. Наверняка эволюционный механизм, определяющий поведение этой стаи, сейчас даст команду — «черт с ним, спасайся кто может». Как только их численность станет недостаточной, чтобы завалить самого крупного из врагов — они разбегутся... Так и есть. В какой-то момент единый строй тварей рассыпался, они бросились кто куда, поодиночке, и группами по двое-трое.

Теперь, когда в рядах противника паника, и инстинкт нападения сменился инстинктом самосохранения — пора поискать Круг Переноса. Где же он? Вот здесь, не светится, просто пластиковая площадка посреди травы. Марат встал в середину. Ничего не происходит. Ах, да, ботинки... Он снова снял берцы, коснулся голыми подошвами теплой поверхности.

«Для завершения теста участнику необходимо предоставить доказательства победы над соперником». Что за дурацкая привычка вырисовывать пылающие буквы прямо в воздухе? А что, нельзя эти шутки вводить ему в голову? Эти пылающие надписи сейчас всю местную зубастую братву соберут.

Ну и где теперь искать эти доказательства победы? А может еще и нет никакой победы. Сидит соперник Марата где-то тоже высоко на дереве, ждет, еще и посмеивается. Ничего, мы же умеем «видеть невидимое». Надо идти туда, где был слышен человеческий крик,

глядеть по сторонам, не зевать, считать шаги.

А лучше — парные шаги, считать только правую ногу. Так привычнее...

Через две сотни пар-шагов Марат остановился. Сейчас он, предположительно, прямо в центре сектора испытания. Пойдем еще осторожней, и желательно — галсами, зигзагом. Мало ли что...

По пути встретились еще шестерых тварей. Ночью они уже не были такими агрессивными. Они были просто напуганными ящерицами, которые не очень хорошо слышали, и позволяли смерти подкрасться к ним на десяток шагов. Неслышимый замах, топор уходит гулом, ящерица с испугу прыгает чуть ли не на два метра, оглушает сама себя своими же движениями, и вот уже не поможет ничего. Смерть совсем рядом, рубит ее по голове или шее, несколько раз.

Пару раз Марат останавливался, замирал на пять минут, слушал капающую и шуршащую на все лады ночь. В основном — насекомые. Странно, что нет комаров, и вообще кровососущих тварей, хотя по идее их должно быть здесь море. Ну нет и нет, оно и к лучшему.

И вот еще что странно. Не хочется есть. Пить хочется, а есть — нет. Марат уже давно чувствовал, что по идее должен хотеть есть как зверь. А не хотелось. Даже одинокий чупа-чупс, купленный на заре времен для ребенка по дороге в садик — не пошел. Просто впечатление что сыт.

Квадратный километр — это тысяча метров, помноженная на тысячу метров. Добавьте сюда лес. И болото. И кучу травы по пояс. Поваленные деревья. Насекомых размером с кулак, слава всем богам — по большей части безобидных. Кучу разного зверья, невероятно опасного, и при этом чувствующего себя как дома. Перспектива не радужная. При этом захотелось спать. Напряжение спало, и теперь Марат отчаянно зевал. Мозг требовал отдыха. Но надо собраться, и продолжать. Сосредоточиться, встряхнуться. Ничего с мозгом не сделается.

Марат еще раз остановился, переводя дух. Воздух здесь такой..., слишком бодрящий, перенасыщен кислородом. Марат не сомневался, что он на Земле, на той же самой планете, только на много лет назад. На сотни миллионов лет назад. От этой мысли и от свежего воздуха голова словно раздваивалась. Одна половинка — здесь. А вторая пытается осознать масштаб случившегося. Сто миллионов лет. Тысяча, помноженная на тысячу, и помноженная еще на сто.

Надо собраться. Марат, как и любой истинный революционер, имел в запасе немало психологических приемов — как для поддержки других, так и для себя. Его этому обучали, некоторые вещи он придумал сам. Во-первых, представить, что у тебя вместо сердца — пламенный мотор. Не отвлекаясь ни на секунду от сканирования местности, он представил, что там, внутри груди, зарождается тепло. Еще секунда — и вспыхнул маленький огонек. С каждым ударом сердца он разгорается, становится больше, теперь груди для него маловато, жаркая энергия вливается в кисти рук, в живот, в ноги, в голову. Плечи расправляются, кулаки невольно сжались. Сердце уже даже не бухает — оно гудит ровным горячим пламенем, легкие исправно втягивают гигантские порции воздуха, поддерживая пожар внутри. Тепло и сила переполняют тело, полностью, целиком, такое впечатление, что от тебя расходится широкая полоса почти видимого жара.

Крылья. Пришел черед крыльев. Марат представил, что за спиной вырастают два огромных огненных крыла. Он прямо почувствовал их, расправил, на всю пятиметровую

ширь. В таком состоянии, с огненным мотором в груди и крыльями за спиной — ты можешь двухметровый забор перепрыгнуть. С места. Что тут какие-то поваленные мокрые стволы? С такими помощниками не замечаешь ни холода, ни жары. Нет усталости, нет плохой погоды, ушло безвольное настроение, чувства обостряются мало что вдвое. Боли не замечаешь.

Третье. Оружие. Ты представляешь, что у тебя в правой руке оружие. А сейчас и представлять не надо.

Посреди леса стоял человек, у которого из груди равномерными толчками плескало пламя, обжигающее даже на расстоянии; с двумя огромными черно-алыми крыльями за спиной; в руке он держал что-то крайне опасное, чрезвычайно смертоносное. Смотреть на такого не очень то хотелось. Нет у тебя к нему дела — лучше даже не обойти стороной, а развернуться, и бежать.

Марат редко прокачивал себя именно до такого состояния, до третьей ступени. Просто сегодня явно «надо». Вокруг давно светло. Солнце все так же за тучам, но утро прошло, день в самом разгаре. А спать нельзя. Нельзя. Тут и там снуют змеи, пару раз клыки вцеплялись ему в берцы, но прокусить не смогли. А если бы прокусили? Валялся бы сейчас раздутым от яда телом, рядом-вместе с перебитыми «завриками».

Вот оно. Везёт. В траве лежало копьё. Точно из такого же материала как и топор Марата. Прекрасно. Как гора с плеч.

Ну что, возвращаемся?

Нет.

Доказательство победы.

Ясно было сказано, и написано — «доказательство победы». Оружие врага не всегда является доказательством. А вот череп... Скальп. Отрубленный палец. Рука. Хоть один зуб, в конце концов...

Вот здесь его и настигла смерть. По всей видимости, противник Марата был то ли здоровый, то ли самоуверенный, а может просто — глупый. Решил принять бой на открытом пространстве, умереть на полянке, которая, кстати, оказалось болотцем, непересыхающей лужей среди деревьев. Здесь он и завяз. Здесь его и взяли. Здоровенный, наверно, был мужик. Вот его амулет, вот кровь. Ни единого кусочка, только ошметки одежды. Ботинок увязший глубоко в грязи. Сорок пятый размер. И еще ботинок, и что-то похожее на штаны. Ремень. Сумка. Сумку не тронули. Хищники из юрского периода не интересуются ни документами, ни гаджетами, ни деньгами.

Марат достал из сумки кошелек, вынул наличку (бумажки были почему то совершенно разные, хотя больше доллары и евро), не глядя кинул себе в рюкзак. Посмотрел документы. Американец. Запомним, потом пробьем по сетям. Остаться здесь опасно. Здесь пахнет кровью. Быстро. Подхватил копьё, ботинок, остатки штанов с кровью, амулет конечно же... и руки в ноги, но не спеша, с оглядкой, как можно быстрее — к Кругу Переноса.

Путь обратно оказался куда короче.

Марату уже несколько часов приходилось поддерживать себя в перевозбужденном состоянии, держать ровным пламенем огонь в груди, и крылья за плечами. Это поначалу кажется легко.

Вот и Круг. Не спеши, оглядись.

Никого.

Берцы снять, на шею. Копьё неведомого противника Марат поднял высоко над головой в правой руке, словно боялся что набегут... зеленые человечки, и отберут. Топор в левой. Так

он и вывалился в двадцать первый век от рождества одного из пророков: босой, с грязными ботинками, связанными шнурками на шее, с копьем и топором, с раскрытым рюкзаком, истекающий потом, весь в желто-зеленой слизи, что заменяла кому-то кровь, и с настоящей кровью, которая еще иногда капала с чего-то, похожего на человеческие штаны, которые очень долго драли собаки. Почему она не засыхала — Марат не понимал, а теперь сообразил что это не совсем кровь, а кровавая вода.

Тишина. Нет не скрипов, ни свистов, ни шуршания, ни воды в воздухе. Все вокруг строго, и симметрично. И сухо.

«Вы можете продолжить прохождение Теста в течении 72 часов, если по истечении этого срока вы отказываетесь от прохождения — результат теста аннулируется. Вы можете выбрать дополнительное умение».

Ладно, понял, не зудит...

Марат снова ткнул во вторую строчку списка из пяти пунктов. Снова проигнорировал Регенерацию, и взял Познание. И тут, прямо перед глазами, вспыхнули надписи. Много, и все синими буквами. Хотя какие это буквы? Набор каких-то знаков. Как будто строчки в фильме Матрица, только объемные, трехмерные. И синие, а не зеленые. Марат постарался сосредоточиться. Старался выхватить хоть одно знакомое слово. Да что там слово — букву. Бесполезно. Просто хаос перед глазами. Не иероглифы, не восточная вязь, не латиница, не кириллица. Черт знает что. А это наверняка информация, и причем — важная. Надписи помаячили секунд двадцать, не больше — а потом исчезли. Вот гадство... А ведь наверняка это важно.

Марат сполз с Круга Переноса. Ему сейчас надо спать, и поесть, а не умения выбирать и не инопланетную графику разбирать. Ему бы сейчас с кем поговорить. И покурить. Трясущимися руками он достал из рюкзака пачку, выудил сигарету, и с наслаждением затянулся. В лесу курить нельзя — любое зверье тебя, паровоза, за километр учует. А сейчас — можно.

Если бы кто-то находился рядом с Маратом, и мог смотреть чуть глубже чем обычное человеческое зрение, то он бы наверняка заметил, как исчезла из рук человека опасность, как сжались в точки за спиной великолепные крылья. Как ровный пламень в груди опал, перестал гудеть с угрожающим ревом, спрятался под одеждой.

Но не потух.

Он рассказал Юте все. С самого начала, от того места, когда нашел объявление на пустыре ночью. Как пошел и обнаружил по адресу бывшего полицейского, который вроде как отсеивал претендентов. Как прошел первое испытание-тест, какие умения выбрал. Заперевшись в темноте туалета она писала на бумаге слова, а он потом заходил, и в полной темноте читал написанное, демонстрировал как может «видеть невидимое». Юта слушала внимательно, иногда уточняла детали, переспрашивала, делилась промежуточными выводами.

Они всегда рассказывали друг другу всё. У них не было тайн друг от друга. Никаких недомолвок и двусмысленностей. Слишком много от этого зависело, и зачастую они не имели возможности не то что обмануть друг друга, но даже приукрасить произошедшие с ними события. Слишком часто от того, насколько тщательно они поделятся с друг другом подробностями, могло самым коренным образом поменяться их настоящее и будущее.

Юта, хоть и была младше Марата, но революционного опыта у нее был больше. Она получила боевой псевдоним-позывной раньше по возрасту, ее обучали специальные подготовленные люди (в том числе и сам Марат). Если он был по большей части самоучка, то она — специально подготовленное оружие революции. Боевая машина восстания.

Внешне она представляла собой женщину, в полном расцвете своих женских сил, ростом чуть выше Марата, стройная, с узкой талией, и в меру широкими бедрами, на которые заглядывались все мужчины. С грудью третьего размера, которой яростно завидовали все женщины. Милое личико с ямочками на щеках, прямой аккуратный носик римской патрицианки. Рыжая копна волос валькирии, прозрачная белая кожа, и голубые глаза, всегда горящие холодной яростью. Но иногда они становились зелеными.

Как и Марат, она умела проникать на любой объект. Никто пока не мог устоять перед ее детской непосредственностью. Вот она здесь, болтает о чем то несущественном, и вот ее нет. Только мелькнет вечный офицерский ремень на узкой талии, и мягкий стук берцев, которые она предпочитала любой обуви. Она умела читать людей, легко, как раскрытую книгу, могла вызывать ступор у любого мужчины и даже женщины — словом, движением, намеком. Могла вызывать любовь и ненависть. Была горяча как солнце Африки, и холодна как льды Антарктиды — одновременно.

Ее уважали. Не как женщину или тем более девочку, а как настоящего, умного, умелого и беспощадного бойца. Как человека, у которого лучше не становиться на пути. Она выбрала Марата, а он выбрал ее. У них родилась дочь. После того, как спецслужбы практически разгромили Штурмгруппу — Маузер и Люгер стали жить почти как люди, и только иногда, раз в месяц, могли позволить себе роскошь быть самими собой, на темных пустынных ночных улицах.

— Ладно, — наконец сказала Юта, поглаживая сталь топора. Она очень любила холодное оружие. «У него патроны не кончаются» — как она любила говорить.

— Это явно не органы, — вынесла она вердикт. — Зеленые человечки?

Марат пока тоже не торопился с выводами. Он отхлебнул пиво (они предпочитали самое слабое и дешевое, справедливо полагая, что оно к тому же всегда будет и самое свежее), пожал плечами.

— Не знаю. Как вариант зеленые человечки оптимальны, но тут даже не человечки,

почувствовал я что-то такое... нечеловеческое.

— Так, давай все по порядку. Итак, у нас есть офис, в обычном здании торгового центра. Там сидит обычный офисный работник, хотя и бывший работник органов. Старый и опытный, который на контакт не пошел, и в разговоре постоянно держал глухую оборону. Как будто пытался что-то скрыть. Так?

— Так, — согласился Марат. — Да я уж и сяк прикидывал, и наперекосьяк. В итоге чушь получается, несусветная. Ну, предположим, что органам попала в руки какая-то супер технология. Которая может перемещать человека в какую-то десять-дэ реальность. И они ее испытывают. В нашей дыре. Якобы на добровольцах. Непонятно — зачем, но испытывают. Я даже допускаю, что эта технология не просто виртуальная, а сопряжена с реальностью. Представил ты там, в этом Тесте, что можешь в темноте видеть... — и реально, твое тело перестраивается так, что, черт побери, ты на самом деле видишь! В абсолютной темноте! По настоящему! Но вот это как объяснить?

Марат вытянул руку ладонью вверх, и через секунду в ней материализовался топор. Юта хмыкнула.

— Ладно, спаситель человечества, на испытательном периоде, — сказала она. — Завтра на второй тест пойдешь? — это был скорее даже не вопрос, а утверждение. Юта не очень любила неопределенностей. Хотя вечно смеялась над Маратом, с его желанием распланировать от «а» до «я», но на самом деле предпочитала всегда быть ближе к нему в любой ситуации, справедливо полагая что он давно предусмотрел не только планы «А», «Б», «С», но и планы «А1», «Б22», «С444». В которых учтено все, даже полет пчелы вокруг граната.

— Да, конечно, — Марат и не думал что-то скрывать. Одна голова хорошо, но две всегда лучше. Тем более дело оказалось не только интересным (с приобретением новых способностей), но и прибыльным. При выходе из двери на улицу на его электронный счет перевели обещанные десять тысяч. Да и деньги, которые он выгреб из рюкзака второго неудачливого тестируемого — не растворились в воздухе. В совокупности — двести пятьдесят пять евро, как с куста. Что в их положении, описываемой как рабочий женился на учительнице — это очень и очень хорошее подспорье.

— Курицу тогда возьми, и грибов к ней, — сказала Юта. Даже дома они предпочитали говорить на жаргоне, зная, что сейчас спецслужбам ничего не стоит прослушивать абсолютно любое помещение. Многократно в этом убеждались, иногда даже в шутку заставляя полицейских стоять на ушах и бегать кругами, упоминая (вроде бы в надежных помещениях) что принесли с собой бомбу. Так они определяли — слушают их или нет, достаточно громко сказать слово «бомба!», и если есть прослушка — то на выходе тебя уже ждут два вежливых сотрудника вневедомственной охраны по поводу якобы сработавшей сигнализации. Или местный участковый — типа позвонили, поступил сигнал, надо проверить... Еще десяток в штатском, тоже ждут, но уже из разных ведомств, на глаза стараются не попадаться, просто сидят по кустам. Так что лучше в любом помещении резких слов не употреблять, и вместо слова пистолет говорить — «курица», а вместо патронов — «грибы».

— Поесть, и антибиотики не забудь. Носков возьми, и шерстяные тоже. Одежду потеплей. Как вот забросит тебя на втором тесте из джунглей в вечную мерзлоту — вспомнишь меня.

Да, вот такая она. Она не сомневалось ни в одном его слове. Они вообще не врали друг

другу — никогда, и ни при каких обстоятельствах, уж больно много в их жизни зависело от того, насколько они подробно поделаются друг с другом информацией.

— Ксения заходила, из соседнего подъезда, — сказала Юта, просто сообщая факт. В ее интонации ничего, что могло бы вызвать тревогу.

— Чего там у нее, опять денег взаймы? — проворчал Марат. — Она же вроде устроилась на нормальную работу.

— Устроилась, — подтвердила Юта. — И через три месяца сократили. Представь?

— Да представляю, — так же с недовольными нотками говорил Маузер. — Сколько на этот раз? Пять тысяч в долг до первой пенсии просила?

— Ага, — сказала Юта. — Я ей две дала. Иначе нам самим до конца месяца может не хватить.

— Ладно, не критично, — покачал головой Марат. — Вот заставлю её всё отдать, да возьму натурой. Всю ночь будет расплачиваться. Сколько уже за ней?

— Шесть в общей сумме... Хотя нет, уже восемь...

— Вертихвостка, — прорезюмировал муж.

— Кстати, — Юта встряхнула волосами. — Чего ты там натурой собрался брать? А?

Она придвинулась к мужу, и положила руки ему на плечи.

— Слушай, я устал просто как собака...

Она улыбнулась на его слова, и её тонкие, но сильные руки — с его плеч — медленно сползли ему на торс.

— Ведь на дереве просидел, как петух на жердочке, целый день. А потом еще целую ночь бегал... по джунглям, как бешеный Маугли. Завтра еще подумаю. Надо переспать со всем... этим... как его... тестом. Давай в кроватку, а?

— Мы еще не закончили, — ласково промурлыкала Юта.

— У меня вот реально сил нет к тебе приставать...

— А кто сказал, что тебе надо к кому-то приставать? — деланно удивилась она, и скользнула одной рукой вниз, положила ладонь ему между ног, и сжала пальцы.

— Сегодня моя очередь к кому-то приставать, — промурлыкала она как тигрица, и глаза ее, минуту назад — холодные и внимательные сапфиры, сейчас же загорелись теплым изумрудным огнем.

Тест 2.

На этот раз Марат был подготовлен куда лучше. Он достал из тайника «макаров» и взял обе пачки патронов. Взял нож, много веревки, запас еды на три дня, немного воды, сменную одежду, аптечку, ремнабор, сухой спирт, спички и зажигалку, леску... много всего. Взял даже коврик и пенку. Все это спокойно уместилось в его рюкзаке. А вот топор всегда при нем. Этот топор можно оставить где угодно, а потом представить его тяжесть в руке — и вот он, тут как тут. Волшебство. Продвинутая наука. То, что такая вещь возможна в принципе — говорит о том, что Марат стал подопытным кроликом в каком то не совсем земном эксперименте. На Земле еще пока таких технологий нет — чтобы топоры хозяину в руку впрыгивали, преодолев перед этим несколько километров разделяющего их пространства.

Марат не пошел через главный вход. Не хотелось опять встречаться с товарищем майором.

Совершенно справедливо рассудив, что выход вполне может быть и входом, Марат направился к торцу здания торгового комплекса, откуда он вышел в первый раз, из первого теста.

Да, совершенно верно, вот он — круг Переноса.

Едва он шагнул на его поверхность, как появились уже почти привычные огненные буквы.

«Вы можете выбрать дополнительное умение».

1. Регенерация.

2. Адаптация.

3. Всеядность.

4. Повышенная устойчивость к биологическим и химическим факторам.

5. Повышенная устойчивость к физическим факторам.

Ну прямо настоящая игра. Повышенная устойчивость к ядам. Увеличение уровня защиты. Интересно, как это будет выглядеть, если он пункт № 5 выберет. Кожу ему сделают толще?

Ладно, второе. Адаптация. Прекрасное умение. То что не убивает — делает тебя сильнее.

«Вы готовы ко второму тесту?»

— Готов, — твердо сказал Марат.

«Тест 2. Вам необходимо добраться до любого из кругов переноса на материке. Количество участников — не определено, переменное. Начальный уровень участников — 2. Площадь теста — 1 млн км. кв. Границы определены в рамках реального мира, первоначально вы находитесь на острове со всем необходимым, вам требуется добраться до материка и найти там любой Круг Переноса».

Марат сощурился от невыносимо яркого света. Свет был повсюду, солнце висело в зените. Сам Марат находился около остова ржавого речного катера, в двухстах метрах от голубовато-зеленой воды.

Место, где он оказался, было и знакомым, и незнакомым одновременно. Знакомым — потому что он уже здесь бывал. Видел и ходил по этому песку, на причале также стояли рельсовые многотонные краны, несколько зданий, почти заброшенных. Но тогда тут была река. Сейчас же здесь было море.

Сзади, за дырявым бетонным забором, как и в детстве — начиналось болото, настоящие джунгли из кустов и осоки. Марат знал, что если пройти эти джунгли насквозь, то через пару километров будет здание профилактория. Его отсюда, с берега — не видно среди деревьев, но Марат уверен — оно там. Ну положено этому зданию быть там, а Марату — видеть невидимое. А вообще, в целом, общем, и даже в частном — положено сначала узнать что в тылу, прежде чем лезть на главное направление или открывать различные линии фронта.

Остров? Большой такой остров, надо сказать. Марат по пояс измазался в грязи, в некоторых местах было вообще не продраться, и эти два километра дались ему совсем нелегко. Четыре часа — как по заснеженному лесу без лыж. Со скоростью пятьсот метров в час. Будем надеяться, что никакой кусачей мелкоты в здешних болотах не живет. Кстати, здесь опять таки нет комаров.

Странно, и может быть объяснимо. Может, он не один здесь. Может, за ним наблюдают, вживую, просто он никого не видит. А комары вполне возможно могут видеть. Даже взять образцы крови у неведомых наблюдателей.

Да, такое объяснение пойдет. За неимением другого.

Профилакторий оказался на месте. Только не такой, как в детстве. Тот был относительно обжитой. Этот — заброшенный, цоколь и подвал скрыты травой, старые липы

разрослись, почти сомкнулись над крышей пятиэтажного здания.

Ну что же, зайдем внутрь. Спокойно, не спеша, стараясь уловить каждое движение. По всей видимости, здесь же давно никого не было — трава нигде не пробита тропинкой, даже зверье (если оно имеется) — обходит это место стороной.

Как там было написано? Остров со всем необходимым?

А ему много чего необходимо. Во-первых — оружие. Инструмент. Наверно еда (есть, кстати, опять не хотелось, совершенно)... Ладно, сосредоточились. Марат сбросил рюкзак, и взял «макаров» обеими руками. Сейчас посмотрим. Первый этаж разгромлен... Точнее, все-таки, запущен. Просто пыль. Грязь. Битого стекла нет. Выбитых дверей тоже нет, некоторые просто открыты. Вообще тут давно никого не было.

Второй этаж. Здесь гораздо чище, и все двери заперты. Как и на третьем, и на четвертом, и на пятом. Пятый вообще чистый, как будто бы всего пару недель назад тут убирались, пыль тонкая. Проверим, что в кабинетах. Будем надеяться, что не трупы. Хотя, какие это кабинеты? Это же номера, для постояльцев. Абсолютно пустые номера, даже кровати заправлены.

Тишина. Только деревья за окнами чуть волнуются от ветерка. Марат стоял в лестничном проеме, на пятом этаже, с пистолетом наготове — и слушал. Тишина. И пустота.

Хотя на счет пустоты надо проверить. Обычно все-таки все хозяйственные помещения на первом этаже. С них и начнем.

Марат не спеша начал спускаться. Его вообще не волновало и не пугало что он один в здании, и похоже, на всем острове. Один — это хорошо и замечательно, не надо ни в кого стрелять, ни с кем выяснять отношений.

Что здесь у нас? Просто подсобка. Чуть затхлый запах. Несколько ведер (ведра — это замечательно) и сломанные швабры, рваный мешок, замызганные тряпки. Учли. Что дальше? Вторая дверь...

Марат распахнул ее и замер. Комната была абсолютно без окон, без обоев, просто грубо покрашенный бетон, горела синяя лампочка, и прямо посередине, на бетонном возвышении, находился круг Переноса. Хотя нет, круг Переноса синий, а этот красный. Косясь на лампочку (здесь у нас электричество есть?), Марат вошел в комнату. По всей видимости, это тоже не простой Круг. Вообще — не совсем человеческий. Возможно, что не земной. Если он на него встанет, то наверняка появятся висящие в воздухе красные буквы.

И они появились.

«Вы хотите провести трансформацию с амулетом? Да. Нет.»

Что, вот так сразу?

Марат погладил амулет, висевший на шее. Что-то подсказывало, что амулет этот и ключ, и источник энергии, и вообще — вещь необыкновенная. Трансформация — это как...? Хорошо, хотим.

«Да».

Несколько секунд ничего не происходило. Потом тяжесть амулета исчезла. Вообще. Нет, Марат его чувствовал. Только... внутри. Даже не чувствовал, а знал и понимал — как любой человек знает и понимает, что у него есть сердце.

«Трансформация прошла успешно».

Несколько секунд надпись повисела в воздухе, потом пропала и появилась следующая:

«Продолжить трансформацию? Трансформация предметов возможна если предметы расположены вкруге. Внимание: проводящий трансформацию при этом не должен касаться

поверхности круга».

Понятно.

Марат вышел из Круга, и надпись исчезла. Протянул руку — и вновь увидел огненные буквы. Ясно, дураку понятно. Что бы такое трансформировать, для эксперимента? Топор и пистолет сразу отпадают. Ни в коем случае, пока не станет ясно — как это работает. Что тогда? Нож. Отвертка. Немного веревки. Поколебавшись, Марат добавил баллончик с перцовым газом. Вряд ли он пригодится, особенно если в ход пошел огнестрел...

Все это он сложил на поверхности круга, рядом с собой. Ничего не происходило. Ладно... Марат коснулся рукой поверхности. Предупреждение погасло, и снова выскочила надпись.

«Продолжить трансформацию?» Угу.

«Выбрать главный трансформируемый предмет». Нож, конечно.

«Начать?»

«Да».

Снова прошло несколько секунд, потом с поверхности круга все исчезло, и появилось... Точнее — появился. Другой нож. Длиннющий такой, чуть изогнутый тесак. Мини-сабля. Кажется, по японски это называется «танто». Марат взял его в руки. Жуткая штука. Сталь чуть красноватая. По всем игровым канонам, если в создании такой штуки участвовал перец, то рана будет жечь прямо огнем. Проверим? Марат аккуратно провел лезвием по ладони левой руки. Очень аккуратно, практически только кожу разрезал. Боль была неожиданная, и жуткая, даже в глазах защипало.

Да. Есть. Прекрасно. Марата едва не скрутило от неожиданности. Ну... что хотели, то и получили. Только вот сейчас быстро смыть это водой, жжется ужасно...

Море не волновалось, дул едва заметный теплый ветерок. Стрекохут кузнечики и цикады, солнце палит нещадно, даже пот проступает на спине. Горячий песок обжигает пятки. Красота. Хотел бы Марат остаться здесь? Да, конечно. Привел бы в обжитое состояние профилакторий, обустроил бы склады, чтобы каждая полочка подписана. Привел бы в порядок портовые краны, покрасил бы здесь все, благо краски хватит лет на сто. Работал бы сам для себя, готовил бы ужин, сам себе, смотрел бы на море...

В море, примерно в пятистах метрах от берега, снова показался плавник. Даже не плавник, а плавничище. Парус, натуральный, как в стихотворении... Белеет парус одинокий. Даже по самым скромным прикидкам такой плавник должен принадлежать рыбине метров двадцать в длину. Тонн пятьдесят живого веса. Как там по научному? Мегаладон? Наверняка. Огромная рыбина, жуткая, и мимо нее с этого острова не пробраться. Наверняка задумывалась как испытание для тестируемого. А может — как предупреждение... Типа, эй, человечки, раз вот такое чудище патрулирует прибрежное мелководье, то представляете, что вас встретит в открытом море?

Марат представлял. Фантазия, слава богу, хорошая. Он представлял спрутов и кальмаров длиной метров под пятьдесят. Кашалотов. Стаи акул подобных этой, а то и побольше. Гигантских морских ящеров, наподобие черепах, только без панцирей, и с длинной шеей, с головой размером с лимузин, способных проглотить человека целиком, не раскусывая.

Марат перевел взгляд на плавсредства, которые у него имелись в наличии.

Алюминиевая лодка — сразу нет, плавучая, уже открытая консерва. Еще есть катер. Полувоенный. Сорок тонн весит, наверняка. Железный. Но, блин... речной. Речной. А здесь — море. И потом — это катер, отличная мишень. А здесь кроме флоры и фауны могут быть и разумные ребята. И даже условно разумные. Никто не дает гарантий, что в ста километрах отсюда не плавает механический бронекатер, без экипажа, но с электронным разумом, в который вложена единственная программа — уничтожать все другие объекты искусственного происхождения. И вот попал ты под обстрел из пулемета. На катере. Ага...

ну и как перспектива?

И потом — там же движок, ЯМЗ — 238, классный, надежный восьмицилиндровый дизельный двигун, очень экономичный, но даже при всей своей экономичности кушает двадцать литров топлива на час работы, сто пятьдесят литров на восьмичасовой рабочий день едва хватает. Полтонны топлива на сутки. Пятьсот литров. Две бочки по двести литров и еще половина такой бочки... На десять дней — двадцать пять бочек. И где столько взять? Дизельного топлива на острове — аккурат одиннадцать бочек, плюс еще сколько то можно слить из бензобака трубоукладчика, застрявшего в кустах со своими трубами. Хорошо... Считаем — двенадцать бочек. На пять дней круглосуточного ходу... Не вариант. Потом на такой железке под веслами не пойдешь. Да и под парусом в одиночку будет очень не сладко.

...И еще — время здесь двигалось. Не спешно, одна секунда за четыре часа, примерно. Шесть секунд на земле — в режиме тестирования равнялись одним суткам. Сколько он уже здесь? Второй месяц пошел. И попал он сюда примерно в полдень, когда солнце висело над горизонтом почти в зените. А на будильнике мобильного висело застывшее время — 13.34.15. А сейчас, 13.37.16. Прошло три минуты — и одновременно месяц. А когда начнется ночь, летняя жаркая ночь, когда хоть глаз выколи? Бррр..., задерживаться тут до ночи Марат совершенно не собирался.

Хотя он и так идет с опережением графика. Во-первых, до профилактория с Кругом Трансформации он проложил настоящую деревянную тропинку, из отличных трехметровых дюймовых досок, которых здесь, на складах заброшенного порта — было достаточно. Ну действительно, к Кругу Трансформации он ходил часто, десять раз на дню. Хотя солнце тут светило постоянно, повисло в одной точке, высоко в небе, но Марат все равно продолжал делить время на день и ночь.

Во-вторых, он обследовал на этом берегу все что можно, включая кусты и свалки. Сантиметр за сантиметром, не спеша, с чувством, толком и расстановкой. Заброшенные помещения оказались складами и ремонтными мастерскими. Двухэтажное здание по всей видимости — управление, здесь, на втором этаже, Марат и обосновался и никогда не забывал запирает двери когда спал. На складах и в мастерских было все. Не просто все, а вообще все что только можно. От испортившейся тушенки в ящиках до запасов металлопроката. Мастерские — вообще залежи и сокровищница всевозможного оборудования. Большой частью — сломанного, но как оказалось — достаточно поместить ту же сломанную дрель от фирмы «Прораб» в Круг Трансформации — и через секунду она трансформировалась в полностью рабочую дрель, только не «прорабовскую», а какую-то... инопланетную. Ну нет на земле таких технологий и заводов, которые могли бы выпускать дрели такого качества, которые ломаться в принципе не способны, зато способны с «оттрансформированными» сверлами влегкую пробивать даже пять сантиметров железа. И вообще просверливала эта машинка любую сталь как пластилин.

В-третьих, и, пожалуй, в самых важных вещах — это сам Круг Трансформации. Марат таки не удержался и трансформировал свой ПМ. Оторвал от сердца, и положил на красную теплую поверхность полностью заряженный пистолет, добавил чуть пластика и железа в виде уже трансформированной отвертки и такого же молотка, благо отверток и молотков у него более чем достаточно... Итог превзошел все ожидания. Внешне машинка стала похожа на настоящий «Крисс Вектор», огромный, тяжелый, квадратный. Правда, в магазине всего восемь патронов — сколько и было в нем изначально, но сам то магазин стал на семнадцать полноценных «грибочков».

Да и сами патроны, прошедшие трансформацию — то еще зрелище. Патрон как патрон, латунная гильза, только вот пуля — из зеленого прозрачного материала, и если поглядеть через пулю на свет — то в ней что-то плавало. И это «что-то» не только плавало, оно еще и взрывалось. Взрывалось не хуже полноценной гранаты, как только пуля полностью погружалась в пробиваемый материал. А пробить она могла все, не только дерево-пластик-железо, но и камень. Воронка в камне от такой пули оставалась сантиметров сорок в диаметре. Да и в стальной плите дырка была — будь здоров.

В общем, чтобы убраться с острова (который, честно говоря, больше похож на кусочек рая с бесконечным количеством работы) — Марат выбрал вариант с трубой. Которые в изобилии и разном типоразмере валялись рядом с трубоукладчиком, застрявшим в кустах... Байдарка из трубы... Огромная такая труба, метр двадцать, или если быть совсем точным — одна тысяча двести двадцать миллиметров по наружному диаметру. Толщина стенки — двенадцать миллиметров. Вполне достаточно, чтобы выдержать даже бронебойную пулю из сорок седьмого Калашникова в упор. Конечно, с пятидесяти метров полудюймовые патроны из ДШК сделают из его посуды решето, но вряд ли во втором испытании много ребят, которые носят крупнокалиберные пушки как основное оружие.

Больше всего возни причинил нос импровизированной байдарки. Марат выбрал шестиметровую трубу, долго прикидывал чем ее заткнуть с обеих сторон — чтоб с одной было чем резать воду, а с другой стороны надо воткнуть мотор... Выбор пал на трехмиллиметровую сталь и обилие пенопластовой пены. Но сначала — киль. Вместо кия внутри трубы Марат приварил четырехметровый кусок рельса — двести пятьдесят килограмм. Потом вырезал четырехметровый же кусок тонкой стали в длину, полметра — в ширину. Это тоже внутренний киль, а также верхняя стенка бензобака, а горючего Марату надо много. Модифицированной болгаркой вырезал вверху трубы два отверстия — одно для облегчения конструкции (потом ее надо заварить трехмиллиметровым железом) а второе — под люк, снятый с катера, который вел в машинное отделение. Марат решил, что его посуда будет не только чрезвычайно прочной, но и полностью непроницаемой со всех сторон. Внутри главной трубы затащил еще два куска железа — это стенки, и общая броня его линкора возрастает до полутора сантиметров — вполне достойная преграда даже для КПВТ. Обустроив все внутри — взялся за нос судна. Наварил несколько полос — основание. И на них уже начал варить фигурные куски. Через неделю было закончено, и результат превзошел все ожидания. Посудинка снаружи выходила мощной, прочной, а внутри полтора куба пенопластовой пены — непотопляемостей. Нос заполнен ею вообще полностью. Чуть-чуть по полу, и огромный поплавок в виде импровизированного кресла для работы веслами (если придется) — в корме. Уже точно не утонет.

Пену Марат получал просто. Нашел баллоны, брал с собой любую пластмассу, которой здесь было более чем достаточно, и шел к Кругу Трансформации. Укладывал все добро на красную поверхность и выбирал в качестве трансформируемого предмета пустой баллон из под пены. Короткое мигание — и вот уже пластмассы нет, а баллон стоит полный. Красота.

Мотор? Да, мотор он нашел, Вихрь-2, тяжелый, ржавый. Прочистил свечи, залил маслом, плеснул в бензобак литр бензина. Дернул. Бесполезно. Глухо, как в танке. И тогда Марат поволок его к кругу Трансформации. Положил на красную поверхность, и выбрал — «трансформировать», надеясь на чудо. И чудо произошло.

Круг мигнул, и на поверхности оказался Мотор. Черный, с двумя бронзовыми винтами, стильный, стремительный, не расхлябанно-тяжелый, а монолитно сбитый, неподъемный. На

табличке под бензобаком указан только один параметр — двадцать пять киловатт. То есть более тридцати лошадок.

— Отлично, — только и сказал Марат.

Потом к кругу трансформации он начал таскать все подряд. Старые консервы, давно просроченные, вздутые, с заметным душком — после трансформирования становились как новые, только что из цеха, с неповторимым привкусом. Спирт, найденный в одной из фляг, плюс несколько дубовых листьев — трансформировались в коньяк, который буквально таял в горле. Постепенно Марат понял, что круг Трансформации в данном случае не просто трансформирует объекты — он как будто выбирает наилучший вариант из существующих, находит этот вариант где-то в своей бездонной непонятной памяти, и улучшает предмет с уровня «дерьмо» до уровня «шедевр». Если бы Марат мог, он бы и свою «лодку» притащил и поставил на круг, вот только она после доработок была семь метров длиной, а круг — всего два метра в диаметре. Хотя, если поставить ее «на попа», точнее — на корму...

Марат уже продумывал данный вариант, в принципе ничего сложного он в этом не видел, у него был огромный трактор-трубоукладчик, вполне себе на ходу, с помощью его Марат и подтащил трубу к берегу, но вот беда — чтобы поставить ее на этого самого «попа» стрелой укладчика — нужно все здание перекурочить, начиная с пятого этажа. В общем — та еще головоломка...

Еще Марат работал над оружием. На складе нашелся ящик строительных патронов. Из них он доставал порох, потом забивал его вперемешку с бумагой и гайками в кусок двухдюймовой трубы, нарезал резьбу, вставлял крышку, опять же с резьбовым отверстием, вставлял импровизированный взрыватель. Нес все это дело на трансформацию, и получал удивительные гранаты. С виду — обычная лимонка Ф-1, только на самом взрывателе кольцо с рисками — на две, три, четыре или пять секунд. Столб воды от такой «вручную программируемой гранатки», брошенной в воду около причала — доходил до двадцати метров, неплохая такая получалась «лимонка», наверняка понравится всяким подводным гадам.

— Иди сюда, жаба злая, — Марат засунул лягушку в пакет. В другом пакетике жужжал шмель. Пришло время для экспериментов с живой материей. Не все же ему самому на себе всякие амулеты трансформировать. Лягушку он придавил дощечкой, шмелю оторвал крыло. Что же, попробуем. «Выбрать приоритетный трансформируемый объект». Лягушка, конечно. Круг мигнул, и от шмеля ничего не осталось. Лягушка тоже сидела спокойно, по виду — так и вообще ничего не произошло. Марат взял ее в руки. Ну и что? Что произошло? Она просто этого шмеля переварила?

Лягушка попыталась вырваться. Марат с трудом ее перехватил. Какая сильная, однако, стала. Ну-ка, интересно... Марат положил ее на пол, и тотчас же тварь прыгнула. Прыжок был великолепен, зеленое тело взметнулось на метр, и по ровной дуге полетело с приличной скоростью, и если бы не стена, то чертово земноводное одним прыжком преодолело бы метров... десять? Двадцать?

— Сейчас проверим, — сказал сам себе Марат. На ощупь лягушка уже не была холодной. В районе бедер и спины она вообще была почти горячей. Они вышли из здания на оперативный простор.

— Лети, жаба, — подбодрил Марат мутанта. Но шмеле-лягушка сидела на бетонных ступенях и пока не собиралась прыгать. Видимо, даже ее маленький мозг сообразил, что

после первого прыжка, едва не закончившегося самоубиванием об стену — прыгать теперь рекомендуется с осторожностью.

— Давай, зараза! — Марат топнул ногой.

Зеленая молния мелькнула в воздухе. Это было похоже на полет пули, только немного в замедленном действии. Марат понял, что стоит с раскрытым ртом.

— Ничего себе, — только и сказал он сам себе. По самым скромным прикидкам, бывшее земноводное, взяв с места, пролетело метров сорок, врезалось в гущу листвы, затем еще прыжок... — и все, можно даже не пытаться искать.

Мозг напряженно работал, пытаясь все объяснить. Нет, не зря он выбрал умение «Познание». Голова словно прояснялась, каждое явление и событие раскладывалось по полочкам, из каких то закоулков извлекались факты, о которых Марат не то чтобы забыл — но даже не подозревал. Вот и сейчас, он словно бы заново листал учебник «Энтомология». Нет, он его конечно листал, раньше, много-много лет назад. Но что там было написано? А вот теперь страницы обрели плотность, множество букв сложились в слова, мозг записал даже сноски под картинками — и теперь послушно выдавал всю информацию, которую только мог.

Марат спал, но чувствовал это. То есть понимал что спит, что он — во сне. Ему снилось, что он находится на самом дне глубокого моря, вверху — километры воды. И на этом песчаном дне он видит муравейники. Сотни, тысячи муравейников. Около них, почти рядом, из самой толщи дна вырываются струи чего то опасного. Может быть — газ, из разломов породы. Почву трясет, довольно ощутимо трясет. Марат знает, что пройдет совсем немного времени, и все изменится. Знает точно, наверняка. Не будет ровного песка. Будет жерло вулкана. И вода будет совсем не теплая, а тут все превратится в ад из огня и пара, и все эти муравейники сметёт. Все вот эти насекомые, которые сейчас чувствуют себя в полной безопасности, которые жили здесь тысячелетия — через какое-то время исчезнут все без остатка.

Марату надо их предупредить. Надо их как-то вывести отсюда. Рукой, закованной в водолазную клешню он пытается разрыть один из муравейников, добраться до матки, попытаться вынести ее, или объяснить, в конце концов, ну хотя бы попытаться! Разъяренные таким грубым вмешательством муравьи кишат на его скафандре. Матка-царица (Марат это чувствует) — пытается убраться все глубже и глубже, на недосягаемую глубину, и сдаваться не собирается. Мало того, соседние муравейники тоже возбуждаются, и громадная куча миллионов насекомых двигается на помощь попавшим с беду собратьям, желая одного — прогрызть этот чертов скафандр, добраться и узнать — кто там под многослойной одеждой, которая пока защищает и от давления, и от воды, и от муравьиных челюстей? А муравьиные челюсти, между прочим, медленно, но верно, микрон за микроном, вскрывают прочную резину залога его безопасности. Он же пришел помочь, вывести, объяснить, это же уникальные существа, почти разумные. Что делать? Надо бежать, и бежать как можно скорей, черт с ними, не хотят — как хотят...

Марат знал, что подавляющее большинство из этих муравьев — это на самом деле недоразвившиеся матки-царицы. Он уже неоднократно пытался брать самих маток во время роения и перенести их подальше, но с отчаянием самоубийц они снова и снова возвращались сюда, где тепло и темно, где почти нет врагов и столь много полезной пищи. Попытки предупредить всех муравьев, опрыскивая муравейники лошадиными дозами феромона «Спасайтесь, иначе скоро умрете» — тоже давала обратный эффект, муравьи в лучшем случае готовились к битве, а потом, следующими поколениями, вообще переставали реагировать на этот сигнал, а для себя вырабатывали новый, который нужно было заново исследовать и получать, и заново спускаться сюда с риском для жизни. Нужен был какой-то особенный муравей, способный понять в чем дело, наделенный особыми силами, способный вывезти хоть часть сообщества и начать новую жизнь, пусть далеко отсюда, в чрезвычайно жестких условиях. Просто взять экскаватор, почерпнуть один из муравейников вместе с маткой — перенести на другое место... не получалось, пытались, многократно. Не приживаются, не те условия, понимаешь. Давления им не хватает для дыхания, пища другая или просто хиреют от безысходности — не понятно. Они должны сами захотеть. Сами, по другому никак. Только как это сделать? Как найти среди миллионов и миллиардов того, а желательно тех, во множественном числе, кто действительно на это способен, способен понять и сделать — одновременно...

Марат проснулся сразу, с ясным мозгом и готовым к действию телом. Никаких «потягушечек», никакой сонливости, ни в одном глазу.

Решено.

Да не может быть, чтобы эта штука трансформировала его в гибрид человека и пчелы. Не может! Круг трансформации берет два объекта, выбирает, или ему указывают приоритетный, и второй предмет только дополняет основной. Дополняет, заполняет и улучшает. Ну никак ты не получишь, положив в круг кусок пенопласта и пустой металлический баллон из под монтажной пены — вспененный металл. Проверено уже сто раз. Тысячу.

То есть обычно из человека и паука получается человек-паук. Объект, похожий на человека, только улучшенный при помощи генетического механизма, который природа

совершенствовала почти полмиллиарда лет. Полмиллиарда. Пятьсот миллионов лет назад жили такие же пауки, и не сильно поменялись за это время, разве что дожили лучшие виды. А человеку от силы два миллиона лет, а царем природы стал буквально три-четыре последних тысячелетия, и то, неизвестно, царем ли? И насколько долго продлится венценосная династия?

Марат вступил на Круг Трансформации. Голый, чтоб не дай бог там что-то попуталось, в непонятных и неизвестных кибернетических мозгах. Шмель без крыльев медленно полз по красной поверхности. Кстати, внутри самого Марата имеется бессчетное количество всевозможных микроорганизмов. Они тоже будут трансформированы?

«Желаете провести трансформацию, этап 2»?

Ого, второй этап? А всего сколько?

Конечно, желаю.

«Да».

Свет моргнул.

Шмель исчез. Марат остался.

— И? — сказал он вслух. Прислушался к ощущениям. Не изменилось ровным счетом ничего. Вот только движения стали резковатыми.

Придется учиться управлять телом по новому. Каждое движение сейчас может стать катастрофическим, стоит только порвать связки... Хотя будем надеяться, что Круг трансформировал их вместе с мышцами. На улице Марат не смог отказать себе в мальчишестве. Он сосредоточился и прыгнул. Вверх. У-у-ух ты... Такое впечатление, что прыгнул на батуте. Метра на три к небу, не меньше. При приземлении едва удержался и довольно ощутимо стукнулся копчиком.

Просто офигительно. Не может быть, чтобы эти возможности не сохранились при возвращении. Это было бы плохо. Но топор то сохранился. И умение «видеть невидимое» — тоже. Значит, все будет нормально. Марат еще раз подпрыгнул, и уцепился за ветку дерева. Подтянулся на одной руке. Один раз. Второй. Жуть какая то...

Марат раздумывал, несколько дней. После несомненно удачного опыта со шмелем, совершенно ясно, что трансформировать себя самого можно, и скорее всего — нужно. Самое главное — осторожно. Потому что на следующей попытке трансформироваться с рыбой, выловленной в море, огненные буквы сложились в слова:

"Трансформация (этап 3) может привести к негативным последствиям. Продолжить?"

Марат благоразумно выбрал "Нет".

Негативных последствий в его жизни было навалом, и вселенная очень редко давала намёки на них, особенно прямым текстом. Так что лучше пока слушать старших, резких движений в мирное время не делать.

— Жабры добыть не получилось. Надо попробовать с растительным миром, — сказал тогда сам себе Марат, выбираясь из Круга.

Растительный мир не подкачал! Трансформация номер три с выкопанным и хорошо отмытым кустом осоки прошла на "ура". Только успевай собирать плюшки.

"Вы научились усваивать мономатерию".

Это типа если потребуется, я и песок могу жрать, — сообразил Марат.

"Вы научились усваивать свет". С этим понятно тоже.

"Ваш организм может уравнивать метаболизм" — почти стихи. Да и плюшка хорошая. Дыхание при достаточном запасе энергии уравнивается с внутренним

фотосинтезом? Прикол, сколько можно прожить на запасе воздуха в лёгких? Первое же испытание показало — больше пятидесяти минут, правда межреберные мышцы после этого болели ужасно, и температура тела повышалась, а уж лёгкие жгло так, будто там не воздух, а расплавленный свинец побывал.

Зато пришло время нападать. Этот плавник, размером с лодочный парус, постоянно курсирующий вокруг острова — порядком надоел и постоянно действовал на психику.

Битвы как таковой не получилось. Получилась браконьерская рыбалка. Марат зарядил гранату в брюхо пойманной накануне рыbine, подцепил чеку за бечевку, пропустил бечевку через трубу, вбитую в рыбий рот, предварительно застопорив тонким деревянным клином, и потащил все это хозяйство за собой. Урчал мотор, нос его трубного "дредноута" рассекал мелкие волны. Потом — рывок, Марат рванул в ответ, бечевка совсем ослабла, а ещё через пять секунд из воды взметнулся красный фонтан. Пришлось подождать ещё минуту, потом нырять. Выживший Мегаладон, даже с развороченной челюстью — никак не вписывался в планы Марата. Кстати, именно кусок челюсти, с несколькими зубами, он и прихватил в качестве трофея, удостоверившись в гибели подводной грозы морей.

Выбравшись на берег, Марат почти побежал к Кругу Трансформации. Ну ведь дураку ясно, что доисторическая тварь, нарезающая ровные круги вокруг острова — просто обязана быть не вполне обычной.

Марат не ошибся. Круг просто засыпал его "абилками".

"Получено: полная регенерация, пассивная, активная".

Это типа не только откушенная нога отрастет, но и усилием воли можно когти отращивать? А крылья? А если повреждение мозга, не совместимое с дальнейшей жизнедеятельностью?

"Укрепление организма, повышение прочности опорно-двигательного аппарата".

С этим ясно...

"Вы воспринимает инфразвук и ультразвук".

Тоже нормально.

"Устойчивость к давлению". Замечательно.

Марат просто чувствовал переполняющую его силу. С шмелем было не так, он был словно размазанный, а сейчас прямо какая то крепость в теле образовывается...

Буквы ещё раз мигнули: "Контроль веса тела. Способность. Левитация."

Что, прямо вот так, серьёзно? От куска акульей челюсти можно научиться левитации? Что там ещё? Следующие слова были не совсем понятны.

"Получен контроль энергетического контура тела. Доступен интерфейс".

Марат закрыл глаза. Потом открыл. Ещё раз. И где же интерфейс? Ладно, черт с ним. Пока не сильно нужно.

Ну... что, вот теперь можно побрыкаться. Ещё одно большое дело — и можно в открытое море, к новым берегам и приключениям... Так, а это что ещё? Огненные буквы вспыхнули ещё раз.

"Уровень концентрации тёмной энергии повышен".

— Ну слава тебе Господи, — язвительно сказал вслух Марат. — Ещё бы знать как этой тёмной энергией пользоваться.

А вот и интерфейс. Шкала во весь рост, точнее — во весь взгляд, или как ещё можно назвать тонкую нитку в глазу, на грани видимости, сбоку-справа? И это всё?

Последнее большое дело, которое Марат запланировал на своем острове — было

обследование боевого корабля, затонувшего буквально в пятистах метрах от берега. Глубина там была хорошая, метров тридцать, и, конечно, без ликвидации Мегаладона нечего было и думать о такой аванюре. Зато теперь, особенно после столь обильного водопада столь полезных плюшек дело представлялось в какой-то степени простым.

От корабля над водой торчали какие-то жалкие метр-полтора мачты, которые Марат изначально принял за ветви дерева, невесть как заброшенного в море. Но потом, приглядевшись (зрение, кстати, после последней трансформации, стало просто орлиным) — он понял, что это на самом деле металлическая мачта, а потом, после нескольких разведок, Марат понял, что на дне лежит настоящий военный корабль, с башнями на носу и корме. Там могло находиться много стоящих вещей. В первую очередь оружие, и будем надеяться — крупнокалиберное.

Для начала стоило обследовать командирскую рубку. Там наверняка есть сейф, и он там действительно был. Марату было достаточно привязать свою железную «мегабайдарку» к мачте, а самому просто нырнуть с веревкой на полчаса вниз. Сейф он нашел сразу, пришлось несколько повозиться с его креплением к стене, но Марат захватил все необходимые инструменты, в первую очередь — рожковые и накидные ключи, и болты сопротивлялись недолго. Как и петли сейфа уже на берегу не устояли после десяти минут обработки «болгаркой». Итогом было настоящее богатство. Две длинноствольные крупнокалиберные винтовки, с откидными прикладами, похожие на противотанковые ружья, только покороче, и с магазинами на пять патронов. И два пистолета, не Крисс Векторы, конечно, но тоже пушки достойные. Но самое главное — просто гигантская куча патронов к тому и другому. Тех самых патронов, с зеленой прозрачной оболочкой, внутри которой плавало что-то чрезвычайно взрывоопасное.

Единственная недоработка, или неприятный глюк, который обнаружился у Круга Трансформации — это его упорное нежелание нормально работать с боеприпасами. Нет, несомненно, ручные гранаты удались на славу. Но вот с патронами было плохо. Круг увеличивал их калибр, или менял размер. Положил два патрона калибра девять миллиметров — получил один большой патрон неудобоваримого диаметра десять и семь «эм-эм». Положил стандартный патрон, гайку и кусок тряпки — получил не только внештатный калибр, но и длину гильзы не пойми под что. После того как Марат опытами извел целую обойму, то есть восемь патронов — он прекратил эксперименты.

Вот теперь, с несколькими сотнями грибочков... теперь можно и в путь.

Острова.

Первый же остров, попавшийся Марату, поразил его. Это был совсем небольшой островок, можно сказать — песчаная отмель с грудой камней. Только песок оказался очень тяжелым, а камни — не совсем обычные. По жизни Марату мало приходилось сталкиваться с золотом и драгоценными камнями, но сейчас он не сомневался, что этот островок — одновременно Клондак и Эльдorado, в одном флаконе. Крупный тяжелый песок с красным отливом в горсти весил, наверно, более килограмма. По ощущению — словно плоску с карбид-вольфрамовыми пластинами держишь, а они по плотности от золота не сильно отличаются, и наработался на заводе с такими материалами Марат предостаточно. И камни... Камни были вообще великолепны. Синие, желтые, голубые, прозрачные, розовые, кроваво-красные ипостаси алмаза. Или все-таки это стекло? Марат набрал всего понемногу, отметил остров на импровизированной карте, и двинулся дальше.

Второй остров был большим, полнее возможно — и побольше, чем тот, на котором

Марат оказался первоначально. И крайне негостеприимным. Едва Марат причалил, как его атаковали обезьяны. Крупные, очень зубастые и злые краснозадые твари. Два десятка, рванулись как по команде. Пришлось отступать, и здорово попортить тишину, а заодно и шкуры зверюгам резкими хлопками выстрелов. Два десятка трупов через две минуты после того, как его нога вступила на неизвестный берег. Причем одна из зверюг добралась таки до него, и прокусила руку, хорошо хоть не оторвала. Остров представлял из себя плато, полностью покрытое тропическими джунглями. Марат, исследуя их, еще дважды подвергался нападкам агрессивных тварей, но огнестрельные стволы в руках человека всегда дают неоспоримое преимущество при встрече с любой ходячей опасностью. За сутки поисков Марат так и не обнаружил ничего стоящего. Ночевал он в двухстах метрах от берега, на мелководье, накрепко задраив люк, и сбросив якорь.

Вторые сутки поисков привели его к пятиметровой статуе обезьяны. Каменная статуя, ничего особенного, сплошь заросшая лианами, едва не прошел мимо. Но Марат не сомневался — павианы охраняли именно ее. Значит, в ней есть что-то ценное. Самое поганое, подумал он, если вдруг эта хрень очнется, и начнет размахивать своими каменными ручищами. Вот это будет незадача...

Сила бога обезьян в его посохе — вдруг прозвучало в голове. Сам подумал, или кто-то подсказал? Некоторое время Марат стоял неподвижно. Всё? Больше подсказок не будет?

Хорошо, ищем посох... Да вот же он, обвитая золотыми узорами деревянная палка, прямо в ногах статуи.

Не, не деревянная, — понял через секунду Марат, как только коснулся посоха. Да он, этот чертов посох, вообще тонну весит...

Раздался треск. По камню побежали трещины. Не дожидаясь полного восстановления обезьяньего бога, Марат отступил на несколько шагов, и начал из ружья всаживать пулю за пулей в змеящийся трещинами камень.

— Всё, хорош тупить, — сказал он сам себе, а потом стремглав бросился наутек, не забыв, однако, прихватить и артефакт.

Сзади послышался ужасающий рев, и топот шагов, которые может издавать только очень тяжелое существо. Деревья трещат и разлетаются как тростинки от поступи ожившей статуи. Марат, не оборачиваясь, через плечо метнул гранаты, с трехсекундной задержкой. Раз-два-три. Взрыв. Раз-два-три. Взрыв. Рев усилился. Тогда еще парочку. Последний взрыв был какой-то глухой... Ружье в сторону. Жалко. Ну да мертвецам оружие обычно не требуется. То ли взрывы, то ли отброшенное ружье — но существо сбилось с направления, и Марат выиграл еще пару секунд. Он молнией несся по непролазному лесу, напрягая каждую мышцу, каждое мгновение ожидая удара каменной руки по спине. Вот и пляж, вот и его дредноут.

Нет, не успеть...

— А побазарить сначала не хотим? — крикнул Марат, передергивая затвор Крисс-Вектора.

— Не, не хотим, — пробурчал он, отмыкая приклад и приставляя его к плечу.

Через тридцать секунд и четыре полных обоймы все было кончено. Выбежавшая из джунглей каменная обезьяна была и так неплохо повреждена — на груди и бедрах полуметровые рытвины-воронки от первых выстрелов, левая рука-лапа оторвана. Видимо, гранату в полете умудрилась поймать — сообразил Марат. Он сделал еще выстрел, так сказать — контрольный, в то место где была голова, а теперь только каменные развалины, и поспешил оттолкнуть свое плавсредство от берега. Ну как на фиг...

Конечно, какое тут поговорить? Просто представьте, сидите вы спокойно тысячу лет, никого не трогаете, охраняете доверенную, важную вещь, и вдруг кто-то... ни здрасте тебе, ни как дела — хватает посох, всаживает в тебя обойму из пяти пуль калибра двенадцать и семь... Потом кидается гранатами, руку тебе отрывает — и вдруг, когда уже совсем ясно, что дело идет к развязке по сценарию кто-кого... предлагает поговорить!

Зашибись, прямо идеальный образец парламентёрского искусства. Гений переговоров... чего уж там...

Только находясь в открытом море, удаляясь от острова с ожившим обезьяньим богом, Марат приступил к изучению посоха. Основа на ощупь была деревянной. Поверх основы — паутина золотых нитей, складывающихся в причудливую вязь. Может именно из-за них посох оказался таким тяжелым. Одновременно, Марат был в этом уверен — эта штука могла менять вес. Только что «это» весило два пуда, а потом — полтора килограмма. Когда он вихрем бежал по лесу, можно поклясться — посох весил как пушинка, соломинка.

Сомнений у Марата оставалось мало. Топор, который сейчас привязан к нему персонально — должен быть усовершенствован. С помощью этого посоха. Надо возвращаться.

Родной остров встретил бывшего хозяина приветливо. Все та же жара, также ласково плескается море у причала. Под навесом, на подставках — лежит бочка с бензином, с краником, как раз на случай возвращений, чтобы не искать, не бегать, в тридцати метрах от берега спокойно заправился — и пошел путешествовать дальше.

Круг Трансформации все так же равнодушно люминесцировал на первом этаже заброшенного профилактория. Марат уже точно понимал, что этот остров появился из его собственного сознания-подсознания. Кто-то очень могущественный взял, и создал все это — море, воздух, а остров просто вытащил из головы «тестируемого», знакомый и незнакомый одновременно кусок земной суши из воспоминаний.

Марат долго сомневался, рассматривая свой топор и посох на красной поверхности. Жалко будут если пропадут... Ну да что уж тут. Надо... попробовать.

«Продолжить трансформацию?»

«Да».

Получилось круто. Неимоверно круто. Секира, настоящая, с широким лезвием, с полтораметровой рукоятью, увитый вплавленными золотыми нитями. Тяжеленная, Марат едва стащил ее с Круга. А взял в руки — так и вообще центнер весу. Если не больше.

Стоило подумать чтобы она стал полегче... даже не так — стоило представить, что она стал полегче — и в руках Марата оказалась вещь, сделанная как будто из бумаги.

Потяжелее! Еще тяжелее! Еще!

Вот уже невозможно держать в руках, настолько тяжелая. И, на минуточку, Марат

сейчас был так силен, что двумя руками спокойно поднимал двухсотлитровую бочку с горючим. Двести килограмм, пусть и двумя руками, пусть и с некоторым напряжением — но поднимал, вскидывал на плечо, мог нести... очень далеко нести...

Тогда какой же вес мог набрать его новый топор? Уму не постижимо.

Несколько дней Марат тренировался с новой игрушкой. Тут без тренировки никак... Секира при таком весе рубила всё. Камень — напололам. Рельс — напололам. Обхватное дерево скашивал как соломинку. Главное — скорость мысли. Вот сейчас эта секира у тебя над головой, и не весит вообще ничего, как лыжная палка... а вот за миллисекунду до того как войти в железобетонный блок — она должна весить как товарный поезд. Удар! Блок превращается в два блока поменьше. Вместе с бетоном, камнями, арматурой. Эту штуку вряд ли может что-то остановить. Просто ужас, а не оружие получилось. Так же прячется в подпространственный карман, так же можно выбросить, а потом — просто представить в руке. Красота, нужная вещь, не зря возвращался...

Интересно, а где же здесь люди? Нет, оно понятно, миллион квадратных километров, Москва всего две с половиной тысячи, а попробуй там найти нужного человека, особенно если он не особо хочет быть найденным. Вот и «броненосец» Марата, над водой показывается всего на сорок сантиметров, с расстояния в один километр его вообще не видно. Могли разминуться друг с другом на расстоянии протянутой руки, честно говоря.

Следующий остров крайне не понравился Марату. Во-первых, на нем было много зданий, похожих на ангары и склады. Во-вторых, на кромке берега лежал на боку катер. Самый настоящий палубный катер, метров десять в длину. И никакого движения. Марат продолжал дрейфовать, выключив мотор, у этого острова, примерно в километре от берега, справедливо опасаясь приблизиться. Причаливать сюда точно нельзя. Похоже, вон те обломки, в двухстах метрах от первого катера — тоже останки какого-то плавсредства. Плот какой-то, из железных труб, кстати...

Надо бросить якорь, и попробовать пройти под водой, осмотреться на берегу, явно дело нечисто. Марат так и поступил. Пока он шел по дну, наверху мелькнуло несколько стремительных теней, похожих на акул. Но не напали, что, несомненно, хорошо. Хотя Марат подозревал, что в нынешнем состоянии способен запросто буквально «порвать пасть» любой акуле. Да и «устойчивость к давлению» наверняка позволит ему выдержать близкий подводный взрыв, если придется использовать гранаты.

Сначала он отдышался, и только потом исследовал катер. Несколько дырок в обшивке, калибр очень большой, не менее «двенадцать и семь». А вот и человек — точнее то, что от него осталось после попадания очереди из крупнокалиберного пулемета. Одна рука, один башмак и кучка тряпок вперемешку с гниющей плотью. Кто же его так?

Итак, предположение номер один. Где-то здесь есть замаскированные огневые точки, которые начинают стрелять на движение. Марат исследовал дырки в борту, поочередно заглядывая в каждую. Нет, стационары отпадают — стреляли явно с разных углов. И такое ощущение, что стреляли не от зданий, а прямо с берега. То есть на острове есть механизм, или существо, которое свободно передвигается. И при этом вооружено крупнокалиберной пушкой. Это плохо. А с другой стороны, его можно выманить на открытое пространство и расстрелять самому. Это хорошо. И приманкой у нас будет... Марат посмотрел на море, на акулы треугольники, которые мелькали тут и там. А почему бы и нет? Пока он шел по дну, акулы его не трогали. Но (Марат был в этом уверен) — хоть единая капля крови — и они бросятся на свежее мясо.

Стоит попробовать. Во-первых — тут мелководье. Во-вторых — недалеко камни. В-третьих — на катере он видел бухту веревки. Надо пробовать.

Примерно через час Марат, уставший, но довольный, занял позицию позади лежавших на берегу камней. В пятидесяти метрах от него море кипело от снующих плавников. Веревка, прицепленная к катеру и уходящая в море — то напрягалась, то ослабевала. Получилось, конечно, не очень..., движение дырявого корпуса едва-едва заметно, даже не дрожь, а так, слабые судороги... но уж как получилось... Где-то в глубине, перехваченная петлей в районе хвоста, бесилась довольно крупная акула, а десятки ее соплеменников бороздили песчаную отмель, привлеченные всего парами капель крови из руки Марата. Он оглядел все это еще раз, поднял круглый гольщ, и легким движением метнул его в железный остов катера. Раздался громкий звук, и тотчас же на берег, как чертик из коробочки, выбежал механоид. Самый настоящий двуногий робот, как из фильма "Робокоп", и вместо правой руки у него была вмонтирована пулеметная шестиствольная установка. Машина остановилась, и, как показалось Марату, довольно растерянно стала водить своим оружием по периметру, потом замерла, обнаружив что остов катера нестандартно колеблется от акульих усилий; но не стреляла. Марат навел оружие на противника, глубоко вдохнул, и выпустил длинную очередь. Чем хорош Крисс Вектор — у него почти нет подброса, и кучность просто замечательная. Марат не сомневался, что более десятка пуль с зеленым жидким наполнителем попали в машину. Но механоид еще успел развернуться, и падая, открыл огонь, правда пули уходили далеко в сторону. На звук выстрелов из-за ангаров выбежал еще один робокоп-переросток. Мгновенно оценив обстановку, тот начал стрелять в том же направлении, что и первый. Море вскипело от попаданий. Марат заменил магазин, и как только второй робот приблизился метров на сто, угостил очередью и этого. Спрятался, молясь киммерийскому богу Крому, чтоб железных дровосеков оказалось не более двух.

Установилась тишина. Потом по пляжу пополз дым — второй робот загорелся. Первый лежал неподвижно. Марат выждал еще пару минут, и пополз к первому. Береженого бог бережет. Пара ударов секирой не помешает. И, блин, до чего же крутая пушка у него вместо руки, прямо зависть берет.

— Мне бы такую, — пробормотал Марат, и пополз осматривать второго механического бойца. Этому даже секира не потребовалась. Видимо, пули пробили масляный бак гидравлики, и желто-красная кровь лужей расплзлась под машиной, а теперь еще и горела, распространяя вокруг себя тягучий черный дым.

— Ждем, — сказал сам себе Марат.

Только через час, полностью убедившись что ходячих опасностей больше нет, он сдвинулся с места. А вот то, что здесь могли быть мины — его здорово напрягало. Даже соваться на траву и в подлески не хочется — на месте неведомых создателей этих ангаров он напичкал бы эти участки всякими взрывающимися штуковинами, оставив широкие песчаные площади и дороги для патрулирования механоидами. Очень не терпелось проверить, что же здесь в этих ангарах и складах прячется, но безопасность важнее. Только пройдя весь остров (не такой уж и большой) — вдоль и поперек, плюхаясь в песок от любого шороха — Марат наконец вскрыл первый ангар.

Ящики на поддонах. Ящики на стеллажах. Ящики, наполненные оружием и боеприпасами. Мечта милитариста-коллекционера. Да что ж это такое? То не было ни гроша... а теперь его просто заваливают оружием, тут на целую армию хватит.

— С кем воевать то собрались, умники? — сказал Марат, вполне возможно его и

слышат. За последнее время окрепло ощущение, что за ним следят. Нет, параноиком и раньше он был знатным — без этого не выживешь, ни в том мире, ни в этом. Но сейчас даже не ощущение, а полная уверенность, что каждый его шаг записывается и анализируется.

Автоматы. Пистолеты. Винтовки. Пулеметы. Патроны. Гранаты. Гранатометы всех видов. Все упаковано в промасленную бумагу и свежую стружку. Ящики с медикаментами, с системами очистки воздуха, с генераторами. Стеллаж под бронежилеты. В другом ангаре — амуниция, всех типов и расцветок, зимние, летние. Шапки и каски. Опять бронежилеты. Третий склад, вкопанный под землю. Минометы, горные орудия, снаряды всех марок, еще раз гранатометы, мины, включая морские, и даже несколько торпед. Еще помещение-ангар. Там оптика, радиолокационное оборудование, радиостанции и кучи ящиков с уже совсем непонятным назначением, портативные летательные аппараты, тарелки, военные сервера и ноутбуки, больше похожие на железобетонные кирпичи. Немыслимое богатство, вот только что с ним делать? Возьмем понемножку, а кое-что попытаемся "оттрансформировать". В первую очередь — бронежилеты. Очень хочется иметь супер-броню, ну вот реально надоело ходить кучей мяса. Оно, конечно, полезно для здоровья, никогда не расслабляешься, но как говорил один хороший человек, "лучше иметь самому, чем поимеют тебя".

Марат уже давно прикинул время, сколько ему можно здесь находиться. Если одна секунда "здесь" равна четырем часам "там", то чтобы вернуться до вечера, скажем часов этак до девятнадцати-ноль-ноль, и успеть на семейный ужин с Ютой и Сабриной, надо управиться "здесь" в течении десяти лет. Десять лет. Вроде бы и спешить некуда, а уже четыре месяца прошло...

Так, остался еще один ангар, самый большой и красивый. И с открытыми широкими воротами, в которые, пожалуй, не только танк, но и истребитель может въехать.

Марат справедливо предположил (да и по следам было ясно), что эти шагающие "робокобы" появились как раз из этого ангара. Несколько раз, с разных ракурсов он попытался проверить или хотя бы понять — что там внутри, но внутри была сплошь темнота, с таким же успехом можно пытаться рассмотреть звезды днем. Может, стоит бросить гранату, предварительно нацелив на вход пару ракетно-зенитных установок и крупнокалиберный пулемет? В конце концов, действительно, он вытащил пулемет, и, расположив его в выкопанной ямке с прикрытием из мешков с песком, выстрелил внутрь из ракетницы. Яркая красная звезда прошила мглу, но ничего особого не выявила. И, слава тебе многорукий Шива, никто из проема, громыхая железом и пуляя вокруг сталью — не выбежал. Марат выстрелил еще три раза, только теперь подряд. Нет, тишина, и такое впечатление что пустота. Как будто в ангаре не было ничего, только далеко за воротами — какая то стенка, по всем прикидкам — едва ли по пояс человеку среднего роста.

Марат пригибаясь, прикрываясь найденным тяжеленным щитом, в каске и бронекостюме все-таки решил заглянуть в ангар. Как только он переступил порог — зажегся яркий свет. Марат с перепугу плюхнулся, но никто в него стрелять не спешил. Все было чинно-благородно, только непонятно где лампы. Зато впереди — действительно преграда, длинный стол, а точнее — прилавок, за которым стоял человек. От неожиданности Марат чуть не рванул со всех ног к незнакомцу. Он сам не ожидал от себя, что так соскучился по обычным людям, что даже незнакомца и непонятого человека идентифицирует как «безопасного друга». Все-таки одиночество здорово действует на любую психику. Давя в себе непонятное желание выпрямится во весь рост, на напряженных ногах, и с оружием на изготовку, Марат подошел к незнакомцу.

Человек как человек. Рубашка, брюки и ботинки. Средний рост, средний возраст. Глаза неопределенного цвета, нос... нормальный нос... вот только то, что это не человек — Марат понял почти сразу, еще на середине пути. Человек не может так смотреть — пусто и бессмысленно. Подойдя вплотную, Марат уставился на незнакомца. С виду — точно человек, даже на ощупь, наверно, теплый. А глядит так, что аж мороз по коже. Андроид, киборг, нежить. Марат качнулся вправо — существо повернуло голову вслед за его движением. Присел на корточки — и увидел голову андроида прямо над собой. Голова эта, точнее лицо, пыталось изобразить что-то типа недоумения и озабоченности. Как будто спрашивало — что с тобой, человек, ты в порядке? Да блин, идиотство какое-то. Ладно, попробуем поговорить. Для начала выпрямимся...

— Зачем я здесь? — Марат старался подбирать вопросы из как можно меньшего количества слов. Голос у него... какой-то хриплый и задушенный. Хотя может это здесь акустика такая странная.

— Чтобы спасти разумную биологическую жизнь на Земле, — механическим, звенящим голосом ответил андроид.

— Что случится на Земле с биологической жизнью? — Марат решил, что вполне возможно у него мало времени, и ограниченное количество вопросов, только скажут ему об этом потом, когда лимит будет исчерпан. Так что поэтому лучше уж сразу брать «быка за рога».

— Через несколько лет Земля будет заражена штаммом активной протоплазмы и полностью очищена от биологической жизни.

Ответ принимается. Следующий вопрос:

— Ты здесь чтобы помочь мне?

— Да, — ответило существо.

Марат ждал, но дополнительных разъяснений не последовало.

— Как ты должен мне помочь? — спросил он осторожно.

— Необходимо передать ряд предметов, которые могут помочь тебе в данной миссии. Не оружие. Необходимо получить разъяснение и разобраться в них.

— Какой первый предмет? — похоже, это прямо какой-то специальный уровень по раздаче бесплатных, халявных и крутых плюшек и абиллок. Ну, если не учитывать, что каждую секунду, хоть на острове, хоть в море — тебя буквально каждую секунду могут превратить в кровавое месиво вместе с твоими плюшками и абилками.

— Ре-ду-пли-ка-цион-ный блок, — произнес андроид. Вот так и произнес, по слогам, словно слово было очень трудным для него.

— Тащи уж все сразу, чего там... — предложил Марат.

— Ре-ду-пли-ка-цион-ный блок, — механическое подобие человека поставил на прилавок ящик размером с стандартное многофункциональное устройство формата «альбомный лист». Только эта штука была деревянная. Реальный такой деревянный ящик из светлого ясеня, с несколькими полочками.

— Встроенный энергетический источник, на десять лет непрерывной работы. Секция для копируемого предмета, — андроид приподнял крышку сверху. Там могла уместиться книга толщиной с «Войну и мир» — но не более. Для десяти пачек стандартных денежных купюр вполне достаточно, с усмешкой подумал Марат.

— Секция для скопированного предмета. Точность редупликации, — теперь слово было произнесено профессионально-слитно. — Девяносто девять и девять в шестой степени процента. Для повышения точности старайтесь загружать в бункер-лоток исходного материала вещество, максимально близкое по молекулярному составу к копируемому объекту.

— Да, понял, — сказал Марат. — Тебя как зовут, родной?

Андроид, получив этот вопрос, замер и уставился на человека. Просто остановился.

— Ладно, не зависай. Следующий предмет? — Марат взвесил на руках «редупликационный блок». Тяжелый, как будто целиком из железа. Но тащить можно. Вот только если похожих предметов ему сейчас передадут десятка два, то это станет проблемой.

— Следующий предмет: дом-убежище. Стандартная ячейка. Внутренний объем — пять тысяч четыреста метров кубических. Нулевой вес сохраняется с увеличением массы до ста семидесяти тонн. Возможность установки как вертикальных, так горизонтальных поверхностей, стандартный привратник типа «мимикрирующий полиморф». Настройка привратника — ментальная. Частичный перенос сознания — касанием. Настройка внутренних помещений — касанием.

При этом андроид вытащил из под прилавка следующий «кирпич».

«Ну, сейчас завалит меня квадратными подарочками», — подумал Марат. Второй предмет был примерно того же размера что и первый, только низ у него был из стальных пластин, а верх — из стопок аккуратно сложенной брезентовой ткани.

— И как эта штука работает? — поинтересовался Марат.

— Прощу, — андроид отступил на несколько шагов, положил стандартную ячейку на пол, и дернул брезент вверх. Послышался клацающий звук. Это одна за другой раскрывались нижние стальные пластины. В развернутом виде это была обычная брезентовая палатка. Только маленькая даже для одного человека. Метр на метр.

— Прощу. Внутри она гораздо больше чем кажется.

Марат обнаружил, что прилавок перед ним исчез, образовав изрядный проем. Кажется, продавец решил продемонстрировать товар лицом. Марат на карачках влез в проем «палатки». Внутри обнаружился еще один вход-клапан, пришлось пролезать и в него, после чего показалось, что вокруг ничего нет. Марат развел руки в стороны — ничего себе палаточка. Зажегся теплый белый свет, и оказалось, что он стоит у входа в громадное

квадратное помещение. Стены у этого помещения оказались из того же самого брезента, только более грубого. В углу лежали большие прямоугольные пластины.

— Это модули для установки внутренних стен, потолков, перекрытий, если потребуется и лестниц.

Вот это вещь так вещь. Даже не вещь. Мечта. Собственный дом в кармане. Не совсем в кармане брюк, но в рюкзаке вполне уберется.

— Что означает нулевой вес до ста семидесяти тонн? — спросил Марат.

— Блок гравитационного сжатия в данной ячейке имеет массообъем сто семьдесят тонн при гравитации девять целых и восемь десятых. Это значит, что вещи на объем данной массы, находясь внутри стандартной ячейки, имеют нулевой вес.

— Замечательно, — сказал Марат с восхищением разглядывая открывшееся ему пространство. — А что будет, если более чем сто семьдесят тонн?

— Каждая последующая тонна массы будет весить по формуле — масса, деленная на сто семьдесят.

— Это типа, — размышлял Марат вслух. — Если я туда триста сорок тонн засуну, то сто семьдесят — это в минус, а оставшиеся сто семьдесят делим... и все это хозяйство, на нашей стандартной земле, станет весить одну тонну...

— Да. При стандартной гравитации девять и восемь, — подтвердил андроид.

— Ладно, пошли выбирать. Какие еще подарочки есть?

— Есть, — прочеканил механический голос. — Летательный аппарат типа "Колокол", октокоптер, беспилотный вариант, управление ментальное...

— Да не проблема, — ответил Марат.

Материк. Спустя год.

Марат стоял на палубе подводной лодки. Самой настоящей подлодки, которую они подняли со дна одного из островов. Лодка, хоть и была подводной, но больше походила на корабль. Узкий тонкий нос, широкая плоская палуба, только надстроек — минимум. Можно сказать — одна рубка, и куча люков. Еще имелось два орудия, вполне работоспособных, и полный боекомплект торпед. Все это они сделали за несколько месяцев...

Они... Сначала их вообще было двое. Марат и Гонзало. Колумбиец, высокий, веселый, кучерявый как клен, никогда не унывающий юноша двадцати лет от роду — он шел по морю на стареньком рыболовном катере под белым флагом.

Потом к ним присоединился вечноспокойный Майкл, из Австралии, невозмутимый до невозможности, как и его предки, английские опальные пэры, но сейчас похожий на оборванца, буквально прожаренного солнцем.

Пару Майклу составила Александра из Румынии. Потом еще присоединились Болек и Лелек (как их прозвал Марат) — два негра, один из Италии, другой из Франции, оба черные до синюшности, кучерявые, рокеры и байкеры. Потом в основном пошла азиатская масть — два китайца (которых Марат, не мудрствуя лукаво, окрестил для себя Джеки Чаном и Брюсом Ли), один вьетнамец (Хо Ши Мин), индус (Раджив типа Ганди), и пакистанец с традиционным именем Саид.

Именно Саида оставляли на острове, который они называли Камень. Этот остров и был, по всей вероятности, одним большим камнем, который обронил здешний Демиург на песчаную отмель. Именно рядом с этим островом нашли эту полузатопленную стальную машину. Австралиец Майкл определил подлодку как японскую, одну из самых быстроходных периода Второй мировой.

Саид оставался на острове по нескольким причинам. Во-первых, кто-то должен был оставаться. Во-вторых, на острове Склад (тот, на котором Марат завалил из Крисс Вектора «робокопов») — Саиду досталось от Продавца огромная шагающая машина, экзоскелет высотой с двухэтажный дом, весивший десяток тонн, и путешествовать на нем по воде было серьезной проблемой. Ну и в-третьих, Саид вообще панически боялся воды. Поэтому он оставался на Камне, латал, как мог, подлодку, и каждые двенадцать часов устраивал салют — стрелял с вершины Камня большими сигнальными снарядами. Видно этот фейерверк было и за десять миль, не смотря на яркий свет солнца, что наводило на мысль, что земля здесь плоская.

Теперь их вообще было тридцать один человек. Все — замечательные ребята, молодые, сообразительные, шустрые до невозможности.

Полгода назад, когда их было всего десять, как всегда — неожиданно и ребром встал вопрос о выборе командира.

Жарило солнце. Они сидели вокруг костра, похожие на толпу оборванцев. Только у каждого оборванца в кобуре на поясе — пистолет. Плюс винтовка или автомат за плечами. Местная обстановка не располагала к расслабленности. Каждый из них уплыл со своего острова на собственном, обычно самодельном, плавсредстве. Сейчас плоты и лодки всевозможных размеров и модификаций стояли у берега. Одна из лодок дымилась. Борта ее были продырявлены пулевыми отверстиями во многих местах.

На песке рядом с оборванцами, но выбиваясь из общего круга — сидел человек, наспех перевязанный бинтами. Руки его были скованы наручниками. Ноги — тоже.

Это был краснокожий. Самый настоящий индеец. Только перьев не хватает в иссиня-черных волосах. Лицо его спокойно, хотя иногда щека дергается. Видимо — от боли. Ему досталось четыре пули, перебиты локоть и колено.

Но и остальные хлебнули не слабо...

Вон тот (индеец хмуро усмехнулся своим мыслям), мелкий и тощий, который здесь, похоже, за главаря — вообще получил две дырки полудюймового калибра в грудь. Правда, это не помешало ему доплыть до каное индейца под водой, взобраться на борт, и подобно змее — оплести непонятными приемами, после которых Кровавый Пес лишился оружия, и приобрел наручники.

— Ты же видел, что мы под белыми флагами! — обратился к индейцу один из сидящих. — Зачем стрелял?

Индеец даже не покосился на него. Лицо его так и оставалось спокойным и надменным.

— Ну и зачем ты его спасал? — обратился вопрошающий уже к тощему, который ощупывал дырки на груди с недовольным выражением лица.

— Его нельзя было оставлять, — чуть помолчав отозвался тощий. Потом поднялся на ноги. Похоже, что две страшные раны, оставленные пулями весом по пятьдесят грамм каждая — не сильно его тревожили. Кровь уже остановилась, и было видно, как отверстия постепенно затягиваются.

— Если бы он выжил, то обязательно постарался бы нас убить. Так ведь?

Теперь Кровавый Пес поглядел на собеседника. Из-за своей щедрости тот показался сначала мальчишкой, но теперь индеец видел — это достаточно пожилой человек. Сильный и гибкий. Как стальной закаленный прут. От него веяло настоящей, смертельной опасностью. Большинство сидящих вокруг были слабаками. А этот — нет.

— Мы тут все с сверхспособностями, — продолжал Марат. — А этот может вообще

какой-нибудь вампир, или типа того. Бессмертный какой-нибудь. Эй, вождь краснокожих, скажи хоть слово. Иначе помрешь как собака...

Индеец отвел взгляд.

— А, так у тебя есть кличка, — вдруг сказал тощий. — Ты какая-то собака!

Кровавый Пес вздрогнул.

Как?

А потом понял — телепатия...

— Нет у меня никакой телепатии. Но вот кое у кого — есть, — проворчал Марат. Потом обернулся к сидящим. — Товарищ Александра. Попробуй его просканировать. Мне совсем не улыбается оставлять его в живых дольше, чем на пару часов. Он, если только освободится — начнет нас резать. Я эту породу знаю. Обидчивые прямо, куда деваться...

Одна из сидящих поднялась, и подошла к индейцу. Положила руку ему на голову.

— Его зовут Кровавый Пес, — сказала девушка спокойно. — Он не вампир. Хотя действительно, хочет нас убить. Он считает, что выбраться отсюда может только один.

— Что у него за способности?

— Почти стандартный набор. Регенерация, конечно же. Увеличена сила. Может выдерживать высокие и низкие температуры. Энергия жизни, может оживлять предметы. Но пока не может их подчинять. Думает сейчас, как оживить наручники и заставить их сползти с рук...

— Мда, опасный, — сказал кто-то из круга сидящих.

Тощий сел на корточки, взял Пса за подбородок.

— Слушай меня внимательно, кровавый собакен. Нам кажется, что здесь нужно держаться вместе. Поэтому мы все вместе. Находим одиночек, вот таких как ты. Некоторые тоже поначалу волками смотрят. Но разведка показывает, что порталов для выхода здесь много. Главное — до них добраться. Через воду, пустыню и горы. И мы — доберемся. Все вместе. Но ты убедил себя, что должен остаться один. Может ты и прав. А скорее всего — нет. Подумай, что сказать нам. Я вот лично тебе не доверяю, и буду голосовать за твою смерть. Понимаешь? Времени у тебя на раздумья — мало.

— Так, товарищи и друзья, — обернулся тощий к своим. — Давайте разливаем чай и кофе. Потом каждый выскажется, что нам делать с этим... вождем. Понятно уже, что он больше предпочитает стрелять, чем разговаривать. Мне вот лично это не нравится. Особенно если я сам иду под белым флагом.

Ни чая, ни кофе Кровавому Псу никто, естественно, не предложил. Раны его тоже начали затягиваться, хотя, надо признать, выходило это гораздо хуже, чем у тощего.

Через десять минут кофе и чай были выпиты. Кровавый Пес, склонив голову, ждал когда сидящие у костра договорятся. Он удивился, не услышав жарких споров, и на миг поднял взгляд. Пленившие его люди переговаривались жестами. Точнее — тощий, которого все звали Маузер — выбирал взглядом человека, и тот вытягивал вперёд кулак. Как в древнеримском Колизее. Правда, без единого звука. Индеец напрягся. С наручниками ничего не получилось. Но и с ними он опасен. Активировать томагавк для него — как глазом моргнуть. Он ещё раз поднял голову. Тощий Маузер стоял рядом, буквально в двух шагах. Как смог так неслышно подобраться — уму не постижимо. И Кровавый Пес понял — тут остался выбор между смертью с честью, или позорной смертью животного, которое не убивают, а забивают.

Маузер стоял рядом и молчал. Ему, честно говоря, нравился этот угрюмый

краснокожий. Было бы здорово, если бы Пёс присоединился к ним. Сразу видно — боец сильный и опытный. Но он должен сделать это сам, попросить лично...

Восемь голосов за то, чтобы убить. Три голоса — отпустить. Воля коллектива ясна. Индеец всех здорово разозлил, и даже издали казался страшным и чрезвычайно недружелюбным человеком. Хотя самому Марату на все эти внутренне-душевные качества было наплевать. Как профессиональный кадр Пёс был несомненно хорош. Поэтому — ждём последнего слова осуждённого.

— Почему ты не командовал? — вдруг спросил индеец.

Марат не совсем ожидал вопроса, и поэтому секунд десять молчал.

— Потому что я здесь не командир, — наконец отозвался Маузер. — Здесь все взрослые люди. Все могут отвечать за свои поступки. Здесь важно мнение каждого.

Индеец медленно покачал головой, явно не соглашаясь. Люди около костра начали подниматься, прислушиваясь к разговору.

— Ты и так тут командуешь. Ты вождь этого племени. Но в бою вы толпа, — продолжал Кровавый Пес. — Вы как маленькие дети. Я напал. Был один. И все побежали прочь. Не буди тебя, я бы всех их убил поодиночке. Потому что они — одиночки, которые собрались в толпу. Думают как рыбы. Что если они в толпе — так больше шансов. А выживает всегда племя.

— Коллектив, — поправил его Марат. — И чем сплочённый коллектив, тем больше шансов.

— Сплотившись вокруг сильного вождя, они будут иметь ещё больше шансов, — медленно сказал индеец. И снова спросил:

— Кто ты сам, из какого племени?

Марат молчал. Сейчас вокруг них стояли все. Внимательно слушали, боясь пропустить и слово.

— Я из очень странного племени, — сказал наконец Маузер. — Из племени коммунистов.

Индеец фыркнул, и слабая улыбка коснулась его лица.

— Коммунист, — насмешливо сказал он. — Ты не коммунист. Ты такой же единоличник, как и они. Я знаю коммунистов. Я стажировался в полевом лагере на Кубе. Коммунисты берут власть силой, и не боятся становиться впереди всех. Они приказывают, и их приказы не обсуждаются.

— Да, — легко согласился его собеседник, на сей раз без всякой паузы. — Я бы мог взять власть силой. Сплотить людей вокруг себя. Диктовать приказы, которые не обсуждают. Потому что будут бояться меня больше, чем любой другой, даже самой страшной опасности. Но хотят ли они этого? И хочу ли этого я сам?

— А кто их спрашивает? И кто тебя спрашивает? Это просто надо сделать, — пожал плечами индеец. — До сих я не встречал никого, которого был бы готов назвать своим вождём. Сегодня я встретил такого человека. Приказы которого выполнять не стыдно. Знаешь, кто этот человек? — резко спросил индеец. — Сегодня он, получив два смертельных ранения, не побежал с поля боя. Он нырнул под воду, залез на мое каноэ, и схватился со мной врукопашную. Я не видел страха в его глазах. Он скрутил меня, еще не раненного, и полного ярости. А потом остановил одним словом людей, которые, желая отомстить за свой страх, начали расстреливать скованного и безоружного чероки.

— Заканчивай начатое, — резко сказал пленник после столь длинной и даже немного

утомившей его тирады. Снова опустилось молчание.

— Кровавый Пес из племени чероки, — произнес вдруг Марат. — Клянешься ли ты, что будешь верен мне, своему вождю?

Пёс некоторое время раздумывал, а потом твердо произнес:

— Клянусь! Своей душой. Кровью не могу. Кровь это тело, а тут есть те, кто способен контролировать чужие тела, — индеец покосился на Александру.

— Этого достаточно, — сказал Маузер, и опустился на корточки, доставая ключ, снимая наручники с пленника.

Кровавый Пес поднялся во весь рост. Здесь он был самым высоким, а гордо задранная голова делала его вообще гигантом. Размяв кисти рук, Пёс ткнул Марата в грудь, обращая внимание на заживающие на глазах раны.

— Тебя вообще убить можно? — спросил он напрямую.

— Можно, — жёстко ответил Маузер. — Только надо сильно постараться.

Сейчас же они, собравшись всей командой на подводной лодке, шли на очень малой скорости к берегу. К настоящему берегу. Все эти месяцы невольные Робинзоны посвятили сбору и сплочению команды в единое целое, посетили кучу островов, стали обладать воистину волшебными умениями. Марат, например, на острове с источником регенерации увеличил свой навык до того, что мог отрастить когти. Прямо на ладонях, между пальцами. Настоящие, здоровенные когти, похожие на кошачьи, которые вырастали секунд за тридцать. И точно также исчезали, потому что, честно говоря — здорово мешали, за исключением тех случаев, когда нужно было на что-то залезть.

Просто великолепную плюшка выпала Саиду. Пакистанец, как казалось Марату, вообще не умел читать, но находился просто в поклонении к технике. Поэтому выбрал умение повелевать механической энергией. У него, каким то чудом, оказался некий универсальный защитный комбинезон. Уником, как они его называли.

В целом уником представлял из себя два наручных браслета — черные, тяжелые, каждый наверно килограмма по полтора, на вид литые. На одном — зеленая кнопка, на другом — красная. Стоило только нажать зеленую — как из браслетов начинали отслаиваться пластины, закрывая-наползая сначала на руки, потом закрывались плечи, тело, бедра и даже ноги. Защищалось все, кроме кистей, ступней и головы. Обхватив тело, металлические пластины слегка раздувались, приобретали упругость и гибкость. А на голову, скорее всего, полагался шлем; на руки — перчатки.

Единственное, и самое дурацкое — как только Марат надел такой костюмчик, как в голове вспыхнули красные буквы: «Данный уником не рекомендуется использовать существам, умеющим изменять собственный вес, массу и объем». Вот так прямо и написано: «существам». Выходит Марат и есть существо, способное изменять собственный вес, массу, и объем. Ну, с объемом понятно — когти вон какие вырастали. А вес и масса — это наверно та самая левитация, доставшаяся ему с куском челюсти мегалодона. Вот только как этой левитацией пользоваться?

Марат пробовал и медитировать, и прыгать (прыгал он конечно теперь очень высоко, как кошка, с места метров на десять вертикально вверх, при желании на четвертый этаж мог заскочить). Пробовал и по воде бегать, и со дна хотя бы приподняться, то есть научиться заново плавать, ведь теперь он, при сохранении прежнего объема тела, весил почти двести пятьдесят килограмм — если встать на весы и расслабиться. Плавать, кстати, он научился — используя регенерацию просто представлял, что его грудная клетка расширяется, как бочка... но после таких экспериментов грудь сильно болела, да и выглядел он в состоянии, способном к плаванию — как бочка с прутиками вместо рук и ног. В общем, он действительно мог изменять свой объем, вес и массу, и уником ему был не рекомендован. А жаль...

Проверка показала, что этот универсальный комбинезон легко держит пулю из крупнокалиберного пулемета со ста метров (с пятидесяти — уже пробивало). Автоматный промежуточный патрон эта штука выдерживала и с пятидесяти, а любые pistolетные пули просто игнорировала — можно было стрелять по человеку в уникеме из pistolета любого калибра, с любого расстояния — черная броня этого просто не замечала, даже царапин не оставалось.

Буквально через пять минут после примерки уникама случился следующий, просто фатальнейший "облом". Редупликационный блок наотрез отказался его копировать. Выдает сверху на крышке какие-то синие буквы, которые Марат уже видел, после прохождения первого Теста. А что они означали — никто не понимал, все эти буквы разглядывали, но смысл посланий остался непонятен.

Управляемый механический воин Саида стоял на носу подлодки. Сам араб проводил время либо в нём, либо на вершине рубки, часто заменяя собой дежурного дозорного. Иногда, а точнее — постоянно, члены команды собирались на корме, где стоял огромный чан для костра, и лежали самые настоящие деревянные чурбаки, прикрепленные к палубе цепями. На всякий случай. Закатов здесь не было, океан всегда спокоен и тих, подводные чудовища для судна весом в тысячу тонн — не страшны... Вот и сейчас, костер горит, сидят Майкл и Джеки Чан, курят... Марат присоединился, сел на чурбак, достал сигарету. Хорошо что тот, кто их тестирует, все таки озаботился чтобы все говорили на одном языке. Вот интересно, когда вернемся, также все языки будешь понимать и говорить?

— Ну, камрад, мы вчера так и не договорили, — сказал Майкл Марату.

— Вчера? — спросил Марат. — Или позавчера?

— Вчера, — улыбнулся австралиец. — Если каждый русский думает хотя бы на один процент как и ты, то вы — безумная страна.

Это был комплимент, и Марат ответил дружеским кивком головы.

— Я — маркетолог, изучаю целевые группы, но ты, Марат... ты — ничья целевая группа. Хотя порой ты бываешь похож на человека. Когда ешь, например.

Оба собеседника довольно засмеялись.

— Итак, — теперь говорил Марат. — Вчера мы остановились на том, что вполне возможно мы находимся внутри обучающей и игровой программы, которая программой не является. Более того, программой являемся мы, а игровая система всего лишь некая модель, которая предоставляет нам взаймы тела, ощущения и пространство. То есть это, — Марат повел рукой вокруг себя, — ... реально существует. А мы здесь не существуем...

— ...а наши тела неподвижно лежат на Кругах Переноса или вообще уничтожены. И вы знаете, мне нравится мое новое тело, — Майкл поднялся, шагнул к чану, в котором почти прогорели дрова, и, достав голый рукой раскаленный даже на солнце уголь, сжал его в кулаке. Сверкающие искры посыпались обратно в ленивое пламя. Майкл выбрал тепловую энергию, и считал, что сделал чрезвычайно важный и правильный выбор. Пожалуй, единственный важный, правильный и удачный выбор в своей жизни.

— Но самый важный вопрос — для чего?

Этот вопрос интересовал всех. Без исключений. Все таки все пришли сюда добровольно, в надежде что справятся с миссией. Вот только никто не объяснял в чем конкретно заключается «спасение человечества». Объяснения голографического продавца на острове Склад — не в счет. Плюшки он выдавал отменные, а вот информацию — каждому разную.

— Давайте еще раз вернемся к теме, — Майкл отряхнул руки над огнем. — Я очень долго думал над вашими теориями и постараюсь опровергнуть очередную бредовую идею, или, по крайней мере, найти выход из ситуации. Просто пойми, Марат. Мне тот кладовщик, то есть киборг на складах сказал, что произойдет метеоритная бомбардировка Земли. Целенаправленная. А тебе сказал, что человечество будет уничтожено «боевой протоплазмой». Так?

— Так...

— Так значит кладовщик нам врал. Всем врал, не говорил всей правды никому. Тебе сказали одно. Мне — другое. Вот Джеки Чану — третье. Зачем? Что за детство? Он или они что скорее всего более верно — нас готовят, что вариантов развития ситуации — множество. Мы все вместе должны быть готовы к любому. Но все равно разберем, по вариантам, предложенным нашим «кладовщиком». Твой первый — как защитится от всепожирающей протоплазмы? Вот например взять мое умение — манипулировать тепловой энергией...

Марат и Майкл вели эту дискуссию очень давно. Майкл в глазах товарища Маузера был совершенно неопытный новичок, идеалист и оптимист, глядящий на мир широко распахнутыми голубыми глазами, и вдобавок — через розовые очки. Последний раз Марат выдвинул версию, что человечество может вполне себе погибнуть и без всяких вмешательств «сверхразумов» и «сверхсил». Третья мировая война, или даже очередная гонка вооружений — вполне достаточные факторы для очередного качественного скачка в разных сферах науки.

"Возьмем, к примеру, ту же биологию и медицину, — говорил Марат. — Вроде бы науки, изучающие и приумножающие жизнь, мало приспособленные к войне и вооружениям. Если забыть то, что последние войны выигрывались теми, кто освоил переливание крови и вообще имел лучшие возможности для восстановления солдат. Не говоря уж об антибиотиках, а также пересадках органов, и о биологическом оружии. Но несомненно, что масштабная война даст невероятный толчок и этим направлениям. Как минимум речь пойдет о выпуске армии клонов, из сохраненных ДНК лучших солдат. Если будут уничтожаться целые области и даже страны, то вопрос быстрого заселения свободных территорий встанет во всей красе... Но вот, возьмем отдельно генетику... Предположим, что поступит заказ на изобретение нового оружия — и биологи его создадут, предположим еще раз, что это будет РНК-полимераза, половинка ДНК, причем восстанавливаться она будет даже из своего кусочка. Предположим, что такая РНК, которая может воспроизводить только себя, попадет на тебя, Майкл, в твои легкие. Причем она пока — порванная и вроде как не очень живая. Некоторое время она "приходит в себя" восстанавливается, а потом запускает механизм редупликации. И вот она пристает к любой молекуле белка в твоих легких, отрывает себе нужный кусочек, и через полчаса мы имеем две таких молекулы. Через час — четыре, а через день — миллиарды. Ты кашляешь, но внутри у тебя уже смерть, что-то типа удваивающейся каждые полчаса раковой опухоли. Назовем эту РНК-полимеразу — «боевая протоплазма». И вот такую штуку можно изобрести. И можно распылить ее по всему миру..."

— Я вот думаю, — продолжал меж тем Майкл. — Что эта проблема решаема. Мы изолируем определенную часть населения под землей, устанавливаем очень серьезную систему фильтрации, а вполне возможно вообще внутренней регенерации воздуха и всего-всего, и спокойно переживаем ваше нашествие боевой протоплазмы. Я же, находясь внутри этой группы, буду изолировать и уничтожать огнем вообще все, что даже похоже на "боевую протоплазму".

— Обладая «секретом жизни», я бы продумал систему заражения так, чтобы иметь возможность не распространить, а внедрить протоплазму извне, — вдруг вмешался Жэнь Чэнь. — Поставить специальные генераторы, которые преобразуют человеческую РНК в РНК боевой протоплазмы с больших расстояний.

Майкл посмотрел на китайца со снисходительностью:

— Уважаемый Джеки Чан, — все называли Жэня так, как назвал его Марат при первой

встрече. Тот не возражал — имя великого китайского актера было популярно, и обладать таким прозвищем даже в реальности считалось престижным. — Вы думаете что "секрет жизни" так скоро разгадают?

— Думаю, что да, — ответил китаец. — Если еще сто лет назад пришивать голову собаке считалось просто сказкой, то теперь это может сделать обычный ветеринар в сельской клинике. Понимание того, отчего одна молекула движется, а другая — нет, думаю, не за горами. Хотя это тоже страшное оружие. Разгадавший секрет жизни сможет оживлять не только мертвых, но и камни, горы, воду, машины... По настоящему оживлять. А не прикручивать к ним собственный электронный разум. К чему это приведет?

— Вот вам еще вариант самоуничтожения человечества, — торжествующе сказал Марат. — «Секрет жизни», который так не любят упоминать ученые, потому что пока не очень понятно что это такое, и предполагает версию существования бога, из разряда "Высший разум". Две молекулы, одинаковые. Но одна движется, а другая нет. Всё абсолютно одинаково — но одна живая, а другая мертвая. В чем дело? Каким током надо ее ударить, чтобы Франкенштейн ожил? Какую таблетку ему дать? И это тоже — очень скорое будущее, учитывая, сколько умов над этим бьется в лабораториях.

— Про теорию бога среди ученых вы загнули, камрад Маузер, — отозвался Майкл. — Если каждую необъяснимую вещь объяснять богом — мы так далеко не уйдем. Хотя я сам — католик. Посещаю церковь каждый месяц, но прекрасно понимаю, что делаю это ради традиций. Вот посмотрите на солнце — это огромный шар, огромная масса водорода и гелия, где идет уже несколько миллиардов лет устойчивая термоядерная реакция. По сути, каждую секунду своей жизни, в небе мы видим огромный термоядерный взрыв, и он продолжается огромное количество лет. Что, теперь предполагать, что Бог так захотел? Или вообще — звезды сохраняют свою стабильность потому что там живут высшие существа?

— Так то... это я вам рассказал про Солнце, и про эту теорию контроля процессов на нашей звезде разумными существами, — улыбнулся Марат. — Но все правильно, я сам, например, искренне считаю, что на звездах, включая наше Солнце, живут разумные существа. Ну смешно, если не предполагать этого. Каждую секунду мириады мириад атомов там формируют самые фантастические структуры, и уж если на холодной Земле появилась молекула, способная к жизни при температуре очень близкой к точке абсолютного нуля и в крайне агрессивной кислородной атмосфере — то на Солнце и подавно. Стабильность такой огромной термоядерной бомбы, которая уже как минимум четыре миллиарда лет застыла в точке взрыва, гораздо удобней объяснить, что там все контролируется неким разумом.

— Когда я полностью пройду Тест, — сказал Майкл серьезно. — Я стану что-то вроде энергетического элементаля — духа огня, и обязательно слетаю до Солнца, и расскажу вам всем, что там происходит...

— Земля! — выкрикнул Саид с капитанской рубки. — Берег!

Все собрались на палубе. Тревожно вглядывались в приближающуюся полосу.

— Тридцать метров в глубину, — донеслось с носа подлодки. И через несколько секунд:

— Двадцать восемь метров в глубину!

Подходили к берегу на самой малой скорости. Еще не хватало сесть на мель. На борту — самолет, воздушный шар, багги, куча припасов — переправить все это на сушу не так то просто.

— Двадцать пять метров...

— Самый малый, — скомандовал Марат. — Приготовиться заглушить моторы.

— Двадцать три метра!

— Саид, закрывайся в своем роботе, будь готов по сигналу сразу прыгать за борт, тащи швартов на берег, — крикнул Марат, и дополнил уже гораздо тише. — Особенно если не дай великий Посейдон, мы на дно напоремся...

Пакистанец, который уже находился внутри своей боевой машины, похожий на детеныша кенгуру на пузе у матери, кивнул, и тотчас же его голова исчезла, накрытая бронированным колпаком.

— Двадцать метров! Пятнадцать!

— Стоп машина! На корме, бросайте якорь! Саид, отдать и принять швартовы!

Раздался лязг, гигантский робот на носу с шумом прыгнул в воду, палуба содрогнулась, везде слышался звон цепей. Уже через минуту Саид в своем «трансформере» показался на берегу, несколькими ударами стальных кулаков вбил в песок громадный клин, крутанул его еще глубже, и обвязал вокруг цепь, потом дернул. Лодка еще раз вздрогнула — обе цепи, якорная и швартовая — напряглись, удерживая махину на месте. Хотя это было явно лишнее — море все так же спокойно и безмятежно, за все время даже ветер ни разу не усилился. Подлодка застыла на месте в ста метрах от берега.

— Действуем по плану, — громко обратился сразу ко всем Марат. — Сутки выжидаем. Два часа на берег никто не сходит, кроме Саида. Ждем, что произойдет. Караулы не спят, а смотрят по сторонам внимательно. Потом разведка. Через двадцать четыре часа начинаем десантирование, и продвижение вглубь пустыни. Сейчас загорает, отсыпается. Здания ясны? Начинаем выполнять...

— Майкл, так мы опять не договорили, — Марат и Майкл снова сидели у импровизированного очага на корме, в окружении других тестируемых. — Я вот все равно не очень понимаю твой план. Вот пройдешь ты все уровни, станешь специалистом в управлении тепловой энергией. Сможешь лес сжечь за несколько секунд. Или дом погасить, и даже горящий танкер с нефтью — тоже хорошее дело. Но спасение человечества — это не болото осушить. Вот получил ты такую силу, вернули тебя обратно, в твой любимый Алис-Спрингс, который прямо в центре твоей не менее любимой Австралии. И? У тебя на руках сверхспособность, плюс информация что через два-три года, грубо говоря — всем конец. Просто скажи, что ты будешь делать на третий день? После того как хорошо поспишь, поешь и просмотришь последние новости...?

Австралиец задумался на несколько секунд и начал отвечать, тщательно подбирая слова.

— Во-первых я найду человека, которому можно доверять. Желательно чтобы он был образован, мудр, разбирался в вопросе и имел немалый авторитет, что в научных, что в политических кругах.

— Прекрасно, — отозвался Марат. — Предположим, что нашел. Еще предположим, что он тебе поверил. Искренне, всей душой. Ты ведь как будешь действовать — наверняка по общей схеме, которая так хорошо показана в кино. То есть будешь тщательно скрывать свою сверхспособность, и только время от времени демонстрировать самый краешек её — чтобы закадрить красивую девушку или убедить научный состав какой либо лаборатории или института, что ты не сумасшедший. Пойдем далее, вот теперь вас двое, сверхчеловек и его наставник.

— Не наставник, — возразил Майкл.

— Последователь, друг, собутыльник, не важно. Что дальше? Куда вы пойдете... Нет, не так, что вы будете делать?

— Скорее всего, — австралиец говорил совсем медленно. — Мы будем искать ещё единомышленников, вдвоем это будет куда проще, я думаю.

— Да, конечно, — согласился Марат. — Особенно если ты будешь демонстрировать им свою сверхспособность. Снимешь несколько роликов и клипов, покажется на телевидении, тебя будут приглашать на встречи, предлагать рекламировать обувь и мороженное. Ты станешь известным человеком, дружище. И?

— Что "и"? — спросил Майкл.

— Дальше что? — пояснил вопрос Марат. — Я просто представляю, как ты вылазишь на телевидение и начинаешь вещать в духе — "Люди планеты Земля, грядут тяжёлые времена, я ваш спаситель". Не читал такую книгу, называется «За миллиард лет до конца света»? Там ученые тоже обсуждали, как будут извещать человечество о наличии сверхъестественных сил на Земле. Забавно... Мы, революционеры, называем это — ПСО, то есть "Поведение Сумасшедшей Овцы". Она находится в стаде, знает об опасности, и громко блеет, пытаясь привлечь к себе внимание других овец или вожаков. Она думает, что если будет блеять очень громко, бесстрашно и креативно, то остальные овцы её послушают, и начнут делать все "правильно". Вот только волкам за пригорком смешно и даже неинтересно, как ведут себя овцы — правильно или нет.

— Я сначала тебя найду, для консультации — огрызнулся австралиец, а потом улыбнулся. — А потом секту соберу, и буду с ними спасаться, от твоей протоплазмы.

— А вот это правильная мысль. Про секту, и то что меня найти надо будет. Что проповедовать будешь? Вечное спасение через групповые сношения? Доброе, вечное, теплое? Деньги откуда на секту возьмёшь?

— Да не буду я секту делать, — уже чуть сердито ответил Майкл. — Ты то сам что собираешься делать?

— У меня все просто. Нужно спасти человечество или хотя бы часть его. Я по возвращению буду находиться в государстве. Чтобы государство не мешало, а наоборот помогало всеми своими институтами, механизмами и службами, мне придется стать во главе

государства. Окружить себя понимающими людьми, которые не будут зависеть от денег, титулов и должностей. Которые интересы и жизнь общества, других людей в целом — ставят выше собственного спокойствия, благополучия, а порой и выше собственной жизни. Начать строить социалистическое государство, люди в котором в нужный момент, без всяких стимулов, все как один будут драться за свое существование, бесплатно работать если требуется выжить, думать больше о будущем, чем настоящим набивании своего брюха, кошелька и жилища.

— А если они не захотят? — тихо спросил Майкл.

— Тогда пусть останутся те, кто захочет. Кто не хочет — может благополучно сдохнуть, что с протоплазмой, что под метеоритами, что убивая друг друга. Нет желания, нет простейшего понимания куда ты идёшь? Нет идеи для чего живешь? Ты вне политики? Безыдейный полностью? Значит нет у тебя и будущего. Да и в настоящем ты не очень то нужен, потому что — кто ты? Обычный кусок протоплазмы, неотличимый от тысяч таких же, сидящих в хатах с краю.

— Жизнь, Майкл, — сказал Марат. — Научила меня, что невозможно быть розовым и пушистым для всех. Есть законы природы, их невозможно отменить. Волк, возвращаясь с добычей в логово для волчат самый лучший и самый любящий отец. А для оленят, чью маму он задрал — это безжалостный убийца, исчадие ада. Один и тот же волк. Диалектика, понимаешь. И правда на стороне тех, кто остаётся жить. Мы, то есть я и люди со мной — останутся жить, мы останемся правы. А те, кто ищет выгоду, ждёт спасения, отказывается от борьбы — тот умрет в своей собственной лжи.

— Тебя нельзя ставить во главе государства, — убеждённо сказал Майкл. — Ты максималист, незрелый юноша, тебе бы только отнять и поделить.

— Хм, а где я хоть раз упомянул, что надо что-то отнимать и кого-то делить? Хотя, неважно... Знаешь, наплевать как-то, "нельзя" или "льзя", реально наплевать, — отозвался Марат. — Я, понимаешь ли, давно отказался от всякого анализа собственной личности. Я лишь организм, машина революции и механизм справедливости, и воспринимаю себя именно так. Если в меня загружена программа — стараюсь выполнять ее быстро, четко, и без ошибок. Единственное что реально отличает меня от железки того же Саида, — Марат указал на пакистанца, который снова сидел на вершине рубки и зорко вглядывался в горизонт. — Отличает меня только то, что я сам решаю, какую программу загружать, самостоятельно, собственным мозгом, так сказать. А не всякой мишурой и хренью, которой другие меня пытаются загрузить из телевизора, газет и того же интернета... Я очень долго учился. Годами, практически десятилетиями. Даже сейчас обучаюсь. У меня есть все основания делать выбор — между волком и оленем, и решить для себя — а на чьей быть стороне.

— И на чьей же ты стороне, товарищ Маузер? — спросила вдруг Александра, которая тоже внимательно слушала.

— На стороне живых. Я выбираю сторону тех, кто собирается выжить, кто живёт сейчас и думает о будущем. Сейчас это социалисты и коммунисты, они собираются строить новое будущее. А вот он — Марат указал на Майкла. — Он на стороне мертвых. Он хочет сохранить прошлое, и если будет действовать, как собирается — и сам погибнет, и кто рядом с ним, тоже станут мертвыми.

— Хорошо говоришь, товарищ комиссар, — рассмеялся стоящий рядом колумбиец Гонсало. Беседа, не смотря на резкость слов и серьезность темы, шла в шутливом тоне. Даже

обвиняя друг друга собеседники старались делать это как минимум с улыбкой. Сейчас на палубе почти все сосредоточились вокруг спорщиков, тема была близка каждому, и многие действительно слабо понимали и представляли, что они будут делать в реальном мире со всеми этими чудесными штуковинами и возможностями, которыми их так щедро наградила этот уровень Тестирования.

— А вот скажи мне, товарищ говорун, зачем тогда большевики то царскую семью убили? — с ехидцей поддел Майкл, гордящийся своими знаниями истории, в том числе российской.

— Мне этот вопрос часто задают, — ещё шире улыбнулся Марат. — Особенно верующие. Я у них тогда спрашиваю — почему вы против бога? Ведь все в мире по ведению божьему. Бог не хотел, чтобы царь с семьёй покинул Россию. Бог не желал вернуть царю власть. Бог повелел им умереть там, где они умерли, и именно так, и от рук тех, кто их убил. Бог так хотел и сделал. И кто вы такие, чтобы хулить его деяния? Что вы за люди, что называют себя "верующими" и одновременно отвергают промысел божий? Я вот лично считаю, что бог в этом случае был молодец, и более того — в своем праве. Я верю что он сделал это не просто так. А вы — не верите. Так кто из нас истинный верующий?

— Ну а если отвергнуть теорию бога? — не унимался Майкл.

— Если отвергнуть, то останься в живых хоть царь, хоть один его отпрыск — то такой страны как Россия сейчас бы не существовало. Любая из фигур царской семьи за границей стала бы оплотом и опорой эмигрировавший контрреволюции. И через двадцать лет немецкие орды, вторгнувшись в Советский Союз, были бы изначально сильнее, как минимум на несколько сотен тысяч хорошо вооруженных и специально обученных бойцов, бывших дворян, белоказаков и прочей нечисти. Немцы бы взяли и Ленинград, и Сталинград, и Москву, и не остановились бы до самого Владивостока. Согнали бы все населения владеющее русским языком в тамбовские овраги, и там бы их и закопали. Всех. Вот что бы случилось. А так — бывшие генералы и полковники даже за границей не смогли ни объединиться, ни договориться, не было у них опоры и человека-символа для восстановления и взаимодействия. Поэтому немцы проиграли, а мы — выиграли. Вот такой расклад, что со стороны богов, что человек — все было правильно, по другому было нельзя.

— В общем так, — Марат уже обращался ко всем собравшимся. — Половина из вас, вернувшись домой, начнет демонстрировать ПСО, «Поведение Сумасшедшей Овцы». То есть вы будете искать верующих, и вполне возможно и найдете. Вы будете кричать на каждой площади, или строчить воззвания, убеждать и уговаривать, прятать способности либо наоборот их применять на полную катушку, удивляя почтенную публику и научные коллективы. Потом, когда вас самого попытаются спрятать в психушку или в секретную лабораторию вы озлобитесь, либо еще лучше — покоритесь чужому мнению, будете слушать что вы молодец, есть прогресс, осталось ещё год-два исследований и начнется великая радость. Но это тупик. Считайте, что задание, кто бы его нам ни дал, провалено.

Марат откашлялся.

— Другая половина из вас, — продолжил он. — Начнет «Путь Бешеной Собаки», я его так и называю — ПБС. Это когда «семь верст — не крюк». Сначала все будет вроде как прекрасно. Вот наш пакистанский моджахед в костюме робокопа-переростка, — Марат опять указал на Саида. — Сразу по этому пути и побежит. То есть никого особо не слушая, при первом удобном случае, применяя все возможности — валит насмерть местное самое

важное лицо, президента там, вождя, премьера или короля — и занимает его место на полном основании права сильного. На что соседские государства посмотрят косо. И соратники и родственники бывшего главы тоже затаят обиду. И начнется самое интересное — борьба за власть и страну с другими претендентами, внутри и снаружи. Герой, вступивший на путь «бешеной собаки», может годами и десятилетиями истреблять преступность, мелкие и крупные шайки головорезов, раскрывать заговоры и вступать в странные коалиции. Подготовка "спасения человечества", да и само спасение — отходит на второй план, главное тут — удержатся, да чтобы сообщники обиженных бандитов, а также собственная система безопасности и зарубежные разведки в тебя из гранатомёта не шарахнули. Это тоже тупик. К сожалению, я вот, например, совершенно не понимаю, почему человек, имеющий такие способности как у нас, не идёт средним путем, который лежит между этими двумя крайними точками, ПСО и ПБС.

— Ведь есть третий путь, ровно посередине между этими крайностями. Скажем так, «путь человека». Пастух не слушает овец, не слушает собаку, и не вмешивается в дела волков. Он физически слабей и бараньего стада, и волчьей стаи, и даже свою собаку вряд ли победит в прямом противостоянии. Но умудряется все держать под контролем, дойти из точки А в точку Б, с овцами, собакой, и мимо волков. Наверно, он пользуется не только винтовкой, но и разумом. Он не пишет для овец плакаты — он кнутом направляет их. Не пытается убедить волков, что есть мясо — это плохо. Он натравливает на них собаку, и стреляет из ружья. Вы пастух. Способность — ружье. Волки — враги. Собака — спецслужбы. Овцы — это остальные люди, которым не важны пункты А и Б, не интересна собака, а уж тем более волки, им бы воду помягче, та травку посочней.

— Все это крайне интересно, но что именно ты рекомендуешь делать? — оборвал монолог Марата Майкл.

— Когда вернетесь — собирайте единомышленников. Причем изначально не важно как вы их привлечёте. Идея у вас есть. Способность, это ваша винтовка — тоже есть. Деньги найдите, любым способом. Ищите связи в механизмах государства, это ваши цепные псы, которыми вам придется подавать команды. Создайте сначала хотя бы маленькую ячейку. Еще одну, и еще десяток, подчиняющихся общему центру. Снова расширяйтесь в органах власти. Берите власть и сверху, и снизу, пропитывайте вашей идеей все слои. Потребуется громадная куча времени, денег и упорства, все будет против вас, а вы уже на первом этапе убедитесь, как трудно удержать власть даже в ячейке из пяти человек, если вы не их прямой руководитель и не платите им. И платить можно по разному. Можно просто деньгами. Но можно и уважением, и доверием. Если вместе совместить и уважение, и доверие, и деньги, и идею — сплав получится высочайшего качества.

— Ну прямо ты какую то мафию предлагаешь создать, — подал голос Гонсало.

— Правильно! Молодец, — поддержал Марат. — Самая настоящая мафия. Но называться это должно — партия. Это есть железная дисциплина. Это будет стальной кодекс поведения и действий. Любой поступок оценивается, как в царстве Анубиса. Абсолютно любой положительный поступок — высоко ценится. Любой отрицательный — строго карается. Связи везде, во всех слоях, и связи эти — уникальные. Все подчинено единой идее и цели. Такие организации существуют столетиями, и решают любые даже самые сложные проблемы самостоятельно. Не верьте вы этим глупым голливудским фильмам. Супергерой не может быть один. Не может, и не сможет ничего сделать. Если он один — то он только шут, клоун в маске с раздутыми бицепсами. Настоящий Пророк, Вождь или Лидер

управляют словом, идеей, массажи, а не прямым убийством злодеев.

Сначала, и запомните это, вам действительно придется много наказывать и даже убивать, и даже своих. Особенно тяжело будет своих. Но потом, и вы должны стремиться к этому — вы начнете управлять, словом и мыслью, а не пулей и удавкой. Вот тогда вы сможете хоть кого-то спасти.

Марат вдруг понял что он уже не сидит, а стоит у огня, все мышцы в теле напряжены, как будто перед схваткой.

— Ладно, — сказал он медленно. — На сегодня всё. Да в принципе, я и так всё сказал...

Александра, подруга Майкла, внезапно несколько раз хлопнула кончиками пальцев по основанию ладони.

— Мои аплодисменты, — сказала она. — А ты, товарищ Маузер, уж случайно не часть ли этой игры, наставник героев на путь истинный?

— Нет, товарищ Александра, — устало отозвался он. — Я просто человек.

Неожиданности начались на берегу. Марат отправил в разведку все средства, имеющиеся в наличии: свой октокоптер, квадрокоптер Саида, и даже «тепловой глаз» Майкла. Толку от последнего было немного, механические машинки сканировали местность намного лучше во всех диапазонах.

На первый взгляд — ничего опасного. Просто пустыня, песок, барханы, и посреди этого бескрайнего песчаного океана, то тут, то там — вкрапления каменных скал. Потом, все дальше, каменистые заросли разрастались, пока не превращались в сплошное плато, зубчатое и колючее, как искореженная терка.

Но все чувствовали — пустота обманчива. Этот путь, такой пустой и безобидный, который, казалось, можно будет преодолеть за несколько дней просто пешком... Никто не обольщался кажущейся безобидностью. С тревогой люди оглядывались на товарищей. Кто дойдет? Кто останется в этих песках?

Самого Марата здорово потряхивало от внутреннего напряжения. Он чувствовал куда лучше чем все остальные, своим звериным чутьем, хорошо развитой интуицией человека, всегда живущего в опасности. До боли в глазах он вглядывался через окуляры октокоптера в каждый камешек, исследовал каждую тень, замечал каждую песчинку.

— Минные поля? — хмыкнул стоящий рядом справа Майкл.

— Злые духи смерти притаились здесь и примут любую форму, — послышался слева глухой голос Кровавого Пса.

— Собрались! В полумесяц! Все вокруг меня, — скомандовал Марат негромко, но четко и внятно.

— Так, бойцы, — стал излагать Марат. — На текущий момент в наличии до хрена песка, камней и более ста километров этой хренотени впереди.

Вот сейчас он, разглядывая почти безграничное пространство, был совершенно неуверен, и даже слегка подавлен, что его план, то есть ползти вперед по-пластунски, не так уж и хорош. Куда как наоборот, понимал Маузер. Уже в собственных глазах это казалось глупостью. А уже что говорить про остальных...

— Будем тащить спички, — продолжал Марат. — Предоставим так сказать, слово теории вероятности. Хорошо, если опасности никакой нет, и пройти можно по любому. Хоть воздухом, хоть на колесах, хоть ногами. Хотя я вот по опыту знаю, что самые опасные участки преодолевать ползком. Так уж получилось. Отказываться от этого правила не хочу и не буду. Попадет мне первому короткая спичка — поползу первым, я не гордый. Сдохну —

выберете нового командира...

И вот в этот момент произошла первая неожиданность. Майкл, чертов австралийский «крокодил Данди», перебил командира...

...Несколько дней назад они, все присутствующие, голосовали. По инициативе Кровавого Пса, который стуком полена по броне подлодки собрал всех вокруг себя.

— Нам нужен вождь, — сказал тогда Пес. — Чтобы мы его и выбрали, и назначили. И выполняли его приказы. Без вождя племя умрет. Без вождя — нет племени.

Маузер слушал индейца, и невольно усмехался. Совсем незаметно. Кровавый Пес, не смотря, что казался достаточно простым и даже где-то глупым — на самом деле роль свою знал, и отыгрывал ее хорошо.

Чероки время от времени бросал взгляды на Марата. Словно показывая — кто именно здесь вождь. Нечаев понимал, где то в глубине души, что индеец преследует и личный интерес. Нет, конечно, не тот интерес, который требует обогащения. Просто Кровавый Пес, выбрав тощего Марата себе в вожди, немного сердился и был уязвлен по сравнению с остальными, для которых Маузер был просто равным. Не командиром и не вождем, а просто другом и обычным товарищем.

Выборы на тот раз прошли просто и буднично. Одна кандидатура, выдвинутая Кровавым Псом. Больше никто в командиры не рвался. Проголосовали единогласно «За».

Никаких преимуществ это не предоставляло, он и так, на правах самого старшего и опытного отряжал пары в дозор, прокладывал маршруты и прикидывал логистику, назначал дежурных...

Марат не сильно удивился. В классе он часто был старостой класса. В институте — старостой курса. И на заводе ему дали кличку Главный. Судьба, наверно, такая.

Хотя сам Марат давно разобрался с этим феноменом. Все дело в том, что он видел результаты на шкале от «минус бесконечности» до «плюс бесконечности». Люди почему то всегда стремятся к положительному результату. Он — нет. Положительный результат это хорошо, но и отрицательный, и даже нулевой — это тоже результаты. Даже получив в школе на контрольной работе низший балл (что за жизнь Марата случилось всего три раза) — он понимал, что это просто оценка его знаний на текущий момент и стимул усовершенствовать их до высшей оценки по школьной программе. Это же самое он объяснял и «двоечникам», с которыми ему поручали подтягивать знания. И новичкам на работе, которых ставили рядом с ним, в связи с невероятным процентом брака... В каждой ситуации, в каждой вещи и даже предмете Марат видел как минимум три варианта — негативный, нулевой и положительный. И любой из вариантов вел к повышению опыта, квалификации, профессионализма.

Потом он узнал что это называется диалектикой.

Майкл выступил вперед и, чуть откашлявшись, произнес:

— Мы прекрасно понимаем, что наш командир, товарищ Маузер, видит только один путь, и на мой взгляд путь этот не плохой. Но отправлять людей вперед, поодиночке? Просто посмотреть — умрет он или нет? Это неправильно.

— Я сам собираюсь идти первым, — решительно сказал Нечаев, но был прерван.

— Мы выслушали тебя, послушай и ты меня. Я тебя не перебивал, — твердо сказал Майкл.

В тот момент Марат должен был достать оружие и убить австралийца. Должен был, но не сделал. Почему? Расслабился? Размяк за целый год относительно безопасных

путешествий по спокойнейшему морю, в полной безопасности, среди надежных, сильных друзей.

Ведь знал, понимал, чувствовал, в конце концов. Кто они были ему? И кто они вообще были по существу?

Был ли их отряд ячейкой, коллективом, коммуной, артелью, в конце концов? Нет, конечно. И уж партией они не были точно. Коллектив это как минимум общество равных. Они же все были разные. Точнее, они в своих глазах выглядели как совершенно разные люди. Даже "продавец" на острове "Склад" дал им разные вещи, средства производства в собственность, так сказать. Да и какое равенство, если у всех здесь было только одно право — умереть? Никто здесь тебе не гарантировал ничего, кроме смерти. Как там говорится — от каждого по способности?

И вот он — мир, в котором у каждого — совершенно разные способности. А потребность на всех одна-единственная. Вот тебе и раз, массаракш и ещё раз массаракш.

Марат прекрасно знал, что ему действительно надо было делать. Ему досталась толпа, собранная страхом. Он должен был сделать из нее отряд, скованный дисциплиной. И этого он не сделал...

— Я думаю, что идти надо вместе, — сказал Майкл. — Мы появились каждый на своем острове. Но сумели собраться в команду. Мы совершенно разные. Из разных стран, с разными навыками, с разными сверх-способностями...

...да, так и сказал — сверхспособности.

— Те, кто ставят на нас этот эксперимент, наверняка смотрят, сможем ли мы объединиться...

Марат поморщился от этого слова. Опять старая песня. Объединиться... Что получится если объединить ложку экскрементов с бочкой меда?

— Мы сумели собраться, вместе выгнали из-под воды подводную лодку, что не по силам одному человеку. И вот впереди пустыня, непонятная опасность. Каждый из нас чувствует эту смертельную опасность.

О, да, в этом австралиец прав. Даже глядеть на эту пустыню впереди страшновато. И это никакое не предчувствие. Это реальное, осязаемое чувство смерти, притаившейся там. Марат словно чувствовал, что там, впереди, невидимые и неосязаемые пулеметные и артиллерийские установки, многотонные шагоходы, плазма и огнеметы и еще черт знает что. Он это чувствовал, как будто смотрел на них в упор... Смотрел, и ничего не видел. Их там не было. Но они там были...

Его расслабило и обмануло то, что власть ему досталась мирным путём. Демократия в действии. Посовещались, и проголосовали, выбрав опытного и умеющего приказывать, диктовать, что и как делать.

Когда вопрос встал ребром, в ответ на предложение Майкла он, Маузер — должен был встать, и убить его. Тупо и банально убить человека, который стал почти другом, настоящим товарищем, который просто засомневался или имел другой взгляд. Он, Маузер, должен был реализовать и гарантировать единственное право, которое у них у всех было. А не устраивать очередное голосование и массовое коллективное самоубийство.

Всё, ребята, если проголосовали, то теперь только голосованием можно сместить. Он, убив Майкла, должен был таким образом взять реальную власть — силой, вооруженным восстанием, удержать ее, черт побери... Но смалодушничал, решил, что сознательный коллектив лучше увидит, какое решение правильное, и какой способ действий

действительно оптимальный.

Ну что, увидели? Овцы тоже видят сочную траву, и рвутся к ней всей душой. И ненавидят пастуха, если он вдруг их не пускает. Вот только пастух точно знает, что там, в зарослях густой травы — есть опасность. Хищники, избыток нитратов или редкоземельных элементов, в конце концов — это вообще не пастбище, а чей-то огород с капустой. Что, пастух должен слушать овец, которые думают только о своем брюхе, потому что не умеют думать о другом? Должен или нет?

Они проголосовали. То есть фактически — раскололись. Гонсало, Кровавый пес, оба китайца и вьетнамец поддержали план Марата. Неожиданно к ним примкнула Александра, отказавшись лететь вместе с Майклом на самолетике, который австралиец собрал специально для пересечения пустыни.

Остальные сочли идею Майкла более приемлемой. Пойти всем вместе, одной толпой. Лавиной. Фалангой. Надеясь на чудо, что всем вместе прорваться проще.

Было ли Марату досадно и обидно? Нисколько. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он уже проходил через это. Много раз. Это почти привычка, что люди стараются снять индивидуальную ответственность, и заменить ее коллективной. Этакая ущербная психологическая защита.

Выступали следующим днем, а точнее утром. Хотя здесь, в почти застывшей реальности, утро от дня, ночи и вечера почти не отличалось.

Сначала надули воздушный шар. Ткань, из которой он был сделан, имела светло желтый, песчаный оттенок, и как ни странно, практически не выделялась на небе. Потом сгрузили колесный транспорт — багги, мотоциклы и велосипеды, все на очень широких шинах. Под конец спустили на воду самолетик Майкла, который изначально был сделан на водных поплавках, дабы не зависеть от аэродромов и взлетных полос.

Все это время три усиленных караула по три человека — наблюдали. За пустыней, и за морем, за небом. Десять пар глаз, включая Саида — вглядывались в окружающую действительность, и не замечали ничего.

За двадцать четыре часа пакистанец на своем мехворриоре детально обследовал чуть ли не каждую песчинку в радиусе километра от места высадки.

Ничего. Никого. Такое впечатление, что тут все вымерло, стихло и стухло за много-много сотен лет. И одновременно каждый из людей знал — это не так.

Раздался ревящее-щелкающий звук — это начал разгон самолет. Воздушный шар поднялся вверх метров на пятьсот, стал малозаметной, хотя и жирной точкой на голубом фоне. У него был педальный двигатель. Большой и легкий пластиковый вентилятор, закрепленный на корзине, с велосипедным приводом. Который при здешнем почти повсеместном штиле придавал шару скорость ползущей улитки. Но лучше медленно и безопасно, — чем быстро, и не доехать. В принципе, отсутствие металла делало воздушный шар невидимым для всяких электромагнитных локаторов. Но зато как тепловое пятно для всяких инфракрасных ракет... Короче, все очень спорно.

Первыми с места рванули, естественно, байкеры. Чернокожие Болек и Лелек, на таких же черных блестящих мотоциклах, уверенные и готовые к любой неожиданности. За ними, сотрясая землю, побежал Саид, размахивая своими пушками. Не спеша двинулся с места джип, за ним — велосипедисты и просто пешие.

Мотоциклы уже пропали из виду, скрытые расстоянием и клубами пыли. Механоид Саида почему то сильно отклонился вправо. Джип на небольшой скорости вместе с

велосипедистами катил по песку, стараясь не поднимать дополнительной пылевой завесы.

Над головой, басовито урча, пролетел самолет.

Марат, морщась, и чувствуя себя полным дураком и идиотом, достал фляжку, отхлебнул, и посмотрел на оставшихся.

— Ну что, поклонники культа Санта Муэрте? — он опустился на колени, а потом лег на землю плашмя. — Самое время...

Его слова прервало бухание. С такого расстояния грохот дюймовой автоматической пушки, вмонтированной в манипулятор механоида Саида, казался погремушечным. Правда, все, кто видел результат работы этого оружия — непроизвольно втянули головы в плечи и без дополнительных приглашений шлепнулись на песок.

Раздался пулеметный треск. Марат увидел, как далеко, с мягким громом и шипением кто-то запустил ракету из реактивного гранатомета. Песок под телом Нечаева стал ощутимо вздрагивать.

— Да что хоть...? — Нечаев приподнялся на руках.

Увиденное ему не понравилось. Механический робот Саида бежал обратно, вывернув манипулятор назад и стреляя очередями... Куда? В кого?

Метрах в ста от Саида, почти скрываясь в поднятой пыли и среди разрывов снарядов — быстро передвигался песчаный холмик. И Марат похолодел, сопоставив размеры «холмика» с размерами Саида. Там, под песком, было что-то огромное.

— Шай Хулуд! Шай Хулуд! — взорвался в эфире голос пакистанца. — Аллаху Акбар, бегите, я его отвлеку! Бегите!

— Лежать тихо! — рывкнул на людей позади себя Марат.

— У меня тут, — уже голосом Майкла сказала рация на плече. — Дракон... у меня... тут.

Теперь Маузер смотрел на небо. Туда, в ту точку, в которую превратился самолетик австралийца. Только таких точек на небе было две. Первая, сверкающая и желтая, пыталась набрать высоту по длинной, многокилометровой дуге. А за этой точкой, повторяя тот же пируэт, тянулось облачко, окутанное дымкой. Второе облачко явно было по размерам куда больше, чем самолет.

Скорость птиц на Земле в среднем составляет сорок-шестьдесят километров в час. Скорость допотопных самолетиков, даже таких убогих как у Майкла — не менее ста пятидесяти километров. Конечно, если птица пикирует к земле, как тот же сокол — то скорость может достигнуть и двухсот, и трехсот... Но, похоже, Майкл знал что делает, и поэтому просто и уверенно поднимался в небо по пологой дуге. Вот только «огненное облачко» его догоняло.

Марат никогда раньше не видел драконов, и сейчас, затаив дыхание, вглядывался в дуэль механической птицы и сказочного существа. С неба слышался далекий пулеметный треск, потом рокочущие звуки, как будто далеко-далеко, на грани слышимости, ворочалась гроза.

— Смотри, — ткнул кто-то лежащего Маузера в бок. — Смотри.

Марат перевел взгляд на землю. Десятиметровый механоид Саида длинными прыжками неся по пустыне. Холм песка скользил уже по самым следам робота. А потом этот холм увеличился мало что ни вдвое над металлической фигурой, и боевого механоида подмяло, и он исчез, в клубах пыли. Толстое, сегментчатое тело проехалось по земле еще метров триста, и снова начало заглубляться в землю.

— Где машина? — спросил спокойный голос Кровавого Пса над ухом Марата.

Все происходило настолько быстро и столь далеко, что взгляд и разум не поспевали за анализом событий.

— Саид, прием! Майкл, прием! Болек, прием! Ганди, прием! Как меня слышите? — спрашивал Марат в рацию. — Кто жив? Отзовитесь! Товарищ Маузер слушает!

— Да! — прорвался, наконец, голос сквозь треск эфира. Похоже, на самом пределе расстояния работы рации. Времени то прошло всего ничего!

С неба принесся косматый огненный клубок. Плетеная корзина воздушного шара, объятая пламенем, с глухим ударом врезалась в землю и взорвалась, в трехстах-четырехстах метрах от лежащих.

— Да, товарищ Маузер, прием! Ползем обратно! Двое! Велосипеды бросили! Дайте ориентиры, где вы точно... Прием!

— Товарищ Пес, — приказал Марат. — Быстро на берег, зажги дымовой сигнал. Операция Демократический прорыв провалилась ко всем ..., черт бы побрал.

— Это Маузер. Ориентируйтесь на дым у моря! — рывкнул в рацию Марат. — Дым у моря! Сейчас будет дым у моря. Ползите на него. Как слышите, прием.

— Слышим хорошо. Дым у моря. Ползем обратно... Прием.

Марат передал рацию Александре.

— Ждите этих здесь. Я сползаю к Саиду. Может, жив еще, в капсуле своего робокопа-переростка. Одна нога здесь, другая там... Это пословица у нас такая, не пугайся.

— Ты только вернись, хорошо? — Александра была настроена серьезно и просьба в ее устах выглядела как приказ. — Одного не пушу.

— Товарищ Джеки Чан, ползем к Саиду, — проворчал Маузер. — Я первый. Ты за мной. Сохраняем дистанцию между друг другом — двадцать метров. Не спеша, без резких движений. Просто ползем. Задание ясно?

— Ясно, — подтвердил Жэнь Чэнь.

— Приступаем к выполнению...

Еще целый месяц, тридцать долгих дней провели те, кто остался в живых на берегу, около пришвартованной подводной лодки. Марат приказал поставить ее под огромный белый флаг, чтобы видно было как минимум за пять километров.

Дважды их команда пополнялась. Один раз причалил катер с пятнадцатью испытуемыми. Второй была огромная баржа, на которой оказалось почти тридцать человек без одного.

Итого в отряде оказалось пятьдесят восемь человек. Могло бы быть и шестьдесят пять. Но те пятеро мужчин, которые напали на их лагерь, убив двух караульных, были уничтожены настолько быстро и безжалостно, что от них остались только разорванные ошметки.

Зачем они нападали, какой был в этом смысл, чего они хотели? Стать сильнее за счет других? Так это делается общим числом, единым коллективом. Марат не мог поверить сначала, что нападающих было всего пятеро. Это потом он догадался, что отнюдь не все команды здесь были под руководством опытного коммуниста.

Наверно, эта маленькая группа отморожков сначала нападала на одиночек. Потом на пары. Потом на группы побольше. Вероятно, справившись однажды впятером против (например) двух десятков — и эти ребята подумали, что им море по колено. До этого они не сталкивались с отрядом, который возглавлялся не просто природным лидером, но и хорошо подготовленным диктатором, то есть командиром. Марат смог установить свою волю так

легко и непринужденно (что он уже много раз проделывал там, в земной жизни) — что члены команды без всяких разговоров выполняли его полупросьбы-полуприказы.

Теперь же, после демократии, либерализма, выборов и гибели двух третей отряда — Марат целиком и полностью установил диктатуру. Все как в армии. Полная субординация. Пять отделений-десятков. Пять командиров отделений. Два заместителя руководителя. И один руководитель.

Это место расслабляло. Своей неподвижностью. Своей безопасностью. Здесь если ничего не делать — тебе ничего и не грозило. Но это все было ложное ощущение. И неправильная тактика поведения.

Только что вернулись последние ползуны. С самой дальней точки, которую они смогли достигнуть. Она находилась в двадцати километрах от берега. Там находился последний большой склад припасов, последний большой лагерь для людей. Туда перетащили порядка ста литров воды и десять килограмм продовольствия. Следующая точка находилась аж в пятидесяти километрах отсюда. Настоящий оазис с водой и пальмами, практически ровно посередине пустыни, которую им предстоит преодолеть ползком. Хотя... кто знает? Может горы, которые начинаются в сотне километров отсюда — еще более опасны?

Туда, к оазису посередине пустыни — доставляли только еду. Вода там и так была. Октокоптер Марат летал туда, к пальмам, более сотни раз, каждый раз доставляя по килограмму груза — дневную норму на пять человек. Самый-самый минимум, чтобы только остаться в живых при таких нагрузках. Хотя у него самого была в наличии «палатка», в которой хранились тонны боеприпасов, продовольствия и воды, но чем черт не шутит? В любой момент Маузера могли убить, или съесть, к примеру. Вместе с палаткой, кстати. У многих в отряде были такие штуки. Бездонные мешки, в которые можно было засунуть уйму полезного. Безразмерные рюкзаки, котомки и кошельки. У Александры из Румынии, бывшей подруги Майкла, была даже почти копия «бисерной сумочки Гермियोны, с наложенным заклинанием расширения».

Но здесь нельзя было надеяться на то, что свойства предмета сохраняются. В любой момент времени огнестрельное оружие могло отказать. Гравитация могла пропасть, из ниоткуда появлялись непонятные существа и вообще — физические законы отказывались здесь нормально работать.

Никто не гарантирует, что такие пространственные аномальные предметы, вроде палатки — и не откажут в самый неподходящий момент. Поэтому как все разумные люди — их отряд предусматривал и такое развитие ситуации, когда можно будет надеяться только на собственные силы.

Кроме октокоптера Марат в отряде было еще два маломерных летающих аппарата. Были, правда, и велосипеды, и автомобили, и опять же самолет и пара планеров. А на барже, так и не выгруженный, стоял самый настоящий танк! Причем с управлением от одного человека. Что-то вроде механоида Саида. Только на гусеницах, и гораздо тяжелей.

Маузер и Кровавый Пес только переглянулись и засмеялись, увидев боевую машину. Приземистую, даже на первый взгляд — ужасно тяжелую, с длинной пушкой и пулеметными модулями-башенками во все стороны.

— Даже не вздумайте его выгружать, — предупредил индеец. — Это приказ.

Абсолютно лысый молодой человек с длинной, кудрявой бородой недоверчиво взглянул на обоих командиров.

— Это Меркава пять, — сказал кудрявобородый сердито. — Эта машина идеально приспособлена для пустыни.

— А это Крисс-Вектор, — сказал Марат, уперевшись дулом оружия в лысую голову. — И он идеально приспособлен для проделывания отверстий в голове. Если приказано, что выгружать танк не надо — это реально значит, что не надо.

Новоприбывшие на барже обступили спорящих, и лица их не выражали ничего хорошего. Видно, у многих были надежды, связанные с боевой машиной.

— Послушайте, — сказал Марат, зорко следя за любым движением окружающих, готовый в любое мгновение спустить курок. — Там, впереди, нет места технике. Нет места костылям. Что бы вы не придумали, истребитель, танк, ракету, велосипед — пустыня сожрет вас. Мы поползем. Ползущих пустыня не трогает.

— Сто километров? — спросил кто-то. — Вы представляете, что такое проползти сто километров по песку?

— Больше ста, — спокойно сказал Марат. — По идеальной прямой мы проползти не сможем.

— Это месяц!

— Да, прекрасно представляю, — ответил Маузер громко. — Больше месяца. Скорость три километра. Не в час, а в сутки. И нагруженные как верблюды. Будет тяжело. Очень. Но мы поползем.

Марат из своего огромного читательского опыта знал, что обычно одни из самых интересных частей в литературе — это когда герои куда-то идут. Из пункта А в пункт Б. Кольцо Всевластия путешествует из Хоббитона к Роковой горе. Бравые мушкетеры едут в Англию за подвесками, преодолев двадцать тысяч лье над водой. Путешествие из Петербурга в Москву, к Последнему морю идем дорогой трудной... и так далее.

С трудностями, длительными задержками, боями и приключениями — но герои идут.

Здесь же требовалось без всяких трудностей, без боев и вообще желательно без приключений... но ползти. От одной каменной скалы — до другой. От последнего оазиса — еще глубже.

Хотя нет, приключения были. Двое чернокожих не выдержали и поднялись в полный рост. И даже прошли, порядка двух километров. Основная группа «ползунов» догнала их на следующий день. Оба были мертвы. Что их убило — осталось тайной. Но, слава всем богам сразу, вся группа поняла, что от них требуется. Ворчали, чертыхались, скрипели зубами, сипели и даже пердели — но ползли.

К концу второго месяца пятьдесят шесть человек достигли гор. Не сказать, чтобы это были такие уж высокие скалы, скорее их можно было назвать скалистыми холмами. Здесь уже можно было не ползти, а идти в полный рост. Хотя идти — это слишком сильно сказано. Куда верней сказать — карабкаться.

Октокоптер показал, что им осталось совсем немного. Пять километров по прямой. К большой круглой площадке в горах. Слишком круглой, чтобы быть естественным образованием. Прямо в центре круга мерцал темно-синим пламенем портал. Как фиолетовое яйцо, поставленное стоймя. При свете солнца и среди окружающих гор портал казался маленьким и блеклым. Но его высота была не менее десяти метров, и он спокойно мог пропустить через себя даже механического воина Саида. Если бы тот смог сюда добраться.

Еще по краям круга стояли статуи. С октокоптера Марат не стал особо разбираться. И вот сейчас весь их маленький отряд, опять таки лежа — во все глаза вглядывался в четыре застывшие фигуры.

Они стояли крестом, в живописнейших позах — друг напротив друга. Две белые фигуры и две черные.

— Ангелы и демоны, — фыркнул Кровавый Пес. — Фантазии — ноль.

Маузер не то чтобы нуждался в пояснениях, сейчас он был занят другим.

Девушка-ангел на северной, самой дальней точке — единственная была с луком. Сколько стрел в каменном колчане — не разобрать. Но — много.

Напротив нее, глаза в глаза с ней — могучий ангел с мечом.

Справа, на востоке — черный рогатый демон с кнутом, связанным кругом на поясе.

Западную точку занимала темно-красная демоница, с трезубцем.

Хорошая подобралась компания. Многообещающая.

Почему то никто особо не сомневался, что вся эта бравая четверка оживет, как только кто-то из испытуемых пересечет невидимую границу. Конечно, было бы совершенно прекрасно, если бы это оказались просто статуи. Неподвижные и прекрасные. Это было бы просто замечательно. Но как раз в разумный, человеческий вариант, что это обычные архитектурные украшения — верилось с большим трудом.

Каждая из фигур — не менее трех метров ростом. При этом вызывают очень серьезные сомнения, что их удастся хотя бы поцарапать из автомата или даже гранатомета. Даже в упор.

По крайней мере, когда Кровавый пес с расстояния в двести метров выстрелил из своего крупнокалиберного снайперского ружья по ангелу — то бронебойная пуля калибра двенадцать и семь, побывавшая на круге трансформации и пробивавшая (по уверениям индейца) — полтора метра железобетона навывлет — не смогла ничего сделать. Раздался просто звон, не такой уж и звучный. Статуя ангела даже не качнулась. Сколько Марат в нее не вглядывался — никаких повреждений он не обнаружил.

— Пес, говорит Маузер. Прием. Еще раз. Бей еще раз, — сказал Марат в рацию.

Раздался еще выстрел. Снова приглушенный звон.

— Ладно, отбой, — поморщился Марат. — Побережем боеприпасы.

На общем сборе, который состоялся буквально через пять минут после попытки повредить одну из статуй из крупнокалиберного оружия, Марат обрисовал ситуацию:

— Слушайте сюда, бойцы, — сразу взял быка за рога Маузер. — Мое предложение такое: атаковать. Всем вместе. Можно, конечно попробовать запускать людей по одному. Гольшом например, на коленях. Или даже с завязанными глазами... Но сейчас потеря даже нескольких человек для нас непреемлима. Я так прикинул...

Марат поморщился и огляделся по сторонам, чтобы проверить — все ли его слышат.

— Очень хороший стрелок, — продолжал Маузер. — Выпускает двенадцать стрел за одну минуту. Но есть уникамы, которые стреляют со скоростью одна стрела в секунду. Добежать до портала — это пятьдесят метров. Это только если считать от места, где стоят статуи. Но берем наихудший вариант. То есть, предположим, что они оживут, как только любой человек приблизится за сто метров. Итого в сумме нам бежать сто пятьдесят метров. Пятнадцать секунд для олимпийского чемпиона. Двадцать секунд для меня. Или больше? Я не знаю. В любом случае лучница за двадцать секунд убьет двадцать человек. Остальные статуи будут убивать с такой же быстротой. Нас пятьдесят шесть. Если все пойдет плохо — никто из нас не добежит. Нам не хватает больше тридцати человек. Но мы все равно побежим. Причем одним клином. Через северо-западную точку, между демоницей с трезубцем и ангелой с луком. Они, вроде, самые безопасные. С виду, по крайней мере. Дальше... Нам необходимо...

— Мы прекрасно понимаем, что наш командир, товарищ Маузер, видит только один путь, и на мой взгляд путь этот не плохой. Но идти всем вместе, толпой на верную смерть? — чуть кашлянув, на шаг вперед вышел тот самый лысый, с кучерявой бородой, владелец брошенного на берегу танка. — Нам стоит обсудить все варианты и проголосовать, как нормальные люди...

— Нормальные люди присоединяются или объединяются вокруг самого опытного. Что в экстремальной ситуации, что в мирное время, — Марат сжал ладонью рукоять Крисс-Вектора, висящего на ремне на боку.

— Мы выслушали тебя, послушай и ты меня. Я тебя не перебивал, — нахмурился танкист и положил свою руку на кобуру на поясе.

— Пес, — четко и тяжело сказал Марат, не отрывая взгляд от кучерявобородого. — Вышиби из него дурь.

Индеец как будто этого и ждал. Он ударил откуда-то сбоку, внезапно и хлестко. Лысый упал, а люди зашевелились, и Марат понял, что слева от него наизготовку с пистолетом — стоит Александра, бывшая подруга австралийца Майкла. А справа стоял Брюс Ли, китаец, от которого Маузер совершенно не ожидал такой прыти.

Между тем Кровавый Пес и не думал останавливаться. Он ударил лежащего еще раз, и потом еще, сопровождая каждый удар фразой.

— Мы уже голосовали и выбрали самого опытного, — удар. — Его задача оценить ситуацию, выработать план, подготовить мелочи, советоваться.

Удар.

— Задача всех остальных — максимально подготовиться и идеально выполнить свою задачу. Понял?

Кучерявобородый захрипел. Еще удар.

— Понял?

— Хватит, — с ледяным спокойствием приказал Маузер.

— Далее, — продолжил Марат, словно ничего и не происходило. — Нам требуется выбрать добровольцев. Восемь человек. Четыре пары. Они будут атаковать статуи напрямую. Я хочу верить, что это не просто испытание или экзамен. Думаю, что эти статуи, если они оживут, можно нейтрализовать. Те, кто придумывал это, наверняка понимали, что добраться сюда может и один человек. И этот человек, подготовленный на островах, может их победить. Более того...

Марат оглядел присутствующих. Пока все еще подавлены, но это ничего. Когда человек в безвыходной ситуации видит надежду — силы его порой утраиваются.

— Вполне возможно, — продолжил Марат. — Что если не победить стражей и проскользнуть мимо — то на этом наши приключения закончатся. Мы вернемся на Землю как обычные люди, голые и беззащитные. Дураку понятно, что они стоят здесь не просто так. Если их победить — то вполне возможно победителю упадет такое умение или предмет, или информация, по сравнению с которой все наши плюшки и способности — это пыль на ветру...

Вот теперь Маузер увидел, что настроение мгновенно поменялось. Кое-кто даже улыбнулся, а у нескольких загорелись глаза.

— И я не против любого варианта, — продолжал Нечаев. — Я готов вернуться домой, к семье, пусть голый и беззащитный, но живой и со знаниями и опытом, который здесь приобрел. Поэтому основная группа прорывается к порталу. И будет здорово, если бой не состоится, а наши восемь добровольцев пробегут мимо каменных статуй и тоже уйдут, живыми и невредимыми. Но я буду первым из этой восьмерки. Кто со мной?

— Я и Александра возьмем на себя демоницу с трезубцем, — улыбнулся во весь рот Кровавый Пес. Марат поглядел на него, и невольно хмыкнул. Наверно, впервые за время их путешествия индеец сбросил с себя мрачную маску и выглядел таким счастливым.

— Я с вами, но беру на себя дьявола, — вперед выступил Димириис, грек, вооруженный копьем. Смотрелся он очень забавно: доспехи на голое тело, какой-то футуристический плазмо-огнемет за плечами и золотое копьё в руке. В отряде его прозвали...

— Я пойду с нашим Ахиллесом, — прогудел толстый немец, Лотар.

— Я возьму на себя ангела! И я! Я тоже! — бойцы радостно загудели, предвкушая опаснейшее приключение. Марат только головой покачал. Только что с места никого сдвинуть невозможно — и вот уже все рвутся на минное поле...

— Так! Воины! — повысил голос Маузер. — Разбились на две группы! Налево от меня — кто будет драться! Направо — группа прорыва к порталу!

* Прорыв *

Марат встряхнулся как пес, и начал готовится. Из всех вещей он оставил при себе только рюкзак, в котором лежала безразмерная палатка. А уж в ней, в палатке, штабелями и кучами лежали все его трофеи. От редупликатора до оружия. Толстые черные кольца уникама, которые Марат забрал с почти расплющенного тела Саида — тоже оставил при себе. Как браслеты, на запястьях.

Подумал несколько секунд — и снял с шеи ремень Крисс-Вектор, положил оружие на песок. Туда же прибавил и флягу с запасом сухих галет, и аптечку с пояса. Не для того, чтобы облегчить вес. А для того, что может — придется и вернуться. Причем уже без всякого оружия, рюкзаков и даже одежды, в режиме спасайся-кто-как-может.

Он оглянулся. Все заняты делом. Серьезны и сосредоточены. Подтягивают лямки, перешнуровывают берцы. Большинство, глядя на командира — поступили так же как и Марат — то есть оставили на песке оружие и небольшой запас.

Сбоку послышалось заунывное пение. Один из арабов молился.

Если бы Маузера кто-то серьезно спросил: «Какой ты человек, Марат?» — то услышал бы в ответ самые неожиданные слова. «Я — самый неуверенный человек на свете». Человек, который на любую мелочь имеет как минимум три взгляда, и три плана действий. Вот как сейчас: можно было драться, можно было пытаться прорваться без драки. И можно было вернуться, и прожить в спокойствии до старости и смерти на своем личном острове. И никто не знал, в том числе и сам Марат — какой из трех путей верный?

Хотя многие думали, что он просто глыба, какое то монолитное существо, всегда уверенное в правоте. Но на самом деле он просто действовал в соответствии с намеченным планом. Применяя почти бесконечное количество вариантов для выполнения этого плана, то есть достижения поставленной цели. Марат думал, что большинство коммунистов поступают также. И много раз ошибался. Но не в себе, а в людях.

Вот и сейчас, выбрав просто приоритетное поведение, он делал все, чтобы именно данный конкретный план — сработал.

Поэтому Марат, материализовав секиру, встал на колени, и задрал голову.

Повернув лицо к небу, Марат молился своей придуманной молитвой, громко и четко проговаривая слова. За всю жизнь он делал это крайне не часто, всего три или четыре раза. Громко и четко — для того, чтобы бог услышал и точно разобрал, что от него требуется.

Ведь если бог вдруг есть (Марат будучи закостенелым материалистом, естественно допускал эту вероятность) — почему бы не заручиться и его поддержкой? Если он слышит только молитвы — ничего, нормально. Маузер может и помолиться. Да, именно, с применением молитв. С него не убудет. Тем более, впереди поджидает опасность, выраженная явно в религиозных ипостасях.

Существует возможность, что пропустят только помолвившихся, заручившихся поддержкой всемогущего сверх-существа? Конечно, существует. Так почему эту возможность игнорировать? Если в воздухе пахнет серой, коммунист просто обязан одним из вариантов предполагать наличие неподалеку демона с рогами... А тут четыре фигуры, явно олицетворяющие религиозные принципы. Ангелы. И демоны...

Короче — молимся!

Звучала молитва — как раньше, так и сейчас — следующим образом:

— Эй ты там, на небесах, или где ты там? В общем, у меня тут серьезные проблемы намечаются. Не знаю уж по моей вине, или по твоей, но если я раньше времени в ящик сыграю, коньки отброшу, и не смогу преодолеть волю твою, то ты не думай, что легко отделаешься, а я сразу стану пайнкой и умничкой. Как только тебя встречу — спрошу за всё сразу, и по каждому пункту в отдельности. Так что, если ты там сидишь, и слышишь меня — дурью не страдай, помоги. И уж точно рекомендую мне не мешать. Тебе зачтется, боженька. Аминь.

— Неплохая молитва, — раздался насмешливый голос Кровавого Пса. — Помогает?

— Всегда, — невозмутимо сказал Маузер, вставая в полный рост. — Он меня слышит. Не знаю — помогает напрямую, или нет... но всякие высшие силы у меня под ногами до сих пор не путались. Не замечал такого.

— Бойцы! — перешел на командный рык Марат. — На исходную!

— Все готовы? — оглянулся он на товарищей. Да, пожалуй, уже на товарищей.

— Кто сильней? — спросил Маузер, стараясь заглянуть в глаза каждому.

— Мы сильней, — ответил он сам себе. И задал вопрос снова:

— Кто сильней?

— Мы сильней, — сказала пока вполголоса Александра.

— Кто, вашу мать, сильней?!

Марат, начав бег, сосредоточился на том, что у него под ногами. Не хватало еще запнуться о какой-нибудь камень и совсем не по героически подвернуть ногу в такой неподходящий момент. Фигуры в круге он тоже не выпускал из виду, но держал их на периферии зрения.

В воздухе раздался звон, негромкий, мягкий. Такой же Марат слышал, когда Кровавый пес стрелял по статуям.

«Мы пересекли барьер» — пронеслось в голове.

Тут же он увидел как фигуры в круге пришли в движение. Да, по предварительным расчетам Маузер оказался прав — они оживали, когда пришельцы пересекали невидимый барьер, расположенный почти за сто метров от ближайшей статуи. Лучница-ангел уже

наложила стрелу на тетиву. Самое неожиданное — статуи не атаковали по одному. Они тоже явно собирались действовать парами. Демоница спряталась за плечо ангела. Лучница — прикрылась демоном, за горой бугрящихся мышц.

Огонь в груди! Крылья!! Оружие в руке!!! Марат почти мгновенно прокачал себя до последнего уровня.

— Вперед, черти! — прокричал Маузер. Добровольцев набралось аж шестнадцать человек. По четыре бойца на каждую опасность.

Его четверка немного вырвалась вперед. Их задачей была демоница. Маузер чувствовал, что может бежать гораздо быстрее своих спутников. Даже Кровавый Пес, длинноногий и быстрый — солидно отставал. Марат недовольно обернулся, просто бросил взгляд назад. Блин, какие они маленькие, по сравнению с величественными существами.

Раздался свист. Потом хлопнуло так, как будто рядом прошла воздух молния. Третий и четвертый отряды, которые должны были нейтрализовать демона и лучницу-ангела — их словно разорвало. Напополам. Сверкающий бич прошел через доспехи, бронежилеты, мясо и кости. Уже порядка пяти человек лежали далеко сзади, пронзенные метровыми стрелами.

— Вместе! — выкрикнул Маузер.

— Держу, — вторил ему Кровавый Пес. Лассо, вылетев из руки чероки, опутало ангела-меченосца. Тот поднатужился, и в этот момент китаец Джеки Чан ударил его рукой. Прямо в живот. Огромную фигуру отбросило, метров на десять! Неплохо!

Демоница взмахнула трезубцем, и в это время Александра накрыла ее ментальным ударом. Марату показалось, что мир вокруг сначала превратился в мыльный пузырь, а потом лопнул. Крик румынки словно погрузил всех в глухоту. Демоница тоже отпрянула, и в тот же момент секира Марата ударила ее в плечо. Сам же Марат внезапно понял, что по росту они почти равны. То ли стражница портала уменьшилась, то ли он стал больше. Не время разбираться. Удар, еще удар! И еще! Каждый из них отсекал что-то от ожившей статуи. Кисть руки. Ступню. И голову.

Готова.

Обернувшись на товарищей, Марат понял, что у них тоже все в порядке. Азиаты добивали мечника. Жэнь Чэнь сидел на поверженной фигуре верхом, и бил просто рукой куда-то в район головы живой статуи. На руке китайца был странный нарост, и Марат через секунду понял, что это катар — древнее индийское оружие, зуб бога смерти.

А вот у остальных все было гораздо хуже. Бич демона в первые же секунды разорвал атакующие четверки, и теперь свистел, настигая людей одного за другим. Девушка-ангел не спеша и даже как-то лениво вытягивала из-за спины стрелу за стрелой. Натягивала тетиву — и каждая находила цель. Огромный лук хлопал и гудел при каждом выстреле.

Звук вернулся, оглушение от ментального удара румынки прошло. Марат услышал выстрелы. Несколько человек пытались попасть из автоматов в демона. Тот не реагировал, и вообще было не понятно — причиняют ли пули ему хоть малейшие неудобства.

— Атакуем! — непонятно, кто это сказал, но Марат, мгновенно подчинившись, рванул навстречу смерти. Он понимал, что сейчас умрет, что победа над демоницей и ангелом — это просто везение. Но поступить по другому он не мог.

Только сейчас Марат заметил, что это не фигуры стражников портала уменьшились. Нет, это он сам увеличился. Сравнивая себя с Кровавым Псом, Марат понял, что ростом он не только не уступает, но и на голову выше здорового индейца.

Сверкающий металлом канат ударил Пса в бок, чуть затормозил — и прошел сквозь

тело, разрезав кожу, мышцы, позвоночник, кишки — все, что есть в районе живота. Словно и не человек это был, а соломенная кукла. А вот Маузер поймал оружие демона. Металлический трос кнута был необычайно толстым, неприятным на ощупь, и одновременно упругим, словно бы живым существом. Демон рыкнул и потянул на себя. Марат напряг все силы... и через секунду демон упал, и снова сверху сидел Джеки Чан, и бил зубом бога смерти, сверху вниз. Еще через секунду из головы китайца вдруг выросло длинное древко, оперенное белыми перьями.

Тут же шум битвы стих. Маузер на краю зрения увидел, как медленно, сопротивляясь гравитации, упираясь изо всех сил руками в песок — ложится, словно отдохнуть, Александра. Наступила полная тишина. Люди лежали изломанными куклами на каменистой земле. Много людей. Никто не прошел...

Девушка ангел стояла в двадцати метрах, улыбаясь мягкой, доброй и даже смущенной улыбкой. Невозможно было и поверить, что две трети смертей на этой арене — ее рук дело.

Маузер замер, зажав секиру в обеих руках, чуть расслабив плечи, фиксируя каждое движение противника. Какая же она красивая...

Девушка отбросила в сторону лук. Туда же полетел и пустой колчан. Из складок белоснежного хитона тонкие руки выхватили меч. Точнее, даже не меч, а что-то вроде шпаги, тонкого длинного кинжала. Совершенно не стесняя себя в движениях, даже не думая никак защищаться, девушка-ангел направилась к Марату. С первым ее шагом он позволил себе плавно оглянуться, чуть поправил свое тело в пространстве. Темно-синий портал колыхался совсем рядом. До него было метров двадцать, максимум — двадцать пять. Он успеет...

Марат понимал, что поступает неосмотрительно, нелогично, глупо, в конце концов. Он же читал. Коммунист должен освоить сложную науку отступления. Много раз он так поступал. Да него в подкорку уже был вшит рефлекс! Не любопытствовать, а бежать, особенно с учетом серьезной опасности. И все же он не мог.

За кого он хотел драться? За товарищей, большинство из которых знал дай бог месяц? За то чтобы вернуться победителем, к Люгер и Сабрине? За какую то идею? За человечество которое совершенно ничего не зная — и в тоже время ожидало своего героя?

Нет, не так. Все не то. Было какое-то большее чувство, непонятное, глубокое и необъятное. Словно бы он решил сражаться за всю Вселенную.

— А ты любопытный, — вдруг сказала девушка ангел.

На лице Марата не дрогнул ни один мускул, хотя он был поражен до глубины души. Она разговаривает?

— Вы, земляне, очень смешные, — продолжала ангел. — Сюда приходило много людей, — она повела тонким клинком как учительница указкой.

— Тысячи, — продолжала она. — Может десятки тысяч. Я слышала их. Многие приходили, потому что хотели денег. Они считали, что это приключение за деньги.

Она рассмеялась — как колокольчики зазвенели.

— Другие приходили за умениями. За вещами. Как забавно. Драться ради бумажек, за какую-то тряпку или железку. Еще были кто думал, что умирает, чтобы дать жизнь или шанс маме, сыну, дочери, дедушке, любимому человеку. Меня это ставило в тупик, первое время. Кто то мечтал о славе — таких тоже было много. Все они сражались за себя, для себя, так или иначе. Все они были одиночки. Никто так и не понял смысл этого испытания. Что надо было не объединяться. Вселенная живет по другим правилам. Она не объединена. Она —

соединена. А вот ты...

Маузер молчал.

— Вот ты — это совершенно другое дело. Ты не для себя борешься. Не за бумажки. И не ради кого-то, кто тебе самому важен...

«Какая словоохотливая девушка, — подумал Марат. — Обычно из таких красавиц и слова не вытянешь, одни звуки...»

Теперь то он точно понимал, что каким-то образом вырос. Стал выше, и куда гораздо шире. Да он же смотрел почти глаза в глаза прекрасной ожившей статуе трехметрового роста!

— Ты даже не представляешь, человечек, к каким силам взываешь. К чему хочешь присоединиться. Тебя слышат. Это странно. Ты же один. Здесь не пройти одиночкам. Но ты трансформировался только с вещами. Так кто же ты?

— Я пролетарий, — Марат сам изумился своему ответу. Он вообще не собирался вступать в разговор, а только выжидал момента для нападения. Тем не менее он ответил, вопреки себе:

— Приставка к машине, которая обрела разум, один из бесконечности...

Ангел вдруг оказалась совсем близко, на расстоянии удара.

— А ты когданибудь слышал: разумные всех миров, соединяйтесь? Знаешь что это такое?

Маузер был поражен, но не ее словам, а скорости движений — она двигалась подобно электрической молнии. В один момент была и там, и здесь...

— Но это не для тебя...

Марат пошатнулся. С изумлением он увидел, что из его груди торчит серебристое лезвие, а изящная рука удерживает рукоять на таком расстоянии, что он может склонить голову и коснуться губами тонких пальцев.

Маузер схватил ангела за запястье. Она нахмурилась, и попыталась вырваться. Силища у нее, конечно, невероятная.

— А вот это мы еще посмотрим, — прохрипел он, перехватывая секиру поудобней, и обрушил лезвие на белое плечо. Девушка вскрикнула — тонко и громко. Второй удар перерубил её шею чуть ли не надвое. Третий — почти отделил голову, и девушка откинулась назад. Марат выпустил ее руку, не удерживая больше. Ангел, ломая гармонию тела — мешком свалилась на песок.

Следом чуть не упал Марат. Он понимал, что удар смертелен. Клинок пронзил сердце. Это точно. В груди — нарастающая резь, дышать уже нечем, а мир стремительно сжимается в точку.

— Чтоб тебя, змея белая, — проскрипел Маузер, и выдернул клинок из своего тела, понимая что терять уже особо нечего. Кровь тягучим потоком заструилась по животу, поползла к ногам. — Все вы такие. Белые. Но не пушистые...

«Только сознания не теряй, не вздумай даже. Сохраняй разум чистым, — где-то далеко и глубоко внутри сказала Люгер. — Ты железный Маузер. Ты справишься».

— Да я уже справился, — просипел он, и свалился в портал.

Сознания он так и не потерял. Понимая, что жить осталось крайне недолго, и вообще не понимая, как он еще жив, Марат, оставляя кровавую дорожку, на подгибающихся ногах поспешил к выходу из помещения.

Только что был песок и камни, небо без единого облачка, крики погибающих

товарищей. Свист стали, треск ломающихся костей.

И вот он тут. В коридоре с белыми стенами, с непонятной подсветкой, надо только добраться до двери. Выйти на улицу, вызвать скорую помощь.

Слабой рукой он шарил по телу, забытыми движениями проверяя карманы, пытаясь найти телефон. Потом вспомнил, что оставил его в палатке, которая квадратным камнем висела за спиной. Надо же, не потерял. Ладно, разберемся. Наверняка первый же попавшийся прохожий, поняв, что перед ним человек истекает кровью — догадается набрать номер службы спасения.

За дверью — прохладный вечер. Небо заволочено тучами. Скоро будет дождь. Наверно, именно такая погода помогла Марату успокоиться, вдохнуть немного поглубже.

Но что это? Мир перестал уходить из-под ног. Боль в груди как будто уменьшилась, почти исчезла. И кровь вроде уже перестала, и вообще не течет.

Маузер аккуратно заглянул под свою майку. Да, такое ощущение, что там все нормально. Не считая того, что весь низ майки пропитан кровью. Но самой раны... да такое ощущение что ее и нет! Не очень доверяя сам себе, Марат залез под майку уже рукой. Да, черт побери, есть какой-то бугорок. Вероятно шрам. Что, вот так работает регенерация? Ничего себе. Теперь понятно, почему Кровавый Пес был так ошеломлен. Сам Марат как то не обращал на это особого внимания до сих пор.

Нечаев, стараясь теперь не привлекать внимания, поспешил к пушистым елкам, которые в изобилии росли вокруг торгового центра. Привычными движениями за пять секунд поставил палатку. Вошел внутрь, и начал быстро раздеваться. Так и есть — он не просто жив! У него все абсолютно нормально. Только посередине груди — маленький шрам, и на спине, где вышел меч ангела — тоже. Одежда на животе и ниже — просто хоть выжимай. Но в остальном все хорошо. А шрамы... Парой меньше, парой больше — никакой разницы.

Марат несколько минут стоял в неподвижности, проверяя ощущения, анализируя самого себя. Ну и дела... С такими умениями и штуками он становится очень опасен. Регенерация, способность изменять размер тела. Секира из пространственного кармана, редупликационный блок, черные браслеты уникама на запястьях. Плюс гора, просто сумасшедший запас оружия и амуниции в палатке, больше похожей на пещеру Алладина.

— Отлично, — сказал Марат вслух. — Прекрасно.

Интересно, думал он, не спеша переодеваясь, может кто еще кроме него все-таки выжил? Конечно, на песке осталось много трупов. Но кто-то мог же прорваться... Наверно.

Он накрепко запомнил четыре номера. Кровавый Пес, американец. Гонзало из Колумбии. Румынка Александра. Жэнь Чэнь по прозвищу Джеки Чан — из Китая. Резвый оказался парень, с виду сразу и не скажешь. Им надо будет позвонить, узнать. Он видел смерть всех четверых, но...

Ладно, сейчас можно и вернуться, решил Марат. Во-первых — вытереть кровь отовсюду. Особенно с пола в офисе, наследил он в коридоре слишком сильно. Такое нельзя оставлять. Во-вторых — ему нужна хоть какая информация. Если первый тест был уже нелегкий, то во втором испытании его, можно сказать, убили дважды. Что же будет на третий раз? Может, ну его, бросить к черту? Если так дело пойдет дальше — тут ведь никакие молитвы не помогут.

Марат, не смотря на то, что был сжигаем желанием бросить все, и побежать что есть сил домой — пошел обратно. Открыл дверь. Никакой крови на полу он не увидел. Зато на дальней стене, не касаясь ее, прямо в воздухе горели буквы:

«Вы можете продолжить прохождение Теста в течении 72 часов, если по истечении этого срока вы отказываетесь от прохождения — результат теста аннулируется. Вы можете выбрать дополнительное умение».

Точно такая же надпись, как и после первого испытания. Интересно, а сколько их всего будет, этих тестов? Марат уже не сомневался, что здесь задействованы силы и технологии, которые намного превышали все способности человечества. Будем надеяться, что он не в коме, а это ему не снится. Умение — это хорошо. Но почему только два? И какие странные. Искажение пространства или поглощение?

Марат, совершенно не стесняясь, ткнул в оба. К его изумление, обе способности были одобрены.

Понятно, это была основная награда и дополнительная, сообразил он через секунду.

Но... естествоиспытатели над человечеством ограничатся только этим?

Словно услышав его мысли, буквы изменились, и превратились в следующую фразу:

«Рекомендуем пройти Тест № 3 как можно скорее. Время теста — ровно 1 (один) час стандартного времени. Летальная опасность в тесте № 3 — отсутствует. Согласны войти в тест прямо сейчас?»

Да вы что, издеваетесь?

Было, конечно, немного диковато. Для него прошло почти два года. Здесь, в реальности, он отсутствовал с обеда до ужина. Обычное, блин, дело.

Марат старался не показывать виду, что он просто жестко, ужасно соскучился по Юте и дочери. Только спокойно. Еще за сумасшедшего примут, чего доброго. Хотя больше всего хотелось завизжать по-щенячьи, сгрести всех в охапку, и барахтаться, и целоваться до посинения. Позволил себе только прижаться к Сабрине минут на десять, ни слова ни говоря, замерев от счастья, слушать как стучит маленькое сердце.

Перемежая все шутками и прибаутками, рассказал все за ужином Юте. Вечером, когда маленькая наконец утомилась, они стали внимательно изучать плюшки. Конечно, октокоптер на Юту впечатления не произвел. Ну правильно, игрушка взрослого мальчика, колокольчик с пропеллерами, как же нам прожить без машинки на радиоуправлении? Хотя Марат понимал — штука эта еще много раз пригодится, классная вещь, необычайно нужная и полезная.

Уником жена оценила. Сразу запаковалась в черную броню, и побежала к зеркалу.

— Класс, — сказала она, довольно критично рассматривая свое отображение. — Говоришь, что оружие можно к нему только поднести, и он сам выберет нужный способ крепления?

— Ага, — подтвердил Марат. — Против огнестрела это самое то, класс защиты как минимум пятый.

Палатка произвела впечатление. Даже не впечатление, а потрясение. Юта как замороженная осматривала открывшееся ей пространство, восхищенно касалась руками брезентовых стен.

— Прямо руками можно помещения формировать? — спрашивала она.

— Прямо руками, — подтвердил муж, в голове перевел положение «трансформирование включить», и ладонью стал вдавливать пол, расширяя яму, придавая ей очертания.

— Потом можно взять плиту перекрытия, — говорил он. — Кладешь ее сверху, выбираешь форму, зафиксировал — подвал готов! Думаю, вот тут будет прихожая-

гостинная-большой зал. Тут столы, диваны, большой экран, вот здесь прямо вдоль стены — библиотека с лесенкой, все книги сюда. Там, справа, комнатки для гостей, восемь штук в два этажа, слева вход в санитарные помещения, душ, ванна огромная, туалет. Может быть даже электрическую сауну поставим, место есть. Вот здесь..., — он прошел дальше, — ... будет вход на кухню. С нее выходы в подвал, мастерские, оружейная и тир. Здесь — холодильники и барная стойка, плиты и полки. А вот там... — он прошел чуть назад. — Вот тут что хочешь со мной делай, но здесь я сделаю маленький театр, со сценой, роялем, стулья, даже примерка сзади, маленькая. Этакая... ну не знаю... всю жизнь хотел. Сцена это прекрасно, это очень круто, правда.

— И где мы только столько мебели найдем? — насмешливо сказала Юта. — А это что?

Она указала на небольшой белый пластиковый ящик в углу.

— Это? — Марат замешкался. — Это привратник. Ну, киборг такой, вроде терминатор, модель тэ-тысяча, жидкий... Только этот не железный, а пластиковый. Она тут моет, пыль сдувает, если продукты есть — готовит что скажешь, стирает...

— Типа эта штука здесь порядок сама будет поддерживать? Здорово! Она? — Юта хмыкнула. — Ну, показывай свою «ону».

— Да что там показывать, привратник как привратник.

— Что, сложно что ли?

— Да нет, не сложно...

По неслышимой команде, которая прозвучала только в голове Марата, масса из ящика начала подниматься, формировалась на глазах, и вот уже перед Ютой стояла тоненькая девушка, совершенно обнаженная, чуть ли не сверкая белой кожей.

— Ну ты, конечно, извращенец, — сказала жена с удовольствием. — Вампирша? Я честно говоря думала, что сейчас либо кошко-девочка вылезет, либо Ария Старк.

— Ну, какая получилась..., - буркнул Марат.

— Я тебе покажу, «какая получилась», — шутливо-разъяренным тоном прорычала она, как-то в одно движение оказавшись рядом, впиваясь в губы, и мягко заваливаясь назад.

— В ящиках что? Сплошняком небось пушки разного размера и калибра? — спросил она минут через двадцать, вытягиваясь всем своим длинным телом на разваленных впопыхах спальных мешках.

— Ага, — слабо отозвался Марат. — Пушки. И еще много всего, от бронежилетов до ракетных комплексов. Потом стойки сделаю, разложу, Тульский оружейный музей нервно курит в сторонке.

— Пистолеты есть?

— Конечно есть, — он рывком поднялся, не пытаясь натянуть даже трусов, голым подошел к одному из ящиков, с щелчком открыл крышку. — Вот смотри, специально для тебя. Пистолет Люгера, модель Парабеллум ноль-восемь, как ты давно хотела. Это гражданский, с дополнительным предохранителем на рукояти, но есть и армейские образцы.

Она взвизгнула от восторга, и рванула к нему, тоже совершенно без клочка одежды.

— Какая прелесть, — сказала она, восхищенно сверкая глазами. — Убери ее, я стесняюсь, — кивнула она на пластиковую киборгшу.

— Ты сама прелесть, — сказал Марат, и дал привратнице мысленный приказ на деактивацию.

— Слушай, это же целый дворец, — говорила Юта, рассматривая помещение еще раз, но теперь уже через прицел оружия, быстро и плавно перетекая из одной стойки в другую.

Смотрелось это, конечно, потрясающе. Обсолотно обнаженная девушка с разметавшимися по плечам рыжими волосами. С белоснежной кожей, с пистолетом в руке, принимая то одну, то другую стойку. Прищуривая глаза и меняя выражения лица, как будто действительно стреляла и радовалась тому, как падают невидимые противники.

— Но это же сколько ресурсов надо? Деньги, время, ужас... — продолжала она. — Поддай мне уникам... У тебя тут зеркало есть?

— Тут пока зеркала нет, — улыбнулся он. — Зато есть кое-что получше.

Марат достал из следующего ящика редупликатор.

— Смотри какая интересная коробочка, — промурлыкал он словно кот. — В коробочке есть три отдела. Вот в этот, в нижний, кладем бумажки банка России номиналом сто рублей, красненькие. Вот здесь у нас, сверху, как и в обычном ксероксе, лежит бумажка от того же банка, тоже красненькая, но совсем другого номинала. Нажимаем на кнопку...

Редупликатор коротко прогудел. Марат выдвинул среднюю полку, до этого пустую.

— И вот у нас на руках аналогичная бумажка из второго отдела. Точность копирования в данном случае — сто процентов... Из четырех бумажек условной стоимостью, если считать все вместе, четыреста единиц — получаем три бумажки номиналом по пять тысяч единиц каждая. Пятитысячные по размеру чуть больше сторублевок, — пояснил он. — Единственный минус — тут номера и серии совпадают, так что потребуются небольшое количество ума для соблюдения некоторой осторожности.

— Вопрос с финансами..., — задумчиво заключила Юта, рассматривая на свет две протянутых купюры. — ... думаю закрыт. Когда на третье испытание собираешься?

— Дай день отдохнуть. Скорее всего послезавтра. Они мне, прикинь, предлагали третий Тест прямо после второго пройти. Обещали без летальной опасности...

— И ты?

— Да ты что, Люгер? — Марат непроизвольно сглотнул слюну, наблюдая, как пластины уникама плавно наезжают и покрывают абсолютно гладкую кожу жены. — Вообще-то второе правило Штурмгруппы гласит, что проводить неподготовленные мероприятия запрещено, и подготовка менее трех дней ведет любую, даже мельчайшую операцию к провалу. Это непрофессионально. Конечно, я отказался, всему свое время.

С легким клацаньем черные пластины уникама затянули ее всю — от шеи до пяток. Она приложила пистолет к бедру, и оружие повисло там, как будто приклеенное, а еще через секунду оказалось в сформированной черной кобуре.

— Люблю тебя, — сказала она, и прижалась к Марату.

— Сходи за молоком, в круглосуточный магазин, — попросила Юта через минуту. — И хлеб не забудь...

Марат вышел в летнюю ночь. Во дворе почти никого не было, и он пошел не по тротуару, а напрямую, тропинкой через кусты. Уже миновав заросли чайного куста, он заметил шевеление сбоку. Со скамейки, на которой днём сидели мамочки с колясками, поднялась стайка юнцов.

— Дядя, дай на Кока-Колу, — сказал насмешливый девичий голос. За плечами девушки стояли четверо парней. Высокие, крепкие и плечистые. Современная гопота. Хотя действуют по той же старой схеме. Даже если Марат их запомнит и найдет, то в полиции бравага пятерка заявит, что сидели смирно, а какой-то дядька стал приставать к единственной в компании девушке... А то, что у него кошелек пропал в потасовке — так вы его сами спросите, куда он его подевал? И был ли вообще этот кошелек?

Марат остановился. Хотя не стоило, конечно, можно было просто убежать... Но зачем? Он ведь может уложить этих малолетних гоп-стопщиков одной рукой. И раньше мог, а сейчас уж и подавно. Но сегодня обойдёмся без рукопашной. Есть много вариантов...

— Деньги есть? — спросил один из парней.

— Есть, — сказал Марат. — Но немного. И у меня на эти деньги есть план. На эти деньги я иду купить своей дочке молока.

Марат почувствовал, что агрессивность собеседников сразу упала на десяток градусов.

— Вот такой у меня план, — продолжал он. — И мне нужно вернуться домой. С молоком. И я вернусь, ребята. Даже если для этого мне придется переступить через ваши трупы. Интересный расклад, ребята?

Марат говорил медленно и внятно. Может, кто-то не поймет?

— Да ладно, батя, чего ты заводишься? — сказал спокойно самый здоровый, и отодвинул девчонку в сторону.

— Проходи.

— Благодарю, — отозвался Марат.

Вообще, конечно, странно — думал он, пробивая товар на кассе магазина. Давненько он не встречал настоящих гоп-стопщиков. Эти, конечно, совсем юные. Ещё набираются опыта. Были бы чуть постарше — и взяли бы мзду "за проход". Не посмотрели бы ни на что. Понеслась бы кровавая вьюга, в которой ещё неизвестно — кто и кого. И главное — за что? Обычно всё-таки настоящая гопота долго выбирает жертву, и прекрасно знают, как ее утихомирить, до состояния полного бесчувствия.

А тут? Да им бы на сигареты не хватило. Но какая-то странная нужда вынудила этих пятерых сплотиться, договорится, и действовать одной командой, не имея, по сути, никакого опыта. Вроде бы все вокруг живут не плохо. Не голодают. Покупают классные шмотки и технику. Ан вот нет, что-то происходит.

Маузер вышел из магазина. Остановился на ступенях, и мощно втянул воздух в лёгкие. Ему давно казалось, что он может чувствовать будущее по запаху. Мальчишкой в лесу он вдруг чувствовал запах кирпича и бетона. Проходило десять лет, и, вернувшись на место, где раньше шумел лес — он находил новостройки.

Перед войной в воздухе явно пахло дымом, настоящей гарью. Перед массовыми выступлениями несколько лет назад пахло кровью. Самой настоящей. Потом он чувствовал ее вкус на губах, разбитых дубинкой омовца, и вокруг было все в крови — одежда, асфальт, витрины, машины. Во время Разгрома, когда их предавали все и во всём — в воздухе ощутимо тянуло дерьмом. Сейчас же пахло... Так пахнет безысходность. Серая тряпка, готовая порваться от ветхости — вот какой был вкус у воздуха. Марат помотал головой. Люди тоже чувствуют это. Безысходность. Каждый старается выбраться. Кто как. Некоторые — поджидая в кустах запоздавших или пьяненьких путников...

А другие — замышляя революцию. То есть понимая, что люди сделают выбор. От безысходности. И скорее всего, случится то, что называется "низы не хотят". Что выльется... понятно во что...

Эти кровавый хаос и безумную бойню придется останавливать. Им, революционерам. Потому что больше некому. Верхи то не могут...

Преобразовывать это все в новый порядок. Совершенно иной, чем тот, не справившийся "порядок", оставшийся позади. Для этого революционные ребята тоже собираются в группы, обзаводятся кличками и помещениями для сбора и тренировок. Начинают прокачивать

навыки, которые им потребуются в экстремальных условиях. И, возможно, всего один раз в жизни. В первую очередь, наработывая навык самому оставаться спокойным в бушующем море расплавленного металла раскаленных человеческих страстей. Потом — обучаясь направлять и подчинять животных, успокаивать обезумевшее людское стадо. Видеть в этом безумии товарищей, реальных и потенциальных. Понимать, что они делают, и зачем. Вовремя направлять, или наоборот, останавливать. Понимать ситуацию в мелочах, и в общем плане. Четко видеть цель. Превращать, как волшебник, любое действие — в шаг на пути. Не радоваться победам. Не горевать над неудачами, а преобразовывать их в опыт. И все это — в копилку общего дела...

Тест № 4.

В следующую долю секунды после переноса Марат выстрелил. Сработало правило на наличие опасности: сначала стреляй — потом спрашивай...

Он теперь переносился так — на одном колене, автомат наготове, щит в левой руке, обязательно на голове шлем, спина прикрыта рюкзаком, на правом колене, правом локте и плече — соответственно стальной наколенник, налокотник и плексигласовый наплечник. Оно как то надежней, если так, а не стоять остолопом на открытом пространстве...

Вокруг было шумно. Не просто шумно — стоял дикий визг из десятков женских глоток.

Еще выстрел. Огромная бело-зеленая тварь, схлопотав пулю ровно между глаз, катилась на Марата клубком дергающихся конечностей и извивающегося хвостатого тела. Марат скупым движением сам отскочил в сторону. Еще выстрел. Еще одна тварь споткнулась на бегу. Опять динозавры? Ладно, уговорили, тем более опыт уже есть...

Выстрел. Третья тварь покатила как и первая. Вокруг бегали женщины. Разные. Много. Кроме того, что они хаотично бегали, и мешали прицеливанию — они еще и визжали. Откуда они взялись — Марата пока мало интересовало.

Откуда-то сбоку тоже хлопнул выстрел. Ага, он не один, уже хорошо.

— Всем стоять! На землю! Сидеть! Лежать! Замри, — рявкнул Марат, выцеливая себе новые мишени, но в таком шуме разве кто услышит? А если услышит — то разве разберет смысл!

Нехорошо... А впереди Марат увидел еще три десятка тварей, которые спешили к месту «разборки». Здешних, которые оказались в толпе первоначально, Марату уже перестрелял, хотя некоторые успели закусить человеческим мясом.

— Все к скале! — заорал Марат что есть силы, оценив обстановку. — К скале!

Они сейчас находились в низине, окруженной высоченными скалами. Впереди, откуда неслись твари — раскинулась река. Местность, таким образом, выглядела как гигантский естественный болотистый «мешок», между горами и рекой.

«Да у них здесь яйцекладка», — сообразил Марат, а потом и увидел. Сотни, если не тысячи яиц. Которые находились в полной безопасности, под прикрытием стаи взрослых хищников и естественных природных преград. Точка переноса оказалась как раз здесь, в самом центре большого природного инкубатора... Интересно, а каковы размеры всей стаи?

— Беги к скале. Тащи других за собой, — рявкнул Марат в ухо пойманной за руку девчонке. Девушка по жизни была чудо как хороша — лет двадцать, как максимум, высокая, длинноногая. Правда сейчас перепачкана, и больше похожа на большую обезумевшую курицу...

— Туда, беги туда! — он махнул рукой к скалам, сам же продолжал стрелять, одиночными, стараясь пока только чтобы попало, чтоб затормозить стремительно приближающуюся бело-зеленую волну с розовыми пастями.

— Все к скалам! — он распихивал девиц не стесняясь, одной отвесил оплеуху, другую дернул за косу так, что та отлетела на десяток метров.

— К скалам!!!

Ага, вот и стрелок. Тоже девица-красавица, только в форме. В руках — ПМ, пистолет Макарова. Не лучший выбор на сегодня.

— Спины мне прикрой! — крикнул он, но уже поздно, налетевший ящер превратил человеческое тело в кусок изломанного мяса. Марат перевел оружие на автоматический огонь и начал отходить. Женщины, слава всем богам сразу, сообразили, что от них требуется, и рванули к скалам, но больше, видимо, не от слов Марата, а прочь, в другую сторону от накатывающей зубастой волны.

Марат менял магазин за магазином. Понимая, что еще немного — ствол перегреется, и он останется с одноручной «пукалкой». Он не стал дожидаться этого момента, перебросил автомат за плечо, и начал опустошать одну пистолетную обойму за другой.

Теперь Марату приходилось отступать куда резвее. Твари не особо обращали на него внимания, и рвались за более легкой добычей. Щит он давно бросил, не до него, тем более бежать вперед спиной не очень удобно, и в какой-то момент, стало ясно, что пора... Руки в ноги, тем более что он увидел, что все девичье «воинство» уже достигло скал, и карабкается по уступам наверх, и довольно резво.

Он снова взялся за автомат, и стрелял очередями, назад — не особо оглядываясь, хотя по бокам еще старался целиться. Женский вой чуть поутих, видно все, кто мог — уже в более-менее безопасности, наблюдают. В этот момент Марата ударило в спину так, что он покатился, автомат вырвало из рук. Потом его подкинуло вверх, он понял, что зубастая пасть держит поперек туловища, старается перекусить, хорошо, что рюкзак и броник мешают... Визг на скалах превратился рев обреченных... Нет, рано его еще хоронить...

Он яростно рванул из кобуры пистолет, успел выстрелить, но вторая пасть ухватила правую руку в полете, чуть выше налокотника, и сомкнула зубы, прямо на локтевом суставе, а потом рванулась вбок. Марат глухо вскрикнул — пистолет вместе с половиной руки остались в пасти, и он сам покатился по траве.

Да вы шутите, не может быть! Руку откусили, твари...

Вскочил, активизировал в левой руке секиру. Бой был недолгим — треть ящера отделилась от оставшихся двух третей, следующая зверюга схватила удар прямо в череп..., еще десять шагов — и вот уже спасительные камни. Летящая секира остановила еще одного ящера, и Марат, уже полностью безоружный, вскарабкался на первый валун, с него перепрыгнул на следующий, и кузнечиком, как по ступеням, понесся вверх. Достигнув относительно ровной площадки, где сейчас и скопились десятки девиц, он, не обращая на них внимания, активизировал палатку, влез в нее и уже через секунду оказался опять снаружи, волоча за собой уцелевшей рукой за ремни два автомата, и несколько подсумков.

Кривясь от боли, передернул затвор, культей аккуратно придерживая приклад — приставил его к плечу, поставил предохранитель на стрельбу одиночными. Зверье внизу бесилось от ярости, а кое-кто уже, скользя когтями по камню, умудрился подобраться совсем близко.

— Перезаряжайте мне оружие, иначе все сдохнем! — рыкнул Марат и не спеша, словно на стрельбище, с одной руки начал отстреливать бело-зеленых противников. Опустошив магазин, он взялся за следующий ствол. Опустошив этот, он обернулся, и перед ним оказалась девушка, протягивающая первый, уже перезаряженный.

— ..., затвор то кто будет дергать? Пушкин что ли? — он встал на колени, уперся дулом в камень, а прикладом в плечо — и левой рукой рванул рычаг затвора на себя.

— Вставляешь магазин — дергай потом затвор, чтобы патрон сразу в патронник..., - говорил он, не оглядываясь.

— Да-да, — послышался извиняющийся голос за спиной.

«Ну, слава тебе Кришна, толк будет».

Он уже не считал — сколько было перезарядок, остановился только тогда, когда движение внизу совсем прекратилось. Остались лишь конвульсии тех, кто не умер сразу, но этих даже добивать не будем, много чести...

Отбросив автомат в сторону, Марат поднялся с колена.

— Ничего себе, с самого начала, и такой лютый, - сказал он, оглядывая поле битвы. — Что же потом то будет?

Он обернулся, чтобы увидеть толпу перепуганных женщин. Одеты они были, мягко скажем, не по сезону. Хотя здесь было ужас как жарко — градусов тридцать, а то и тридцать пять. Но даже для такой жары у большинства одежда более чем легкомысленная. Марат сам себе на фоне кружевных и прозрачных рубашечек-маечек-топиков показался старым дедом, закутанным в тулуп. Такое впечатление, что их прямо выдернули с летней городской улицы, ориентируясь на два параметра — красоту и возраст. Все были, не смотря на грязь, испуг и кровь — высоченными длинноногими красавицами; в возрасте как минимум от шестнадцати, до тридцати — как максимум.

Просто обалдеть. «Белое солнце пустыни», только, кажется, в более жестком варианте, и без хиджабов. При этом Петруху, пусть и в женской ипостаси, местные неразумные аборигены съели изначально, прямо на глазах у новоиспеченного Сухова.

— У вас это..., рука у вас. Оторвана, — вдруг сказала девушка, которая сейчас стояла перед Маратом с заряженным автоматом в руках.

— Да, я в курсе, — буркнул Марат. — Как зовут?

— Меня? Диана, — ответила девушка.

— Диана? — хмыкнул Марат. — Это твое имя, или псевдоним?

— Имя.

— Ладно, Диана. Будешь Дианой-охотницей, моей правой рукой, — он с кривой усмешкой помотал перед ее лицом култей. Диана побледнела, судорожно сглотнула, но в обморок падать не собиралась. Отлично.

— Автомат оставь при себе, — уже командовал Марат. — Подсумок возьми, и не расставаться ни с тем, ни с другим под страхом порки. Я не шучу. Выпорю, реально, и будет очень больно... Так, женщины, кто хотя раз в жизни стрелял из автомата? — глядя в недоуменные растерянные лица он сразу поправился. — ... хотя бы из пистолета?

Робко поднялась рука.

— Отлично, — ободрительно сказал Марат. — Выходи. Имя?

— Селена, — довольно робко произнесла вторая девушка.

— Да вы издеваетесь... Ладно, у кого есть медицинское образование? Руки поднять! У кого есть образование врача или медсестры? Если я сдохну, скромность уже никому не поможет.

Поднялось не менее полутора десятков рук. Прекрасно.

— Теперь слушаем все. Меня зовут Маузер. Так ко мне и обращаться — товарищ Маузер. Теперь, все кто поднял руки, кто связан с медициной — лезьте все в палатку, — для пущей убедительности Марат указал дулом автомата на свое «убежище». — Залезайте, внутри она гораздо больше, чем кажется.

— Далее! Товарищ Диана остается снаружи с автоматом, все смотрят по сторонам, при опасности — не кричать, просто указываете ей куда стрелять. Я сейчас пришлю подкрепление, — говорил он, стараясь перекрыть непонятный гул. — Так, если есть еще

раненные — все тоже в палатку! Да залезайте, там вы все уместитесь, я не шучу... Раненные и медицинская команда лезут сюда, и не задают глупых вопросов, я, если честно, держусь из последних сила, право слово...

Оказавшись внутри, Марат первым делом полез в кладовую, сдернул простыню с ящика привратницы. Активировал ее, прикоснулся головой к голове, чтобы войти в её электронное сознание. Порядок, теперь он вроде как и там, и тут...

Сфокусировав зрение, он увидел какого то грязного молодчика, который застыл рядом с ним, с остекленевшими глазами, с порванной щекой, без руки, в промокшем от крови и грязи комбинезоне, сквозь лохмотья которого проглядывали многочисленные рваные раны.

«Ничего себе», — подумал он. А потом шагнул вперед, покрутил головой, потом руками.

— Так, — сказал он тонким женским голосом. — Пошли. Потихонечку, поддерживаем его...

Аккуратно просунул голову под мышку самому себе, ух, как непривычно конечно управлять двумя телами сразу... Слава богу, на помощь пришли сразу десятки рук.

— Держим, держим... не пытаемся нести, он весит сейчас тонну наверно..., ведем в комнату, вот сюда, прямо сюда... Кладем...

Уложив собственное тело на кровать, Марат в теле привратницы обернулся к своим помощникам.

— Что? — спросил он, а потом сообразил. — Это я, товарищ Маузер, просто управляю этим телом, оно искусственное, это андроид, на удаленном управлении...

Несколько недоуменных взглядов осталось.

Ах, да, он же голый. Точнее — «она» голая.

— Я не извращенец, а это не секс-кукла. Просто вот это, — Марат потрогал сам себя за упругую теплую грудь. — Прилагается к вот этому... — он развел руки в стороны. — Это андроид, человекоуправляемый робот с функциями привратника — встречает здесь всех, прибирается, готовит...

— Да не проблема, — сказала одна из девушек, тряхнув всклокоченной головой. — Показывай, что тут у тебя есть из инструментов и медикаментов...

— Так, у меня внизу, в тире, несколько ящичков, оборудования на полевой госпиталь хватит... За мной... Вот, берем, — попутно Марат успел схватить штаны и рубашку.

Грудь, конечно, здорово мешают, с непривычки, но сейчас не до корректировки размеров. Крайне странное ощущение, что внизу живота ничего нет.

— Руку промыть, перевязать, но не туго, у меня регенерация на высоком уровне, я не шучу, я умею регенерировать, рука скоро отрастет. Раны тоже промыть и забинтовать. Вот тут и спирт, и перекись, и иголки с нитками в ампулах, и антибиотики, и глюкоза, и еще до хрена всего, я не разбираюсь. Успокаивающего не колоть! Снотворного тоже не колоть. Обезболивающего тоже! Ни в коем случае. Понятно, товарищ Дыбенко? — он взглянул прямо в глаза всклокоченной девице.

— Я Оксана. Оксана Савельева, — спокойно объяснила та. — Понятно...

— Понятно, товарищ Маузер, — так же спокойно поправил он. И продолжил:

— Слушайте, у меня есть одна особенность, у меня крайне плохая память на имена собственные. Я запомню имя Оксана по отношению к тебе только через полгода тесного общения. Но, одновременно, мгновенно запоминаю позывные, клички, псевдонимы. Придется терпеть. У тебя теперь позывной «Дыбенко», и обращаться к тебе буду так, чтобы

не говорить каждый раз «эй, женщина». Ясно-понятно?

— Ясно, чего уж там, есть странности и похуже, — с улыбкой отозвалась новоиспеченная «Дыбенко».

Тело Маузера восстанавливалось почти сутки. Все-таки половина руки, не палец. Могло бы и быстрее, но Нечаев, пользуясь новыми возможностями — чуть подкорректировал свою фигуру, сделал выше и плотнее. Управлять «привратницей» оказалось просто, и ему удалось распределить всех по палатке, поставить лагерь, назначить караульных, объяснить им их функции, показал где еда, как менять воду, и как выливать отходы канализации, частично раздал оружие, показал как пользоваться редупликатором, и в итоге из убитых ящеров получилось очень немало копченой колбасы.

Когда он, содрав бинты, и оставшись только с полотенцем на бедрах, вышел из комнаты — установилась тишина. А потом по залу пронесся тихий вздох, сопровождаемый нервными, и довольно слышимыми сглатываниями загустевшей слюны во рту.

— Ого, — сказал кто-то.

— Да, ничего мальчик, — а это уже кажется сказала «Дыбенко», на правах опытной сиделки.

Кто-то несколько раз хлопнул в ладоши.

— Вау..., - донеслось сверху.

«Какой я вам, к бесям, мальчик?» — хотел сказать как можно грубей Марат, но сдержался.

Он принадлежал к тому типу мужчин, которые очень блекло выглядят в одежде. Это складывалось из многих недостатков — острые плечи, длинная и тонкая шея, средний рост, худощавость, привычка сутулиться каждое мгновение. Но когда одежды не оставалось, тело Марата превращалось в нечто, как он сам любил говорить с усмешкой — «демоническое». Не было ровных и гладких мышц — зато были бугры и узлы мускулов, переливающихся под смуглой кожей при каждом движении; длинный узкий торс всегда прикрыт кубиками, даже в расслабленном состоянии; вены и сухожилия переплетаются, образуя живой узор, повторить который не под силу никакому татуировщику. Острые плечи оказывались надстройками для толстых железных рук-манипуляторов, вмонтированных в них; гибкая шея напряженно поддерживала чуть склоненную упрямую голову. Сутулость превращалась в скрытую стремительность, в напряженность согнутой высококачественной стали, всегда начеку, всегда готов... Ну а прибавить к этому десятки шрамов, разной длины, степени рваности и даже расцветки — то если бы Микеланджело ваял бы своего нового Давида, (но постаревшего на двадцать лет, и после бесчисленного количества битв за плечами) — наверно за натурщика он взял бы как раз Марата.

— Так, я в душ, — сказал он громко и как можно равнодушной. — После этого собираемся на общий совет, и выработываем план действий на будущее.

Хлопнул в ладоши, выводя всех из оцепенения, причем заметил, что от этого хлопка многие вздрогнули.

— Жду всех, за исключением караульных, через двадцать минут в этом большом зале. Все занимаем места и стараемся быть культурными... вежливыми... разумными..., - он посмотрел вокруг. Женщины были везде. Перед ним, сбоку, на кухне, даже наверху на балкончиках стояли, сверкая голыми бедрами, просто ужас какой-то...

— ... и желательно более-менее одетыми, — проворчал он под конец, сдирая одно из полотенец с перил, ведущих в банную комнату.

— Слушайте сначала меня, на правах хозяина этого дома. Я не хотел здесь оказаться, как и вы. Меньше всего я хотел бы, чтоб у меня под рукой было такое воинство, как ваше. Я не хочу никого оскорбить, просто предупреждаю, что крики и истерики на тему «верни нас обратно» к положительному результату не приведут. Второе, — он оглядел присутствующих. Все, слава тебе богу, очень внимательно слушали.

— Второе, — повторил Марат. — Вы сейчас для меня, уже не обессудьте — просто куски мяса. Обычное розово-красное мясо, с кучей кишков внутри, и поверх этого — бестолковые головы. Вы для меня — адская головная боль, и я понятия не имею, как таким составом мы будем добираться до портала переноса. Все понимают, что нам надо дойти туда? Или у кого-то есть другие мысли? Нет? Хорошо... Мое задание — довести как минимум половину из вас к этой чертовой точке, и тогда смогу пройти и я... Половину. А вас здесь двести двадцать, я уже посчитал, а было двести тридцать одна, одиннадцать уже погибли... Что это означает? Это значит, что если кто-то из вас, в единичном экземпляре, сядет на попу, и скажет — это твоя задача, твоя работа — вот и давай, неси-доставляй меня — этот человек останется сидеть на попе и дожидаться своей судьбы в одиночестве. А я, вместе с более разумными, пойду дальше.

— Можно вопрос? — вдруг прозвучало в паузе. Дородная девица, с ярко рыжей прической и в микро-сарафане подняла руку.

— Отлично, — произнес Марат. — Вопросы приветствуются. И задавать их надо как раз таким образом, подняв руку, как эта девушка...

— Если мы умрем, что произойдет? — без обиняков спросила она.

Марат выждал паузу. Пусть каждый осознает ответ.

— Врать не буду. Сейчас для меня идет четвертый этап, а для вас, по всей видимости — первый. Там, в нашей реальности, я, конечно, искал таких как мы, тех кто здесь были, и не смогли пройти... то есть погибли. Некоторых — находил. А некоторых — нет. То есть тех, кого я не нашел, которые умерли тут — умерли и там, в нашей реальности. Их ищут, родители, полиция, спецслужбы — и не находят. Я лично считаю, что это не игра, и не тест даже, а это своеобразный отбор. Мы здесь как мыши в лабиринте с кошками. Кто-то прошел. Кто-то не прошел, но его вовремя вырвали из рук кошек, и отправили обратно в клетку, чуть подлечив, стерев память. Это, кстати, не сложно даже для нашей земной науки — стереть память за несколько последних часов, дней или даже недель... Но кто-то остался в желудке у кошки. Умер навсегда. Не знаю пропорцию, на мой взгляд — половина на половину. Я, по крайней мере, знаю как минимум двоих, кто погиб здесь, но вернулся, и двоих, а может уже троих — кто совсем пропал. Так что, — Марат снова выдержал паузу, — обольщаться не стоит. Если кто-то хочет вернуться домой через смерть... мы то останемся здесь еще долго, несколько недель до завершения теста, и за это время ваши тела не только разложатся, а уже станут частью этого мира. Так что шанс умереть «здесь» и воскреснуть «там», я думаю... минимальный.

Толпа, собравшаяся вокруг Марата, загудела.

— Далее, третье... — он чуть повысил голос, дождался, пока гул утихнет, и продолжал:

— Поэтому, не смотря на пункт второй, где я обозвал вас кусками мяса, относитесь я к вам буду — как к равным. Как к сестрам. Желательно — как к бойцам, потому что сестер нужно защищать, а бойцы, наоборот — могут защитить своего командира. Это так, для справки. Пока вы мало что умеете, но очень скоро, при обоюдном взаимопонимании, вы станете самыми опасными существами в обоих мирах.

Марат с удовлетворением отметил улыбки на некоторых лицах.

— Обучение мы с вами начнем прямо сейчас, и для начала я просто вам расскажу две истории. Первая история относится к китайцу, которого звали Сунь Цзы, написавшему трактат «Искусство войны». Однажды его пригласил какой-то местный властитель, типа князя, чтобы наш Сунь возглавил его армию. Но прежде князь устроил что-то типа экзамена. Он дал Суню задание сделать из своего гарема войско, за один день. Старик Цзы согласился, пришел, разбил женщин на два отряда и назначил двух командиров — самых любимых заложниц князя. Потом объяснил всем что все остальные должны исполнять простые команды. Повернутся вправо. Повернутся влево. Шаг вперед, шаг назад. Спросил — поняли ли они что требуется? Все вроде все поняли. И Сунь Цзы начал передавать команды, через командиров. Направо. Налево. Но женщины только смеялись. Тогда Сунь Цзы сказал, что раз всем все было понятно, но команды не выполняются — значит у них плохие командиры. И приказал казнить обеих фавориток. Князь, конечно, сопротивлялся, но делать нечего. Девкам отрубили головы. После этого женщины без всякого смеха выполняли любые, даже куда более сложные команды, под руководством новых командиров из своих рядов.

Марат обвел глазами всех присутствующих.

— Все ли поняли мораль первой истории?

Выждал пару секунд.

— Я не понял, неужели ни до кого не дошло? Еще раз спрашиваю — всем ли ясна мораль этой истории?

— Ясно... да ясно, — послышались слабые возгласы.

— Ладно, слушаем дальше. История номер два — это мои собственные наблюдения. Дело в том, что у тех же товарищей в Китае есть пословица: «Женщина сильнее мужчины». И я считаю это справедливым. Генерал Мак-Артур во второй мировой называл женщин — «мои лучшие солдаты». Когда монголы шли по Руси, они щадили некоторые города и представляли церкви привилегии. Но если монголы брали город — онисжигали храмы. Башни брали штурмом, дома, терема тоже, а церковь — сжигали. Нонсенс? Нет, там их ждали женщины. Узкий вход, огромная толпа. Никто сдаваться не собирается. Поп кричит с амвона — «Бей их!», и каждый, кто проникает туда — мгновенно становится трупом. Его затаптывают. Никто его один на один не вызовет, они слабы, но в этом их сила — все вместе они бьют одного без раздумий — хорошо это, или плохо, опасно, или нет... Легче сжечь церковь вместе с этими женщинами, не смотря на то, что они сами, вроде бы, и есть добыча, да и в самой церкви вроде есть чем поживится... В чем суть рассказа — если даже самые слабые действуют как единое целое, не щадя никого, не считаясь ни с чем — они побеждают даже куда более сильного противника.

Марат вздернул голову и стал чеканить слог.

— Поэтому. Кто бы вам раньше. Не говорил, что вы слабый пол. Что вы рождены не для битвы. Это все вранье. Вы — лучшие воины. Вы, все вместе, как единое целое. В одной лодке. В одной церкви. Любой, кто стоит на пути — будет повержен. Сейчас это главное. Сейчас надо поверить. В себя. В свою силу. В свою цель. В своих товарищей. И с этой верой мы выйдем, и пойдем. И дойдем. И если потр-ребуется, перепашем этот мир, до кр-ровавых соплей. Да?

Установилась тишина. Похоже, никто не ожидал такого поворота событий.

— Я что-то не понял, — прорычал Марат. — Да или нет?

— Да, — слышались первые голоса, именно как первые, еще очень дальние раскаты грома.

— Да? Да ладно... Я что-то не расслышал... Так да?!

— Да!

— Еще раз, ни хрена слышно!!

— Да! — заревел он в унисон с рычанием бешеных кошек.

— Ну вот уже гораздо лучше, — сказал он спокойно. — Сейчас будем ужинать и получать-подгонять амуницию...

Поначалу ситуация казалась безвыходной. Нет, Марат абсолютно не сомневался в решительности и надежности женщин, которые оказались рядом с ним. Он и по опыту знал, что женское общество в результате стресса мгновенно спланивается вокруг лидера.

Становится этим лидером, как обычно — самый-самый из находящихся мужчин. Женщины же преображаются в настоящих валькирий, они готовы защищать избранника как кошки котенка, как злобные и мстительные фурии сметают все на пути, не дадут и слова сказать против своего «главы». Хотя он, может — вообще ни разу не лидер.

Сейчас, уже через трое суток после начала тестирования, Марат понимал — они уже одна команда. Никакого соперничества, чуть ли не слепое подчинение, каждое его слово ловится и усваивается на уровне инстинктов. Но, черт возьми, это настоящий гарем. Из нежных и крайне красивых барышень, можно сказать что из сливок общества.

Нет, они прекрасно разбираются в технике. Замечательно умеют нянчить детей. Водят машины. Начитаны и понимают в кулинарии, в медицине, в компьютерах и даже международной обстановке. У некоторых есть даже спортивные разряды и почти все посещали спортзалы.

Но вот приставить винтовку нормально прикладом к плечу — умеет одна из пяти. Передергивание затвора и смена магазина сносно получается в такой же пропорции. С пистолетами, кстати, особенно с магазинными, у всех неплохо. Удар щитом у большинства — вполне сносный. Правда, если противник сильнее — удар щитом может обернуться тем, что девушка падает на спину. Ну вот так устроен у нее опорно-двигательный аппарат, что при внезапной потери сознания мужчина всегда валится головой вперед, а женщина на спину. Эволюция постаралась, а против нее — не попрешь. Значит — щиты в сторону, не наш случай...

Эх, сюда бы вместо этого длинноногого и длинноволосого воинства — всего одну Люгер! Да все эти красавицы вместе, даже помноженные надвое — и мизинца ее не стоят. Но... придется обходиться чем есть.

Он разбил девушек на отряды по десять человек, назначил командиров. По принципу маршала Жукова. Проходил перед строем очередной десятки, внимательно смотрел на каждую, заглядывал в глаза. Проходил еще раз, что-то бормотал, ворчал, желательно одобрителное, но неразборчивое, что-то типа: «Нормально... нормально... могло быть и хуже...». Потом отходил, и тыкал пальцем, практически в первую попавшуюся. Главное — чтоб смотрела прямо и смело.

— Ты.

По опыту Марат знал, что командир, назначенный таким образом, перед строем, и более опытным человеком, которому все доверяют — становится представителем этого

человека. Этаким избранным, которому оказано величайшее доверие. И уж избранный (в данном случае — избранная) постарается это доверие оправдать. Даже если не способна — будет стараться изо всех сил. Остальные примут его или её выделение и последующие старания — как само собой разумеющееся.

— Теперь вы «семнадцатые», — говорил дальше товарищ Маузер. — Потому что ваш десяток — семнадцатый. Это ваш командир, товарищ «Ольха», — он указывал рукой на выбранную жуковским методом девушку.

— Почему Ольха? — вскрикивала та.

— Слушайте все еще раз, у меня есть одна особенность... — он движением руки прерывал попытку остановить его, и продолжал дальше, повторяя который раз слово в слово:

— У меня крайне плохая память на имена собственные. Я запомню твое имя по отношению к тебе только через полгода тесного общения. Но, одновременно, мгновенно запоминаю позывные, клички, псевдонимы. Придется терпеть. У тебя теперь позывной «Ольха», и обращаться к тебе буду так, чтобы не говорить каждый раз «эй, женщина, как там тебя...». Ясно?

После этого устанавливалась тишина. Эти фразы Марат выучил уже наизусть, и повторял их последние дни постоянно. Правда, именно после семнадцатого десятка вопросы почему прекратились. У всего есть свой предел...

Марат, после очень долгих раздумий и коротких совещаний с командирами десятков в итоге остановился на том, что придется обучать их владением только одним оружием. Пистолет, Глок 19 с приставкой «С», то есть который с дульным компенсатором, под стандартный девятимиллиметровый патрон. У Марата таких было аж пять ящиков, то есть сто штук. И, благодаря редуцирующему блоку — почти бесконечное количество боеприпасов. С помощью блока же решил вопрос недостатка стволов. Марат просто брал оставшиеся «бесхозные» пистолеты других марок, укладывал их в отдел-приемник, и через минуту получал новый Глок. А вот если бы он решил их вооружить «калашами» — проблема усложнилась бы неимоверно.

— Каждое утро начинается с пробежки, — говорил Марат перед строем. — С утра вы бежите длинную дистанцию. Днем вы бежите короткие дистанции. Перед ужином вы бежите с препятствиями или утяжелением. И вы постоянно будете стрелять. Пробегая мимо мишеней. Лежа, с колена, в строю, отступая, нападая — вы стреляете. Настоящими патронами, настоящими пулями. Слава богу, у этого пистолета автоматические предохранители, и отстрелить себе яйца вы не сможете. Тем более у вас их пока и нет.

Обрывая жестом назревающие смешки, Марат продолжал:

— Вы встаете с оружием. Вы едите с оружием. Даже умываться вы будете одной лапкой, как кошки, а в другой будете держать ствол. С левой руки вы будете стрелять также метко, как и с правой. Два дня мы, считай... потеряли. Эти семь дней вы будете бегать и стрелять. На десятый день как мы здесь, и это проверено многочисленными теоретиками и практиками — подразделение набирает максимальный пик формы. Тогда мы двинемся в путь, и преодолеем за две недели триста километров. Это не так просто, даже налегке. Поэтому сейчас... Всем! Разобрать оружие и амуницию, — Марат указал на брезент за собой, на котором лежали пистолеты в кобурах на поясных ремнях.

После десяти минут веселого беспорядка, женщины опять выстроились в неровную полумесячную шеренгу. Марат поднял руку, призывая к вниманию.

— Слушать меня! Целый круг вокруг этого инкубатора! Кто вздумает отлынивать —

получит настоящий, полноценный пинок по своей жирной, или тощей жопе! За мной бегом, марш!

Через полчаса он снова командовал:

— Первый, десятый и двадцатый десятки сегодня будут копать сортиры. Это обычные ямы, над ними необходимо будет поставить шалаши, я покажу как... Лопаты — вот здесь! Второй, двенадцатый и двадцать второй десятки — делают вон из тех деревьев, — Марат указал рукой, из которых именно. — ...делают чурбаки, как для дров, но немного короче. Пилы и топоры я выдам. Чурбаки вечером должны быть вот здесь! — Марат топнул ногой.

— Третий, четвертый и тринадцатый десятки — в палатку, на кухню, готовить всем жрать обед. А также — ужин. Четвертый, пятый и четырнадцатый! Готовятся завтра всех кормить завтраком, обедом и ужином. Остальные! Сейчас займутся сбором останков, и закопаем их подальше... После похорон остальные собираются вон у тех у камней, и начинаем огневую подготовку.

Уже на второй день целенаправленных тренировок все было гораздо проще. А на третий он практически не повышал голос. Правда, пару поджопников ему все таки пришлось выдать. По лицам окружающих понял — да, больно... поучительно, но не обидно. Никто не отлынивал, особенно от стрельбы. Выявился десяток способных очень прилично стрелять из винтовок. У них Марат оставил для пистолета только одну дополнительную обойму (остальные носили десяток) и раздал снайперские винтовки, кому какая приглянулась. Большинство, конечно, выбрали малый калибр 5,56 или 5,45, но четверо взяли трехлинейные пушки, а одна, с позывным «товарищ Штанга» (которая в прошлом была реальным кандидатом в мастера спорта по тяжелой атлетике) — выбрала аж полудюймовый десятизарядный Баррет. Марат только крикнул с одобрением.

Самое интересное — у большинства пришлось забрать обратно кобуру. Оказалось, что самое быстрое время выхвата оружия у женщин достигается, если они достают его из обычной дамской сумочки, перекинутой через плечо. Феномен? Вряд ли, скорее многолетняя привычка. Любая кобура — на поясе, на груди, под мышкой, открытая, с зажимом... абсолютно любая — пасовала перед раскрытой дамской сумочкой на боку. Доля секунды, даже не десятая, а тысячная, одно-единственное легкое, монолитное движение — и вот уже стрелок с накрашенными губами, изящно откинув прядь волос назад выпускает пулю за пулей в мишень.

Марат думал, что с волосами будет проблема. Дело в том, что большинство его «курсантов» прически носили как минимум до плеч, а некоторые и до пояса. На третий день обучения, после обеда он вновь собрал всех в строй, который называл ВВМ — «Все вокруг меня», зная, что это самый удобный формат общения с бойцами, не важно опытные они, или совсем еще зеленые.

Начал издавека:

— Бойцы, все ли видели у меня привратницу, в теле которой я разгуливал перед вами, пока рука отрастала? Все ли обратили внимание на нее? Да-да, персонаж из древнейшей, но до сих пор известной молодежной сопледавилки. Вампирша Элис Каллен в исполнении актрисы Эшли Грин. Как думаете, почему она именно такая? Почему я выбрал для нее такую внешность? Желтые глаза, аккуратный носик, изящество в каждой черте? — девушки вокруг снова улыбались. Все-таки нравилось Марату когда они улыбаются — что все вместе, что каждая по отдельности.

— Классные сиськи? — подсказал вдруг кто-то.

— Нет, я выбрал такой образ из-за ее прически, — продолжал Марат не замечая шутки. — Волосы не длинней четырех пальцев, — он продемонстрировал на себе, сколько это. И пояснял дальше:

— До бровей пусть дотягиваются. Дальше — ни в коем случае. Рассказать вам парочку историй, как раньше в древности мужчины проигрывали бои, битвы и даже войны? Когда военачальник бородой или косой до смерти запутывался в лесу во время атаки? Итак...

Он ожидал беспокойства, и даже недовольства, а может быть и истерик после этих слов, уже вроде понятно, куда он ведет, но вокруг царило каменное сосредоточенное молчание.

— Итак, — повторил он. — У меня есть ножницы. Есть бритвы. Есть хорошие ножи. Вот они, в этом свертке. Ровно через три часа жду всех, аккуратно подстриженных, для проверки, здесь, на этом же месте. Обнаружу, у кого волосы лезут в глаза, хоть с макушки, хоть с висков — тот будет подстрижен мной собственноручно, ножом, уж как получится, и я не шучу.

— А совсем «налысо» можно? — вдруг спросила одна из седьмого десятка.

— Это было бы идеально. Были бы вы мужиками, так бы и ходили все лысые, — проворчал Марат. — Задание ясно?

— Ясно, — ответил дружный хор голосов.

— Выполняйте.

— Товарищ Маузер, можно присесть рядом с вами?

Марат сидел в позе лотоса, и сосредоточенно наблюдал за черным шаром, парящим около его лица.

— Давай, — разрешил он, не отвлекаясь от своего занятия. — Что случилось, товарищ Дыбенко?

— Классно придумано, — ответила она. — Манипулятор вы знатный.

— Не «вы», а «ты». Я тебе не господин, ты мне не слуга. Хочешь проявить уважение — просто добавляй слово «товарищ»... Почему манипулятор? — спросил отстранено Марат.

— Сначала сказали всем: смотрите, какие мне девочки нравятся, вот с такими прическами. Теперь сделайте себе так, для дела. И порадуете старика, и попробуете мне понравиться, — сказала Дыбенко, специально копируя его интонации.

— Я не думал об этом, — сказал Марат, продолжая гипнотизировать черный шар.

— Что вы делаете? — спросила она и быстро поправилась. — Что ты делаешь?

Марат сначала не хотел отвечать, но потом, взвесив, решил рассказать:

— Для меня это четвертый Тест. Первые два были очень тяжелые. Пришлось много... ну в общем много чего делать... А третий был совсем легкий. Я оказался в круге переноса, а от него шло много дорог. Одна дорога вела вроде как к египетским пирамидам... по крайней мере они выглядели так. Была дорога в современный мегаполис, с настоящими небоскребами. Еще одна к рыцарскому замку. Там даже дорога в лес была. Много разных. Это была как загадка. Мне так кажется. В общем, я выбрал дорогу в будущее, там были такие дома, что сразу становилось понятно — это будущее. У меня был всего час, чтобы пойти только по одной из этих дорог. Я пошел, точнее — побежал, а бегаю я сейчас быстро. И там я нашел вот это, — Марат кивнул на шар, повисший перед ним.

— Я не совсем понимаю как эта штука вообще может существовать, пытался взвесить ее массу, но любые весы ломаются. Тем не менее он летает. У меня, понимаешь, умение такое — я вроде как могу управлять темной энергией. А он вроде как из темной материи, и управляется этой самой энергией. И вот сижу, пытаюсь...

— Темная материя, — рассмеялась Дыбенко. — Как интересно.

— Вообще наша Вселенная на девяносто пять процентов состоит из темной материи и энергии. И только на пять процентов, получается, из светлой. Ты не знала?

Марат оторвался от созерцания своей находки, и посмотрел на женщину. Она без всякого смущения встретила его взгляд. Марат же смотрел только на ее прическу. От встрепанных волос остался только хохолок, сейчас аккуратно причесанный, а виски же были выбриты наголо, можно сказать — до блеска.

— Ну, похожа я на Эшли Грин, в образе Элис Каллен? — спросила она внезапно.

— У тебя глаза голубые, — как можно более равнодушно заметил Марат. — Прическа, кстати, вышла отличная. Если и похожа, то на Кристи Мак.

Дыбенко некоторое время в недоумении молчала, а потом рассмеялась.

— Ну ничего себе, — сказала она. — Кристи Мак? Вот уж не думала что ты знаешь порноактис по именам.

— Почему?

— Ну ты весь такой прямо правильный. Прямо идеал, мужчина-защитник, спокойный, сильный, уверенный... когда придет время — смертоносный и беспощадный... И порно — это совсем не твое...

— Спасибо за комплименты, — поблагодарил Марат. — Говоришь, защитник? Ладно, посмотрим в роли нападающего. Собери всех, кто дурью мается, у основного стрельбища. Через десять минут.

Марат вышел из палатки, находясь в теле привратницы. Элис Каллен больше не была обнаженной — Марат после казуса хранил ее в кладовке уже одетой. Выбрал меч из запасников холодного оружия, и пошел к толпе своих курсанток. Всего на импровизированном стрельбище сейчас находились... почти все, за исключением десятков, работавших на кухне и, естественно, караульных.

— Сейчас мы выясним, чему вы научились за три дня. Вы почти непрерывно стреляете, каждая из вас за день расходует как минимум десять полных обойм, — громко сказал Маузер сильным женским голосом, ни к кому конкретно не обращаясь.

Именно поэтому, из-за большого расхода боеприпасов, основное стрельбище находилось около почти вертикальной скальной гряды — пули хоть и плющились о камень, но редуцирующий блок потом быстро превращал их обратно в патроны. Гильзы тоже собирались вечером дежурным десятком, и тоже участвовали в этом процессе. Конечно, блок мог делать «грибочки» хоть и из воздуха, но это занимало куда больше времени.

— Я сейчас надену шлем и бронежилет, хотя можете поверить, этому телу даже десяток попаданий в голову — не сильная помеха. Кто хочет пострелять по движущейся мишени? Никто? Тогда девятый десяток, к барьеру! Дистанция пятьдесят метров! Постарайтесь в меня попасть! — повысил он голос, подавляя нарастающий шум.

Марат в женском теле отошел к мишеням. Несколько раз присел, как будто разминая ноги. Поправил грудь под лифчиком.

— Меня слышно? — крикнул он.

— Слышно. Хорошо слышно! — ответило несколько голосов.

— Оружие пока спрятать! По счету «три» выхватываем, и открываем огонь!

Он надел шлем, и поднял меч над головой.

— Раз! — припал на одно колено.

— Два! — напряг тело...

— Три! — Марат рванул с места на пределах возможности. Штука, в которой он находился, по сравнению с человеческим телом могла выдерживать нагрузки куда более серьезные. Трава под ногами, обступившие горы, далекая отсюда река, небо — все слилось в одно пятно. Марат успел несколько раз поменять направление, кувырнуться, потом — сальто вперед, хотя чуть переборщил, оторвался наверно над землей метров на пять вверх, приземлился, и снова покатился... Толкнул одну, вторую, сшиб третью, задел рукой четвертую, от широкой подсечки летят кеглями аж двое, еще толчок, плашмя клинком по пистолету...

— Стоп! — выкрикнул он, и остановился сам.

Вокруг него стояли женщины. Часть из них — лежали, в разнообразных позах, приходя в себя от жесткого столкновения.

— Ну вот что, бойцы, — начал Марат тяжело и с нарастающим гневом, при этом срываясь в фальцет. — Я пробежал пятьдесят метров, по открытой поверхности. У вас было целых пять секунд. Вы, всем десятком, успели выстрелить всего девять раз, то есть некоторые вообще не стреляли. Из девяти раз вы не попали ни разу. Хотя я специально вышел в этом теле, чтобы вы не боялись продырявить единственного в отряде мужчину. Все кто лежит — покойники. Я сейчас разговариваю с мертвецами. И это, — он ткнул себя

пальцем в грудь, — не самая страшная опасность здесь. Здесь могут возникнуть ситуации, когда ты один, а на тебя двигается десять противников типа меня. И не с пятидесяти метров, а с десяти. Вопросы есть?

— Вопросов нет, — сказал Марат как можно внушительней, насколько позволял женский голос. — Теперь заходим с другой стороны. Одиннадцатые, то есть одиннадцатый десяток! Взять в руку шарик, и поскакали к мишеням.

Надувных детских шариков, после посещения палатки Сабриной, у Марата тоже скопилось в избытке. А редупликатор делал новые партии по сто шпук за секунды.

— Что, зачем?

— Разговорчики! — повысил голос Марат. — Одиннадцатый десяток, взяли в руки шарик, идем к мишеням, на счет "три" бежим обратно. Постарайтесь эти чертовы шарик держать подальше от себя.

— Это слишком жестко! — сказала из толпы товарищ "Штанга", сообразив что задумал их командир.

— Нормально, — буркнул Марат, а потом выкрикнул: — Приготовились! Раз...! Два!!! Три!!!

Одновременно он выхватил пистолет из кобуры, и отступая с каждым выстрелом на один шаг назад, сделал десять выстрелов, после чего медленно спрятал оружие обратно, демонстративно щелкнув кнопкой-застежкой. Через несколько секунд на подгибающихся ногах подошли "живые мишени". Некоторые из них были белее снега, а одна (как показалась Марату) — так и вообще слегка расслабилась со страху.

— Это слишком жестко, — еще раз мрачно повторила Штанга и многие кивнули ей в знак согласия.

— Жестко? — спросил Марат. — Это — не жестко. Это — нормально. Жестко будет вон там, — он указал рукой за реку, и теперь многие посмотрели туда с тревогой.

— Вот там будет настоящий жесткач, — продолжал Марат. — И я не собираюсь после каждой мелкой стычки хоронить никого, ни единого человека. Это ясно? А вот то что вы сейчас видели — будет вашим экзаменом. Каждый должен будет научиться попадать в движущуюся живую мишень, только вместо шарика у вашей мишени будет пуленепробиваемый щит, шлем, бронежилет и наколенники. Каждая побывает такой мишенью. Каждая будет способна встать, и побежать под обстрелом. Но не как заяц. А уклоняясь от огня, не теряя головы и не пачкая штанов. Каждая должна остановить одним магазином даже десять набегающих противников. Ясно? Я не понимаю, кому ещё не ясно?

— Ясно, да яснее ясного, — послышался хор голосов.

— Еще раз! Не слышу, всем ясно? — рявкнул он так, как ему позволяли оболочка и голос киношной "вампириши".

— Так точно. Все ясно, товарищ Маузер!

— Продолжаем тренировки! — подвел итог Марат.

С самого утра Нечаев испытывал странное чувство. Тело чесалось, лоб морщился, все не так, и все не эдак. Он запустил по периметру октокоптер, осмотрелся вокруг. В радиусе двадцати километров — никого. Девчонки исправно гоняли по полигонам, стреляли и на большом стрельбище, и на малом, и на полосе препятствий отрабатывали пока еще зачаточное мастерство. Но что-то было не так, а Марат привык доверять своим чувствам, они не раз его выручали.

— Усилить патрули и караульных, — приказал он. Еще раз посмотрел с октокоптера по

сторонам. Только вдали — огромное стадо больших динозавров, причем травоядных, безопасных.

Стоп.

Откуда это стадо? Почему там разные виды? Вперемешку гиганты с длинными шеями, и шипоголовые, и с гребнями где только можно. Идут они ровно к инкубатору...

— Боевая тревога, — сказал Марат спокойно и тихо, ни к кому особо не обращаясь. — Всем собраться. Занять позиции на скалах. Подготовить пулеметы. У нас гости, примерно часа через четыре.

Марат послал октокоптер ментальным приказом поближе к стаду. Да, точно, к гнездовью с яйцами возвращаются охотники. Они не несут мясо. Они его гонят, живьем. Здесь, за рекой, в болоте между скалами их встретят... точнее — должны были встретить — няньки, ослабевшие, старые или слишком молодые особи. Примерно через три-четыре часа здесь должен начаться кровавый пир. И он начнется...

Марат приказал своему летательному аппарату снизиться до пятидесяти метров. Теперь видны подробности. Стадо состояло из нескольких сотен травоядных, и двигалось к месту бойни не сильно спеша, даже кое-где пощипывая травку. А вот пастухи... мда, это были не те недоразвитые, которых Марат отгеноцидил в одиночку. Не три-четыре, а все пять, а то и семь метров в высоту, жилистые, проворные хищники. Действовали они как будто осознанно, одной командой, что, конечно, настораживало. Интересно, они нападут до, или после реки? Скорее всего «после» — то есть мясо должно пересечь реку, и войти в болотистое ущелье, откуда уже не разбежишься. Яйцекладки наверняка не пострадают — уж эволюция наверняка позаботилась, что травоядные даже при сильном желании не будут топтать ничьи яйца.

Кстати, было интересно посмотреть на вылупляющихся динозавриков. Несколько часов они лежали, словно отдыхали, а потом очень неуверенно начинали ходить, и потом, быстро, уже через сутки — бегать. Размером они были с хорошую курицу. Яйца не трогали, как и только что вылупившихся братьев-сестер... А вот друг друга, тех кому исполнился хотя бы один день — еще как трогали. Дрались до смерти, и пожирали проигравших. Хорошенький такой механизм естественного отбора — каждое новое поколение все круче и круче, остаются только сильнейшие. При этом регулируется численность популяции, и гарантируется близкородственная еда на время отсутствия загонщиков-охотников. Как только мясо прибывает — провизии будет столько, что хватит, наверно, на месяц, если не больше, часть можно утопить в болоте. Марат видел множество костей там, под водой, и поначалу подумал что здешние хищники кормятся исключительно трупами, которые приносит река. Ведь сожрано всё — вокруг полное отсутствие животных размером больше кролика, в радиусе тридцати километров. Но оказалось немножечко сложнее... и организованней. Причем этих семиметровых тварей будет очень непросто завалить из одноручных "пукалок".

— Стреляем прицелившись! Бережем патроны! Только в голову! Тело свинцом не надо шпиговать! Пули в мясо застрянут, и никакого особенно вреда не принесут... Резвей! Шевелись, товарищи бойцы! Разобрать сектора обстрела! Обозначить кто кого прикрывает перекрестным огнем! — давал Марат последние распоряжения.

Стадо уже видно. Пора и ему вооружаться. Марат занял место на переднем краю, на невысоком утесе, положил рядом гранатомет, а к пояснице пристегнул самый настоящий "Миниган". Стреляло это шестиствольное тридцатикилограммовое чудовище винтовочными

патронами от "трехлинейки". Отдача была такая, что если бы не вес Марата (который сейчас достигал почти тонну, и было очень неприятно при таком весе в начале почувствовать себя бараном в пасти волка), и умение левитации — то его бы снесло как пушинку, при первом же касании спусковой кнопки. Аккумуляторы полностью заряжены, теперь упрямся правой ногой в них... Первые жертвы уже вошли в воду... Сколько мяса, блин. Надо их подпустить поближе. Пусть девчонки прочувствуют жалкость и ущербность своих пистолетов по сравнению с этой первобытной мощью. Надо привыкать... бить в голову... на раз...

— Беглый огонь! — рявкнул Марат.

— Товарищ Маузер, нам нужны пушки потяжелее, — басом сказала Штанга, останавливаясь рядом с Маратом. Огромный «Баррет» она повесила на ремень на шею, и сейчас, в своей тельняшке, походила на заправского десантника после марш-броска — уставшая, грязная и мрачная. За плечами «Штанги» толпились Дыбенко, Диана, Ольга, Дубова и десяток других, как на подбор — все на голову выше Марата, страшно даже представить как они на каблуках выглядят. Последнее время эта банда сплотилась, и вела себя так, как будто взяли шефство над своим командиром. Оно и понятно, рядом с лидером неизменно появляются лидеры меньшего уровня, сами перехватывают часть управления, как минимум следят за порядком, и не подпускают чересчур докучливых и навязчивых...

— Тихо, граждане, Чапай думать будет, — в тон Дыбенко отозвался Марат.

— Видите ли, друзья мои товарищи, пушек у меня много, да вот беда — все они разные, — продолжал он, говоря больше сам себе. — Чтоб вас всех обучить, за что там каждая фигнюлька отвечает — пятилетка потребуется. Хотя, как показывают события, дело швах, и тут уж не до финтифлюшек, только успевай на курок нажимать.

— Ну-ка, девочки, пойдёмте глянем на мой арсенал повнимательней. Хоть там у меня почти все в единичном экземпляре, но пяток однотипных есть.

— Товарищ Маузер, стойте, — вдруг произнесла Штанга странным тоном.

— Что? — насторожился он.

— У вас... у тебя слова над головой..., - сглотнула слюну Штанга, — надпись какую-то видно.

— Слова? — он внимательно посмотрел на девушку. — Надпись?

Действительно, слова... Над головой у Штанги тоже висела синяя надпись, едва видимая, но вполне различимая. И теперь это был не набор черточек-палочек-кружочков, а нормальная кириллица, русские буквы.

— Стрелок Штанга, — прочитал он. — Третий уровень.

Ё-мае...

— Что там у меня? — спросил он с тревогой.

— Революционер. Маузер, — отрывисто произнесла девушка. — Восемьдесят третий уровень.

— Чего? — не поверил он. — Восемьдесят какой?

— Третий, — уверенно подтвердила Штанга.

— А ну-ка, девочки, все вокруг меня, — приказал Марат. — Всем общий сбор.

Кроме Штанги уровни получили еще девятнадцать человек. В основном — второй. Только у Штанги третий, а еще у одной девочки так и вообще — четвертый. У нее специализация была «снайпер». То есть у Штанги и еще у пятерых — «стрелок», у шестерых — «воин», а у этой, над которой висело сообщение что она: Вер-ба — специализация «снайпер». Еще были по одной: дипломат, оруженосец, берсерк, мясник, бретёр, убийца и...

волшебница.

Марат присмотрелся к надписи над головой последней, и буквы вдруг расширились, появились новые слова, как будто контекстная ссылка выскочила.

— Волшебница, — прочитал он. — Лютик. Второй уровень. Человек наделенный даром управления материи или энергии, — продолжал он читать дальше, — превышающим возможности текущего уровня науки и цивилизации. Развитый волшебник легко оперирует выбранной материей или энергией, заставляя их подчиняться своему разуму, и принимать различные формы воплощения. Боевой волшебник иногда бывает опасным противником, хотя ограничен своей классовой спецификацией и необходимостью подготовки действия. Дар не передается третьим лицам и не модифицируется. Ранг средней опасности класса — третий, умеренно опасный.

Он постоял, переваривая информацию.

— Так, — сказал спокойно. — Товарищ Лютик, можешь прочитать что там у меня над головой в расширенном варианте?

Девушка сначала всмотрелась, потом потупила взгляд, и отрицательно покачала головой.

— Я вижу, — подала голос Вер-ба. Это имя так и висело у ней — через тире.

— Читай, — сказал Марат.

— Революционер Маузер, — громко сказала снайперша. — Восемьдесят третий уровень. Революционер способен производить коренные изменения в любой среде. Его невозможно победить, но сам он видит пути к победе. Внеклассовый тип, не имеет никаких классовых ограничений. При равном развитии навыка, возможности революционера в несколько раз превышают аналогичные возможности идентичного, равного по уровню персонажа любого класса. В том числе чрезвычайно опасных или профессиональных классов. Полная адаптация. Способен изменять настоящее и будущее. Может напрямую и косвенно влиять на массы, как существ, так и событий. Ранг опасности — вне категории. Характеризуется как необычайно и чрезвычайно опасный. Там еще про первичную специализацию есть... Читать?

— Читай.

— Первичная специализация — темная энергия и материя.

— Ну это я и сам знаю, — с какой-то долей облегчения произнес Марат. — Всё?

— Да, это все. То что можно прочитать, — отозвалась Вер-ба. — Еще какая то куча нечитабельных закорючек, я сначала подумала что это украшения какие-то.

— Ладно, — отозвался Марат. — Спасибо, товарищ Вер-ба. Понял. Так, теперь, товарищи бойцы, говорю что дальше... Ничего страшного не произошло. Закапывать всех этих чудищ мы не будем, завтра выдвигаемся в поход. Всем пополнить боезапас, проверить оружие, кому требуется — получить дополнительное. Товарищ Штанга выдвинула дельную мысль, что нам все-таки требуется огневая мощь побольше. Мы, чтоб эту орду остановить, израсходовали как минимум тридцать, а то и сорок тысяч патронов, хорошо что у нас хоть с этим нет проблем. Всем подогнать амуницию, бронежилеты, проверить обувь, рюкзаки. Двигаемся таким порядком — половина десятков идут со мной, несем на носилках палатку, в которой будут все остальные. Нечего зря ноги топтать, они у нас не казенные. После обеда десятки меняются — кто-то топает, кто-то отдыхает. Сейчас бойцы первого, второго и третьего десятков собирают гильзы. Четвертый и двенадцатый — по графику в дозор. Пятый и шестой вместе с десятком Штанги — постараются освежевать то, что мы тут настреляли,

попробуем на вкус, сделаем тушенки. Делать тушенку, строганину и солить будут семнадцатый, восемнадцатый и девятнадцатый десятки. Остальные — занимаемся по графику. Кому требуется — подходим ко мне, выбираем пушку поздоровей. Задачи ясны?

— Так точно, — грянул стройный отзвук. Все-таки прониклись, увидели почем фунт лиха, отношение теперь более чем серьезное. Наверняка многие представили, что могло случиться, если бы это стадо с пастухами встретилось им в чистом поле. Некоторые ящеры и после сотни попаданий чувствовали себя вполне живыми. Не будь Минигана, неизвестно чем бы тут все закончилось... Кровь и опасность быстро воспитывают чувство локтя и железную дисциплину среди слабых.

— Выполняем! — рявкнул Марат. — Разошлись!

Следующую неделю, все семь дней, Марат со своим женским войском удивительно спокойно шел по равнине. Никаких особых приключений не происходило, пару раз девчонки открывали огонь по волкам, которые шастали здесь в чрезвычайном удалении от любой возможной опасности — и, естественно, не попали. Колонна из одиннадцати десятков шла до обеда, потом делали длинный привал, на которых «утренние» десятки менялись местами с «вечерними», залезали в палатку и остаток дня проводили в безделье со всеми удобствами. Палатка находилась в самом центре колонны, на носилках, которые тащили четверо. Марат не гнал, не пытался ускорить шаг, делали в среднем за день двадцать, максимум двадцать пять километров. Серьезных препятствий не попадалось. Везде зачехленная степь с мелкой травой, видимость — до горизонта. Как ни странно — девушки быстро освоились с тяжелыми винтовками и автоматами, а у многих появилась привычка осматривать многочисленные достопримечательности через оптический прицел.

Вечером два десятка попарно уходили в дозор. Относились к этому строго, и вообще ходили везде только и исключительно парами. Конечно, степь — это прекрасно, но мало кому хочется удобрить ее собственным телом. Марат обычно шел позади колонны, выдавая с утра только азимут и строго наблюдая, чтобы авангард его придерживался. Ночевать он продолжал отдельно от всех, в одной из гостевых комнат, два-три раза за ночь выходил проверять караулы.

Конечно, девицы были юны и красивы, просто удивительно где хоть столько набрали... Может раньше они могли всю ночь плясать, резвиться и заниматься амурными делами до утра, но сейчас караульные даже после трех часов дозора начинали клевать своими носиками... Еще причиняло некоторое неудобство, что туалет и банные помещения постоянно заняты, а некоторые из его «солдаток» ходили по палатке даже не в neglige, а почти полностью обнаженными. Ну натурально солдаты в казарме — голый торс и штаны. И штаны еще — это лучший случай. Обычно — короткие шорты. Или вообще трусы, причем — прозрачные. Девки, в считанные минуты в первый же день освоив редупликатор, без всякого стеснения копировали друг у друга самые изощренные варианты нижнего белья, одежды, а также косметики. Жара под тридцать пять сохранялась, а кондиционером Марат как-то не озаботился. Да и "лифчик натирает" — объясняли некоторые.

— Чего хоть там вам натирать? — бурчал он. — Трусы то не жмут, не...?

Но дальше ворчания дело не заходило. Насильно никого одеваться не заставлял. Посмотреть было на что, и реально приятно, доверие все-таки.

В тот день они шли обычным темпом, впереди, в десяти километрах начинался лес. Пока его отсюда не видно, но октокоптер висел сейчас как раз над деревьями, и глазами Марата внимательно изучал — что под ним. С одной стороны — лес как лес, а с другой — ох как не нравится. В лесу ведь за пятьдесят метров не видно ничего, особенно в таком, с большими, редко стоящими деревьями, и буйным подлеском. В этом подлеске не то что сотня — десять тысяч потеряются, и на заметят как их вырежут, подчистую.

— А ты и по жизни революционер? — задала вопрос Дыбенко, которая шла рядом.

Марат оторвался ментальным взглядом от октокоптера, оставил его висеть над лесом в ста метрах от верхушек деревьев.

— Ну да, — сказал он словно нехотя.

— А как это?

Марат усмехнулся:

— Да никак. Вот у нас товарищ Лютик волшебница, берет значит волшебную палочку

— и все готово.

— Я серьезно...

— Я вообще то тоже. Революционер — человек который желает и исполняет коренные преобразования в природе, науке и обществе. Ты вот наверно думаешь что быть революционером плохо.

Дыбенко ничего не ответила.

— А я вот думаю — хорошо. Особенно здесь, — Марат окинул степь взглядом. — Да и там. Вот кто у нас был революционером, можешь назвать?

— Наверно Ленин... ну и... Фидель Кастро...

— Наверно, — передразнил Марат. — Ну а Коперник? Он был революционером? Давай, смелее...

— Был, скорее всего, — отозвалась девица.

— А Дмитрий Донской? Вот было монгольское иго, власть номинально принадлежала монгольским ханам, налоговая система работала на монгол, князья ездили за ярлыком. И тут вдруг находится человек, и говорит — надо менять систему. Всю жизнь посвящает, чтобы ее сменить. Он — революционер? Или реформатор? Или может вообще патриот монгольской Орды, хотел ее усовершенствовать?

— Просто реально впервые в жизни вижу человека, который... Ну в общем...

— Который хочет что-то поменять, причем коренным образом, — продолжил Марат. — Ну да, это про нас.

— А я бы вот хотела быть революционером, — одна из девушек чуть отстала от колонны, заинтересовавшись их разговором. — Это трудно?

— Я первую листовку написал в пять лет, — рассмеялся Марат. — В трех экземплярах, от руки. Протестовал против вырубания рощи, в которой мы пацанами играли, теперь там дома и школа, а тогда были березы. Пошел в четыре часа утра, на улице холодрыга, раннее утро, родители спят... Все так начинают.

— Как? — заинтересованно спросила барышня.

— Переступают через себя, — ответил Марат. — Тебе оно надо? Нет, и так можно прожить. Однако сопли намотал на кулак, встал, отряхнулся, и в бой.

— А я так смогу?

— Все смогут, если захотят, — философски отозвался Марат. — Вот послушай меня. Я дам тебе просто основу. Кто такой революционер? Это человек, который пытается привнести что-то новое и для этого ему приходится уничтожать что-то старое. Он в первую очередь — существо атакующее, штурмует вершину, штурмовик. Что значит быть штурмовиком? Значит ли это что нужно глотку рвать и знаменем махать? Это обязательно — кричать «ура» и рвать на себе тельняшку?

Марат выждал мгновение, и не дождавшись ответа, продолжил дальше:

— Не обязательно. Но нужно быть хищником. Хищник — существо незаметное. Он сидит в засаде, сливается с местностью, незаметно подкрадывается, спит днем, охотится ночью. Хищник нападает. Тупая жертва всегда стремится увеличить расстояние между собой и хищником. Так она побеждает — убегая, да подальше. Но только не хищник. Он победит тогда, когда сблизится с противником, когда возьмет его за горло. Жертвы пытаются

испугать хищника. Яркой расцветкой и громкими криками. Флагами и массажи. Своими размерами и размерами толпы, которую они составляют. Они идут на митинг, чтобы показать — вот мы какие, хотя на самом деле они такие же тупые бараны, как и остальные, просто разделенные на крикливых и молчаливых. Хищники — нет. Митинги хищников проводятся глубоко в лесу, подальше от чужих глаз. Там вырабатываются стратегии и тактики, там они договариваются между собой — кто и чего делает. И штурмовик, а уж тем более революционер, повторю еще раз — это хищник. Чтобы победить — он не отступает. Он сближается с врагом, так близко, как только можно. Его преимущество — не в силе, не в громкости, и не в количестве. Его преимущество — во внезапности, в умении, в контролируемой ярости, в холодной беспощадности и расчетливости. Вот что значит быть штурмовиком. А быть революционером — это значит быть штурмовиком, атакующим и разрушающим началом, которое четко знает свою цель. Это значит быть человеком, который понимает, почему он прожил каждую секунду своей жизни так, а не иначе, и насколько это приблизило его к цели...

Марат понимал, что в принципе и по большому счету он совершает ошибку, сравнивая людей с животными. Большинство его товарищей первичную агитацию начинали с тред-юнионизма, с поиска проблем на работе. Ведь каждый любит поворчать, что его труд оценивается недостаточно. Но Маузер начинал обрабатывать человека именно так, через чисто либеральный посыл, который часто применяли как раз либералы, сравнивая общество с животным миром. Разделяя всех на хищников и жертв, на морлоков и элоев. А нужно было лишь то, чтобы человек попытался разобраться в самом себе. Этот способ он называл "прививка индивидуальной левизны". Ведь самое главное, после того как человек действительно начнет думать, рядом должен быть опытный товарищ. Потому как обычно потенциальный единомышленник, быстро преодолев "хищную" фазу, начинает одолевать себя вопросом: хорошо, какое я животное — понятно. Но что я за человек?

Следом идут другие вопросы. Чего я хочу? Как это сделать? Кто я вообще такой, черт побери? Это здесь, в Испытаниях — хорошо. Пострелял немного — и вот у тебя над головой висит надпись — кто ты такой. Даже с расшифровкой. Но в обычной жизни такого нет.

Вот эти девочки... Марат очень сомневался, что сможет сделать из них валькирий, а уж тем более бойцов революции. Поначалу он вообще сомневался, что в них есть характер. То, во что добавляют самые разнообразные присадки. Сплав, который можно ковать и закалять в сталь. Сейчас, постепенно, он пересматривал свои взгляды. Марат часто наблюдал, как в кризисной ситуации, в том, другом мире, даже сильные на вид мужчины превращаются в микробов, в амёб, безвольных и безучастных почти ко всему, что не касается питания и размножения.

Сейчас же Марат видел, как девочки, нежные, беззащитные, совершенно неприспособленные — в считанные дни становятся бойцами. Хищницами с железным характером. До этого он такого не наблюдал.

— Как у вас все сложно, — покачала в это время головой девица.

— Да ничего сложного, — с сожалением от потерянного времени сказал Марат.

М-да. Кажется, переоценил. Очередная «баранка», баранова жена.

— Просто будь кошкой или собакой, а не свиней или овцой. Приучись рычать когда тебе страшно; отступать для подготовки атаки; говорить когда другие молчат; молчать когда другие кричат от страха. А... ладно, если сложно... то лучше и не начинать. Ай... черт!

Марат буквально поджилками почувствовал, что сзади, где они еще вчера прошли,

возникла опасность. Как можно быстрее, на максимальной скорости он увел октокоптер от леса, через четыре минуты темная точка пронеслась по небу над головой, как настоящий стриж. Назад, поднять повыше, и оптика уже через пять минут показал — да, есть контакт. Опять какие-то твари. Много.

— Носилки на землю! — скомандовал он. — Всех выгнать из палатки. В полном вооружении! Дыбенко, рысью скачи к переднему десятку, скажи, чтобы смотрели в оба, у нас, блин, снова заварушка... намечается.

По мере того, как летающая машинка приближалась к угрозе, Марат мог рассмотреть внимательней будущего противника. Увиденное ему крайне не понравилось. Какие-то собакоголовые твари из преисподней царя Анубиса, высоченные, метра четыре каждая. Ноги в коленках выгнуты назад, бегут по следам колонны. И их — много. Как минимум — тысяча.

Подбежала Штанга, увешанная подсумками. Во внимательном взгляде читалось: «командир, показывай, кого мочить».

— Впереди лес, — говорил Марат подоспевшим со Штангой десятникам. — Сзади тысяча тварей, очень опасных. Сейчас — шире шаг, но не бежать, нельзя дыхание сбивать, оно еще потребуется. Как только противник приблизится на расстояние одного километра, собираемся в полумесяц. В лес не входить. Они, может быть, нас специально туда гонят.

— Девочки, быстрее, — послышались возгласы.

— Шевелим жопами активней! — взревела Штанга. — Где, твою мать, твой бронежилет, дура?

— Так жарко же!

— Сейчас тебе будет жарко, кобыла безмозглая...

По расчетам Марата, если собакоголовые будут сохранять темп, то доберутся до них уже через час. За это время лес станет ближе километра на два-три, не более. Октокоптер к тому времени долетел до черной массы, завис над преследователями. Собакоголовые заметили машинку, задрали головы. А потом полетели стрелы. Даже не стрелы — здоровущие такие жерди, метра по полтора каждая. Пришлось поднять летательный аппарат повыше, похоже, что этих лучников лучше не подпускать ближе ста метров.

— Давай-давай, шевелись, — уже кричал Марат. — До них еще километров семь...

— Правда, скачут они куда быстрее нашего, — бурчал он себе уже под нос. И еще черная туча из монолитной колонны разбилась на три отряда, основной шел прямо по следу, два малых отряда, еще больше ускорившись, обхватывали с флангов. Похоже, драки не избежать. И двигаться эти твари умеют очень быстро. И еще и командам подчиняются, причем дисциплина, там, похоже на уровне... Марат похолодел, представив как пара-тройка таких черных гигантов врываются с бердышами прямо в середину его рыхлого войска.

— Нам бы холм какой, — простонал он вслух. — Сдохнем здесь, как тараканы на сковородке...

— Не тушуйся, товарищ Маузер, мы не подведем, — сказал звонкий голосок слева.

А чернота уже видна на горизонте, уже не колонна, а шеренги, бегут широким, но удивительно ровным строем, жаркая будет драка...

— Сто-о-ой! — что есть силы заорал Марат басом. — Стоим здесь! У кого есть растяжки — установить, и всем отойти, спокойно, на пятьдесят метров от растяжек!

Кидать гранаты он своих бойцов не учил в виду бесполезности, но в каждом десятке определил «гранатоносца». Все-таки граната — серьезное, и порой незаменимое оружие. Поэтому на двадцать человек он выдал по три гранаты каждому. И несколько колышков,

похожих на обычные портняжные иголки, только большие, сантиметров двадцать. Кусок веревки, один её конец привязан к чеке, колышек по самое ушко в землю, свободный конец надежно крепим ко второму колышку — противопехотная мина-растяжка готова. И ничего никуда кидать не надо...

— Отходим, спокойно отходим, занять круговую оборону! С первого по семнадцатый десятки — во фронт. Остальные — прикрываем сзади! Прикрываем собой пулеметные и гранатометные точки, не дать подойти им ближе! чем на сто метров!

Черт! Такое ощущение, что земля под ногами подрагивает... да эти твари нога в ногу бегут, и уже не рысью, а галопом! Два километра всего осталось, пять минут до столкновения. Марат метнулся в палатку. Быстрей, где тут его личный доспех, бронежилет шестого класса защиты, с буквой «а»? Шлем? Да, конечно, куда без него? Схватив все это в охапку, он выскочил из пустой палатки.

— Приготовились к бою! Барабанщицы, маршевый ритм!

Марат вышел из строя шагов на двадцать. Сейчас покажем, кто тут самый главный монстр. Он сбросил с себя разгрузку, куртку, майку, стянул друг об друга берцы. Остался в одних штанах, будем надеяться они выдержат, ремень только надо расстегнуть, и верхнюю пуговицу. Обернулся с улыбкой на своих девчат, которые сейчас чуть недоумевающе смотрели на своего немного, как им казалось — сбрендившего командира. Ничего-ничего, сейчас все прояснится. Марат, стоя спиной к строю, напряг плечи, руки, торс, ноги. Теперь можно не стесняться, и не прятаться. У него — полтонны свободного веса, пора расширятся... Наш ответ Халку, без проблем. Послышался треск, словно рвалась ткань. И уже через несколько секунд он стал... огромным, нереально огромным. Два с половиной метра ростом, руки — толщиной с бывшие ноги, а ноги больше похожи на тумбы. Секира активизировалась в руке сама собой. Марат набросил на себя маленький, теперь едва закрывающий грудь бронежилет, ослабил ремни, застегнул наручи, попробовал затянуть наколенники — вроде получилось, на самом пределе, конечно — но хоть какая то защита. Нахлобучив шлем, он обернулся к девчонкам. И встретил десятки восхищенных и уверенных глаз.

— Ну все, капец, трусы на лямках..., - выдохнула в полный голос Штанга.

На левую руку Марат подхватил казавшийся теперь игрушечным «Миниган», пристегнул широкий пояс с ящиком под ленту и аккумулятор. Такое ощущение что они не весят в таком состоянии вообще ничего.

— Бойцы! — заревел Марат. — Там, впереди — враг! Сомнем его! Пусть умоются кровью! Но ни шага назад не сделаем! Упрямся рогом в землю крепко! И ничто в этом мире не сломит нашу силу и храбрость!

Он развернулся лицом к набегающему черному потоку.

— Кто сильнее?

— Мы сильнее! — грянул гром за плечами.

— Кто сильнее?!

— Мы сильнее!!!

— Огонь, вашу мать!

После первых же выстрелов понял — этим собакоголовым ничего не светит. Еще десять дней назад — светило, а теперь нет. Коротко стучали пулеметы, уверенно сотрясая воздух басами. Не спеша ухали гранатометы. Стреляли прицельно, не торопясь, негромко переговариваясь:

— Беру напрямую...

— Я правого.

— Бью задних...

Через некоторое время голоса стали вообще неразличимы на фоне общего треска. Шеренга выпускала сотни пуль в секунду, а Марат еще ни разу не нажал на спусковую кнопку, просто вертел головой.

Он заметил, как от леса отделился зеленый клин, всадники на лошадях, два десятка всего, в маскировочных плащах, прут прямо сюда, но не с тыл шеренге, а словно охватывают собакоголовых по дуге, чтобы никто не ушел. А вот это верно. Хорошо придумано... Главное — чтоб и исполнено было неплохо.

— По всадникам не стрелять! — заревел он во всю мощь легких.

— По всадникам не стрелять! Не стрелять по коням! — понеслось по строю.

Одна из черных фигур гигантскими прыжками умудрилась прорваться сквозь стальной ливень, перепрыгнула растяжки, словила кучу пуль, похоже, доспехи у него хорошие, вполне возможно, что и не пробиваемые, даже для автомата. Ну да это мы сейчас проверим...

Марат коротко размахнулся, и одним ударом секиры располовинил ловкача от плеча до пояса. «Астес. Покровитель загробного мира. Уровень — 43» — еще секунду горела надпись перед глазами.

Бой, если его можно так назвать, заканчивался. Собакоголовые преследователи за пять минут превратились в тела, содрогающиеся в последних конвульсиях. Мало кто добежал даже до растяжек, сработали всего три гранаты из двадцати.

...вот какого, извиняюсь, хрена? Что, нельзя было выслать парламентаря, поговорить, обсудить общие вопросы — а может что-то и нашлось бы интересное, для обеих сторон...

Всадники на лошадях, зарубив последних беглецов, сейчас неспешно рысили к девичьему войску.

А ведь молодцы... Оно, конечно, получилось как в тире, никто особо даже не вспотел — но все равно молодцы.

— Ну что, счавкали?! — перекрывая последние залпы, закричал удивительно звонкий девичий голосок.

— Отличная работа, товарищи бойцы! — проворчал Марат, улыбаясь, но пока еще не оборачиваясь.

— Надо было хоть кого-то оставить, прикольные собачки, — сказала громко и с ноткой сожаления за спиной Штанга. — Посмотреть хоть на одного. Вблизи..., - и гулко сглотнула слюну.

Марат поджал губы. Кто о чем, а эта все о вольных упражнениях, желательно с партнером. Вот прорвались бы сюда хотя бы пять «собачек» — нашинковали бы всех в капусту, и «Баррет» бы не помог. Насмотрелась бы вблизи, до кровавой икоты.

Всадники меж тем успешно миновали линию растяжек. Лошади у них были чудо как

хороши. По гармоничным изгибам шеи, прямым ногам и буквально воткнутым в круп пышным хвостам можно уже догадаться — не одно столетие ушло, чтобы выпестовать таких красавцев. А амуниция какая богатая, да еще и расшита, и не просто нитками, но и сверкающие камешки торчат — и тут, и там.

Первый из всадников очень ловким и воистину грациозным движением сошёл с коня. Не спрыгнул, и не слез, а именно сошёл. Всадник оказался высокорослым, стройным как молодой тополь, чуть-чуть пониже двух метров, но все равно — очень высокий. Плечи — широченные, кость явно тонкая, а вот мышцы просто играют под кольчугой. Одной рукой он снял с головы шлем с полумаской, слегка поклонился, изящно отбросил назад пышные кудри.

— Ё-пэ-рэ-сэ-тэ, — простонал чуть слышно Марат.

— Приветствую путников, пересекших Осоковую долину, — произнес всадник глубоким и мелодичным тенором, с едва слышимой хрипотцой. Как будто труба пропела.

— Ну все, капец, трусы на лямках, — одними губами повторил Марат фразу Штанги. И девки все как одна сейчас на пике возбуждения, да еще от такой легкой победы, ни у кого ни царапины, а вот адреналин литрами по венам бесится. Вслух же сказал, как можно внушительней:

— Приветствуем всадников из древнего леса. Меня зовут Марат, по прозвищу Маузер, сопровождаю этих прекрасных созданий в одно место, которое мы называем Порталом Переноса. Мы из другого мира, и не совсем знаем здешние порядки. С кем имею честь?

Всадник внимательно посмотрел на Марата, который возвращаться из «Халка» в исходное состояние отнюдь не спешил. Красавчик явно оценивал свои шансы в прямом столкновении с этой машиной, стоящей перед ним с шестиствольным пулеметом в одной руке, и волшебной секирой — в другой. Еще секунда — и над головой всадника вспыхнула надпись: «Тауртирит. Эльф. Хранитель леса. Уровень — 58».

— По-моему, я влюбилась, — сказала за плечом Штанга.

— Хранитель леса, — прочитал вслух Марат. — Приветствую вас, уважаемый гражданин лесник Тауртариф.

Эльф прищурился:

— Тауртирит. Не «тариф», а «тирит». И не лесник, а хранитель, и не просто хранитель, а Хранитель Леса.

— Да ладно, — примирительно отозвался Марат. — Не обижайся. Я, видишь ли, искренне прошу прощения, но так уж получилось, что плохо запоминаю имена собственные, и здешняя игровая программа, видать под меня подбила интерфейс, чтоб ваши имена постоянно над башкой светились..., только это бесполезно все, к сожалению.

— Не знаю кто такие Программа и Интерфейс, но тогда просто называй меня Хранитель Леса, — согласился эльф. — Это мои прозвище, и официальный статус. Но, можешь называть это как сам говоришь — «позывной».

— Ага, понял, — сказал Марат. — А меня называй, если слово "Маузер" для тебя сложное — Хранитель Завода, я на заводе работаю... Вы как к нам, с миром, иль ещё как, гражданин Хранитель Леса?

— С миром, — криво усмехнулся собеседник. — И даже с приглашением посетить наш замок.

— Это просто замечательно... Товарищи! — обернулся Марат к своему войску. — Сейчас привал, на полчаса. Десятки с пятого по пятнадцатый аккуратно осмотрят нашего

бывшего противника, и соберут их оружие. Берите вообще все железное, иначе у нас с автоматными и винтовочными патронами будут проблемы. Гранатоносители! Снимают растяжки. Тоже аккуратно. После привала двигаемся в лес, граждане эльфы предлагают нам посетить их замок, что сейчас очень даже хорошо. И ради всемогущего Зевса — аккуратно... Ещё раз повторить?

Оглядывая девчонок, Марат внутри радовался, сколько прибыло уровнейых. Да почти все, очень редко где попадаетея голова без надписи. Штанга прокачалась до седьмого уровня, а снайпер Вер-ба — до восьмого. Волшебница Лютик — до пятого. Марат помотал головой, словно отгонял назойливую муху. Как то очень странно его взгляд упирается постоянно в эту волшебницу, прямо наваждение какое-то.

— Мне повторить? — спросил он громко еще раз, и только после этого бойцы начали разбредаться. Тяжело вздыхая, и бросая на красавцев-эльфов полные истомы взгляды.

Марат в голове «перевернул» ситуацию. Красивые девки, привыкшие к постоянному мужскому вниманию, вдруг оказались черт его знает где, и мужиков — один пожилой пенек. Ну вот если бы были не девки, а парни, привыкшие к женскому вниманию, с гормонами хлещущими через край, с постоянной дозой адреналина — и тут через две недели вынужденного аскетизма навстречу выруливает два десятка полуобнаженных красавиц, всем своим видом показывая, что готовы буквально на все...

Да, ситуация та еще. Еще, в довесок, впереди эльфийский замок, и там этих остроухих красавцев уже не десятки, а сотни. Причем наверняка каждый первый — галантный кавалер с совершенным лицом, телом и манерами, которые оттачивались даже не сотнями, а тысячами лет, или сколько там эльфы живут, в средне-арифметическом варианте?

— Они на некоторых заклятье "очарования" наложили, — сказал тихо голос за спиной.

Марат не спешил оборачиваться, он знал кто это говорит.

— Пойдем-ка потихоньку пошущукаемся, в палатку, — еще тише произнес он.

— Давай, рассказывай, — потребовал он от Лютика, уже находясь внутри платяных стен. — Что там и на кого наложил?

— Эти эльфы, пока напротив нас стояли, потихоньку колдовали. Я видела. А потом на наших девчонках заметила, завитки-запятые такие, около имени, если присмотреться можно заметить. У Штанги так вообще сверкает, как звездочка.

— А почему думаешь что это "очарование"?

— У меня специализация такая, ментальный маг, и лучше всего получается как раз это заклинание.

— Хорошая специализация в наших условиях. Нет, я не шучу. На мне пробовала? А я то гляжу, что сразу тебя из толпы выделить могу, думаю еще — что за бред? — догадался Марат. — Но, видать, не так уж и хорошо получается, коль мы с тобой в разных постелях спим...

— У вас, Маузер, врожденная иммунность к ментальным атакам, и еще уровень высокий..., - на щеках девушки загорелся румянец.

— У меня иммунность значит, — хмыкнул он. — А у других нет?

— Есть, — застенчиво ответила пунцовая от признания Лютик. — Но редко, максимум один-двое, на десять человек. И то — если постараться, то и врожденную можно пробить. У меня даже на таком низком уровне получается.

— Вот что, товарищ Лютик, — казал он после нескольких секунд размышлений. — Выясни, и проверь точно, кто из наших хорошо устойчив к ментальным воздействиям. Прямо

запомни их, или запиши. Вечером возьми любую кто уже «под наркозом», и веди ее ко мне в кабинет. Будем думать как это очарование снять. Не нравится мне все это, уж лучше еще одну стаю собакоголовых перекрошить, чем с эльфами в волшебстве тягаться. Мне, Лютик, прямо не по себе, когда я им в глаза заглядываю, — признался он. — Чувствуешь себя ребенком рядом с папой. Они за нами еще в инкубаторе наблюдали, слышала что этот Лесной Тариф сказал, про позывные?

— Слышала. Ладно, сделаю, запишу, и приведу, не тушуйся, товарищ Маузер... — и она потянулась, словно хотела поцеловать, а Марат вдруг сам не ожидая потянулся навстречу, подставляя щеку. Но потом оба смутились, и так и не коснувшись друг друга, вскочили из-за стола. Лютик, явно сделав над собой усилие, молча развернулась, и поспешила к выходу. Марат смотрел на ее удаляющуюся фигурку, и невольно подумал, что Юта этого Лютика пополам перекусит, не обращая внимания на пятый уровень, способность к ментальным воздействиям в целом, и «очарованию» в частности.

Вечером состоялся мозговой штурм. Марат, после того как Лютик привела Штангу, убедился что проблема серьезная. Сама Штанга не особо понимала о чём идёт речь, и постоянно пыталась сместить тему разговора на эльфов. Послушать её — так эльфы просто венец творения, заместители богов, и остальным двуногим надо хорошо подумать, как доставлять максимум удовольствий столь совершенным существам.

— У нее внушаемость просто невероятная, — сказала Лютик, внимательно обследовав удивительно словоохотливую богатыршу.

— Попробуй её сама очаровать, — предложил Марат Лютику. Та провела над головой Штанги ладонью, но эффект получился противоположный — девица помолчала секунды две, и спросила:

— Как вы думаете, волос эльфа приносит удачу? Мне потребуется удача...

— Думаю, что да, — абсолютно серьезно сказал Марат. — Только надо их побольше, и вырывать обязательно с корнем, чтобы это был живой волос. Ножницами нельзя резать, помнишь легенду о Самсоне?

— У нее мои заклинания просто накладываются на предыдущие, усиливая их, так только хуже, — с досадой произнесла Лютик. — Может на более высоких уровнях я и смогу это перебить, но сейчас нет.

Меж тем Штанга, воспользовавшись паузой, потихоньку сползла со стула, и уже намеревалась шмыгнуть в дверь. Ей явно не понравилась роль подопытного кролика.

— Стоять! — рявкнул Маузер. — Кругом! Про волосы я пошутил, фигня это все.

— А я думаю что нет, — горячо возразила Штанга. — Вот увидите, все получится, это же высшие существа.

— Дорогуша, не стоит, — ласково возразил Марат, попутно отдирая крепкие пальцы от дверной ручки. — Я сейчас покажу тебе классный рецепт как соблазнить эльфа. Садись обратно на стульчик, смотри прямо. Сейчас буду объяснять и демонстрировать.

Штанга послушно уселась, широко открыла глаза, готовая внимать новым знаниям всеми органами своего громадного тела.

— Заходить надо обязательно сзади, — говорил меж тем Марат. — Заходишь, значит, сзади... И делаешь...

Он коротко размахнулся, и стараясь не зашибить "культуристку", в четверть силы отвесил ей затрецину. Штанга слетела со стула, пролежала на полу буквально секунду, а потом подскочила вверх, и обрушилась с гневной тирадой:

— Это глупости! Да кто вам сказал, что так можно соблазнить эльфа!

— Не подействовало, — разочарованно сказал Марат. — Лютик, может ты?

Волшебница посмотрела на Штангу.

— Но-но-но, — угрожающе произнесла "стрелок седьмого уровня". — Пристрелю на раз.

— Товарищ Штанга, — строго произнес Марат. — У тебя любимый человек есть?

— Есть, — радостно произнесла та. — Только он не совсем человек, и наверно не догадывается о моих чувствах.

— Да, я понял, — отрезал Марат.

— Он — эльф, хранитель Леса, представляете?!

— Да, представляю. Стой, куда намылилась? — Марат снова вернул девушку на стул. — Мы ещё не закончили...

— Слушай, Ира, — стараясь достучатся до остатков разума, он назвал Штангу по имени. — Ты меня прости за то что не сдержался, руки распустил. Я помочь хочу, правда. У тебя сейчас что-то типа болезни, которую мы называем ПГМ, «путинизм головного мозга». Иррациональная любовь, необузданная преданность и максимум позитива при отсутствии логики. Так вот, у меня есть драгоценные камни, алмазы там, рубины с сапфирами, может быть, они какими свойствами обладают, противоментальными. А? Посиди здесь немного, я их принесу, попробуем эту бижутерию для тебя приспособить, вот увидишь, это реальные драгоценности. Наденешь — все эльфы твои. Только посиди тут две минуты, хорошо?

Лютик в это время вдруг начала делать над головой Штанги пассы руками, отчего глаза любительницы эльфов помутнели, а речь сбилась в несвязное бормотание.

— Отлично, держи её так!

— Я долго не удержу!

— А ты постарайся, — сказал жёстко товарищ Маузер.

Когда он вернулся, то ожидал увидеть полный разгром, и Лютика, лежащую в углу со свернутой шеей. Однако все было более-менее прекрасно, Штанга с мутным взглядом сидела на стуле, а волшебница, найдя где-то карандаш, время от времени тихонько им касалась её головы, и даже что-то напевала под нос. На лбу Штанги красовалось красное пятно, точь-в-точь как у индийской актрисы, только побольше.

— Она тут буянить вздумала, и мы немножко поцапались...

Только сейчас Марат обратил внимание:

— Лют, она тебе врезала что ли?

— Ага, губу разбила, ну я и ткнула ее в лоб, а она утихомирилась...

— И «обаяние» спало! На пару минут вас нельзя оставить, сразу чудить начинаете, — с облегчением говорил Марат. Тьфу ты, как гора с плеч...

— И так легче воздействие убрать, если у нее на теле моя кровь, это точно, — начинающая волшебница стукнула карандашом по коротко остриженной макушке Штанги. Та никак не отреагировала, сидела спокойно, глядя в одну точку, и пускала слюну. Марат хитро прищурился, ссыпал драгоценные камни в карман, открыл дверь. Не менее десятка подслушивательниц мальками брызнули в разные стороны.

— Так! Девчата! Общий сбор! — гаркнул он.

Марат коротко обрисовал ситуацию, ответил на заданные вопросы, и поставил задачу:

— В общем, нужно найти защиту от колдовства эльфов, и мы вроде её нашли. Если взять кровь того кто изначально устойчив к ментальным атакам, и нанести на тело неустойчивого,

то резистентность последнего значительно повысится. Так, товарищ Лютик?

Краем глаза он заметил как несколько фигур крадутся к выходу. Над головами, рядом с именами, у них были явно видны завитки «обольщения».

— Первый десяток и Диана-охотница! Задержать этих, — проворчал Маузер. — Всем входить, никому не выходить из палатки. Пока не решим проблему полностью.

— Ну наложили они обольщение, что хоть такого? Мне они всегда нравились, — возмущалась одна, задержанная самой Дианой.

— Да, «мы женщины, и нам нравятся мужчины», — передразнил ее Марат. — Не возражаю, и даже поощряю. Но пока вы бойцы сводного отряда, и перед вами стоит задача, и лежит ответственность перед всем коллективом. Да черт побери, сейчас сделаем вам обручи на голову, из чистого золота, с драгоценными камешками. Всё есть, настоящее. Во втором Тесте нашел. И золото настоящее, и камешки. Считайте что это подарок. Обмажем аккуратно моей кровью, я тут самый сильноустойчивый, вроде... и носите на здоровье. Захотели — сняли. Потом снова надели. Да я бы за такой подарок — ноготь бы дал себе вырвать. Такого вам никто не подарит — ни муж, ни любовник, ни мама с папой. Золотой обруч с алмазом, сапфиром или рубином, и с магической ментальной защитой. Да вы что? Такая вещь знаете сколько стоит? Что здесь, что в реальном мире?

Вот теперь народ действительно заинтересовался. Кое-кто, похоже, понял, что из Игры-Теста можно не только ноги едва унести, но и хорошо «прибарахлиться».

— Что, реально предметы отсюда можно в реал унести? — недоверчиво спросила Верба.

— Еще как можно, — уверил ее командир.

Следующие два часа стоял шум и гвалт. Девочки выбирали себе драгоценные камни, спорили, иногда ссорились. Светло-голубых аквамаринов естественно не хватило, пришлось воспользоваться редупликатором. Лютик мерила головы, чтобы обручи не сваливались, Марат метрами крутил-завивал золотую или платиновую проволоку, стягивал ее в размер, запаивал. Потом брал образец, загружал опять же в редупликатор, и получал необходимое количество копий. Проводил по внутренней поверхности окровавленным пальцем. Готово.

Дальше просто приклеивал холодной сваркой самоцвет. Снова проводил по внутренней поверхности окровавленным пальцем — на всякий случай. На колдовство это не очень походило. Больше всего это смахивало на детский сад. Во время завоза новых игрушек.

Почти все свои большие драгоценные камни он раскрошил в кучу мелких кусочков, прямо в тисках, медленно сжимая. Как он догадался и прочитал в интернете, всё что ему попало в руки — это были самоцветные камни первого порядка. Кроме чертовых аквамаринов, которые так шли к цвету глаз большинства девушек, у него имелись алмазы разных оттенков, сапфиры, рубины, хризоберилл, александрит, благородная шпинель и эвклаз. Очень жалко дробить... пару камешков особой чистоты величиной с куриное яйцо он все таки припрятал. Пригодятся, для будущего. Слава тебе Нгаи, великий масайский бог, Марат тогда догадался набрать не только громадных камней, но зачерпнуть и горсть мелочи — такая предусмотрительность пришлась сейчас очень впору. Хотя какая это мелочь? Самый мелкий — как минимум четыре карата — то есть сантиметр в диаметре. В курсе, сколько стоит такой после обработки? Рекомендую посмотреть, и не упасть в обморок. Жаль, что не ограненные, ну да это дело наживное, пока и так сойдет.

Дворец короля эльфов ни на кого особого впечатления не произвел.

Наверно, все таки устали, и дали знать спад адреналина и общего настроения готовности к любой опасности. Ну что может случиться, если идешь в красивенном эльфийском лесу под защитой двух десятков мужиков, для которых каждая травинка тут — опора и подмога?

На некоторых деревьях были надписи. "Кривоклен, клен, тридцать первый уровень". "Могучедуб, дуб, семьдесят четвертый уровень". "Прямохвой, можжевельник, шестидесятый уровень". Красота. И опять комаров нет.

На второй день они вошли в долину, по каменистым обрывам которой росли громадные деревья. "Дом лесного эльфа. Убежище. Уровень седьмой" — такова была надпись на самом дереве, и только очень внимательно приглядевшись можно разобрать — да, действительно, дом.

В конце долины, в дымке виднелся громадный холм. Река, бегущая по дну ущелья, там разветвлялась на два потока. На самом холме деревья росли впритык, переплелись ветвями-стволами. Из-за перепада высот иногда кажется, что некоторые деревья растут даже на головах друг у друга. Хитросплетения невероятные, многостолетние, и там, в глубине, наверняка тоже много потайных местечек. Да и холм, скорей всего, изрыт норами, как грядка с морковью после нашествия кротов.

Каждое дерево на холме также было подписано, одинаково-прозрачными синими буквами: "Дворец короля эльфов. Убежище. Уровень восьмидесятый".

Миновав мост через речушку, который представлял из себя обычное поваленное, хотя и

очень толстое бревно, путники оказались перед деревом с титаническим стволом, на вершине которого приютилась беседка. До нее в высоту было метров тридцать, а то и больше. По всей видимости, как раз там его королевское величество должно было обзирать вновь прибывших. Эльфы сопровождения задрали головы и застыли как истуканы.

— По правде говоря, не доверяю я королям, — зевнув, сказал Марат. — Если первый из них вроде бы должен быть лучший из лучших, выдвинувшийся в процессе борьбы за существование, то его потомство может быть каким угодно. А при наличии близкородственного скрещивания, так популярного в дворянских фамилиях, уже через три поколения можно ожидать таких уродцев, что мама не горюй.

Они подождали ещё минут пять, после чего Марат спросил:

— Ребят, слушайте, мне вот реально надо отлить, у вас тут сортиры предусмотрены?

Эльфы невозмутимо игнорировали вопрос. Прошло ещё десять минут.

— Слушайте, девочки, может, на самом деле нам надо самим туда пройти? Ну, типа вот эти, — Марат кивнул на сопровождающих, — Они может под охранное заклинание попали, и будут так стоять пока мы не сообразим, что дальше идти без них надо?

— Алло, гараж! Долго нам тут загорать?! — рявкнул Марат на ухо ближайшему эльфу. Тот досадливо сморщился и пошевелил острым ухом.

— Вы видели? — в восторге взревел Марат. — Они ушами могут шевелить! Братан, — рявкнул он снова воину в ухо. — Не в службу, а в дружбу! А обоими можешь?

— Надо ждать, — невозмутимо отозвался тот. — И молчать. Их королевское величество...

— Да-да, без проблем, ты только пошевели, я девкам покажу... Девушки, смотрите сюда быстрее, только один раз в жизни, эльф, шевелящий ушами! Штанга, Вер-ба, Дыбенко, Охотница, ко мне! Вы только зацените, это же настоящее чудо природы!

Меж тем, возможно на вопли Марата, или на редкое в этих местах столпотворение людей вокруг дворца восьмидесятого уровня стали собираться и местные жители. Высокие эльфы мужчины, и не менее высокие эльфийки в разнообразнейших нарядах всех оттенков зелёного цвета заняли позиции на берегах расходящейся речки. Они ни о чем не переговаривались, просто стояли, молчали и ждали. Марат заметил ещё несколько фигурок, далеко за спинами лесного народа. Люди? У эльфов в прислуге сплошняком люди? Это прямо интересно.

— Штанга, Вер-ба, Дыбенко, Охотница, передайте по десяткам не разбредаться, пушки... — он покосился на стоящих истуканами эльфов, — Пушки снять с предохранителей, кевлар подтянуть, слушать что я говорю очень внимательно, ловить каждое слово, — скомандовал он очень тихо. — Не нравится мне все это.

Сам Марат подошёл к берегу, и глядя в упор на зрителей (интересно, а луки тут принято постоянно таскать с собой?), начал громко говорить:

— Граждане, что собрались тут? Это не цирк приехал, ничего интересного здесь нет, митинг тут тоже никто не согласовывал. Я предполагаю, что господин его высокопреосвященство король сейчас справится с запором, вылезет из туалета, и примет нас, просто досадная техническая задержка, ничего более...

Между тем на дереве с беседкой показался ещё один эльф, по виду — совсем мальчишка. Он ловко, перепрыгивая с ветки на ветку спустился на землю, встал перед Тауртиритом и важно сказал:

— Король повелевает снять со всех блокирующие обручи. Девушек взять во дворец, на

кухню и в прачечную. Женщин раздать по потребности высшим домам. Этого революционера связать и доставить...

Он не успел договорить, как стоящая рядом Штанга попыталась отправить его в глубокий нокаут прикладом Баррета. Именно что попыталась, потому что мальчишка легким досадливым движением просто отмахнулся от богатырского замаха. Тотчас же десяток стволов калибром девять миллиметров упёрлись в него, и Тауртирита. Десяток Штанги действовал молниеносно.

— Только не шевелись, — попросила богатырша.

— Всем в круг! Стандартное каре вокруг палатки! Прикрыть друг друга! Плотнее! Взятые на прицел дворец! — спокойно и негромко командовал Марат, всеми печенками чувствуя, как сотни острейших наконечников смотрят прямо на него. Десятки воинов, невидимых до сих пор, вышли из листвы деревьев, образующих дворец, и натянули луки.

— Никому не стрелять! — пронесся его грозный голос. — Кто выстрелит первым — тот и умрет первым! Всем! Сохранять! Спокойствие! — Марат напряг легкие на всю мощь, на которую был способен.

Тауртирит и его воины явно пребывали в растерянности, и не сделали попыток даже достать оружие или помочь соплеменникам. Произошла какая то ошибка. Они то видели, что сделали эти нежные девочки своими железными дубинками, плюющимися огнем — с тысячей охранников Преисподней. За пять минут. И вообще, как вы представляете себе: связать человека с восемьдесят третьим уровнем, который одним ударом рассекает надвое покровителя адских земель?

Марат меж тем смотрел на своих девчонок. Какие все-таки молодцы! Прав был старина Монтгомери, это лучшие солдаты. Сбились практически в идеальный круг вокруг носилок с палаткой, оцетинились стволами. Передние стоят, как учили — скинули рюкзаки на левую руку как щиты, закрывают задних, которые, стоя на одном колене, давая обзор третьему ряду — и все вместе готовы очень не кисло ответить на каждую стрелу в их сторону. Шлемы закрыты, все в бронежилетах, ни звука, ни писка, ни визга. Дорого вам, господа, обойдутся эти девочки.

Полог палатки, стоящей в центре женского круглого каре, заколыхался, и оттуда буквально выползла Лютик. Руками она вытаскивала из платяного нутра что-то длинное, похожее на копье македонской фаланги, длиной примерно метров шесть.

Потом поставила эту жердь стоймя, и несколькими плавными круговыми движениями размотала над строем флаг штурмовиков. Тот самый, красный, со звездой, серпом и молотом, с золотыми буквами, штурмовое знамя 150-ой Ордена Кутузова второй степени Идрицкой дивизии 1-го Белорусского фронта.

Марат улыбнулся. Флаг до этого висел у него в прихожей, на стене. Шток, надо полагать, она из театральной гардины сделала. Как хоть умудрилась достать, она же на высоте пяти метров была прикручена? Вообще — славный, хороший сегодня день. Сегодня двести с лишним человек имеют все шансы пройти последнее испытание на скромное звание штурмовика Красной Армии.

Повисла нереальная, звенящая тишина. Даже ветер затих, и птичье щебетание не слышно. Каждая из сторон застыла в напряжении взведенной до упора пружины. И в этой тишине вдруг раздался звонкий щемящий звук.

— Вставайте, товарищи, все по местам! — старательно, дрожащим от напряжения голосом выводила волшебница Лютик.

— Последний парад наступает! — улыбаясь, подхватил вполголоса Марат, одновременно скидывая рюкзак на руку, и доставая оттуда черный шар.

— Врагу не сдастся наш гордый Варяг...

— Пощады никто не желает!

Железный лязг. Это расправляются треноги крупнокалиберных пулеметов. Клац! А это присоединилась коробка на тридцать гранат к гранатомету. Ну, сейчас пойдет потеха.

— Все вместе!

— Врагу не сдастся наш гордый Варяг!

— Пощады никто не желает...

Марат подкинул черный шар в воздух. Тот повис над головой, и вдруг стал разбухать. Не футбольный мяч, а ядро от Царь-Пушки, и становится еще больше. Да этой штукой можно танки плющить.

— Никому не стрелять! — донесся глубокий голос прямо из переплетения ветвей. Потом стволы раздвинулись, как будто были гибкими, и из образовавшегося проема вышел старик. Даже на лицо ему было как минимум пять тысяч лет, а вместе с посохом и хламидой — так и все десять.

— Слава богу, Гэндальф, ты пришел! — попытался Марат скопировать Малыша из старого мультфильма.

— Не стрелять. Опустите оружие, — старикан подошел к ошетилившемуся девичьему каре почти вплотную. На ветвях дворца к тому времени уже не было не одного эльфа. Беззвучно вышли — беззвучно ушли. Бойцы на берегах реки тоже как будто потеряли интерес к происходящему, и разбрелись, старательно изображая мирных жителей.

— Ты знаешь что это такое? — указывая на шар над головой Марата, спросил с ноткой угрозы «Тронаэль, маг девяносто восьмого уровня» (как гласила надпись над головой).

— Прикинь, гражданин Гэндальф, даже без понятия, — отозвался Марат. — Хотя догадки имеются.

— Ну, если ты умрешь, то всем, кто рядом, и даже на расстоянии нескольких лиг — здорово не повезет, — пояснил старикан, оглаживая бороду, и не спуская глаз с шара. — Так что тебе точно лучше не умирать, особенно здесь.

— Да я так то и не собирался, — язвительно отозвался Марат. — Немножечко бы постреляли, и пошли бы своей дорогой. Ты лучше вот что, скажи нам, достопочтенный, где тут в у вас лагерем можно встать, костров чтоб двадцать убралось...?

Лагерь они разбили чуть ниже по течению, примерно в полукилометре от королевского холма-дворца. Три палатки — одна маленькая, как всегда основная, для проживания. И две больших, брезентовых, которые Марат вытащил из своих запасов. Одна служила для дров и разного мелкого инструмента — чтобы каждый раз не лазать за ним. А вторую расположили еще дальше, скрыв от чужих глаз яму в земле.

— Нечего туалет постоянно занимать, — пояснил Марат. — И так туда постоянно очередь, как в мавзолей к Ленину на седьмое ноября. Потом забросаем листьями, землей прикопаем — получится обычная компостная куча. Удобрения, как-никак.

Вечером они зажгли костер из палок, собранных вдоль берега.

— Никаких вырубков, в лес ходить только по очень большой нужде. Еще вырубите какого-нибудь сухостоя, который произвел папаша-энт сто десятого уровня — разбирайся потом кто прав, кто виноват...

Пламя задумчиво освещало лица. Девчонки, сбившись вокруг костра сидели со

сосредоточенными лицами. Третий раз за последние десять дне по самой кромке смерти прошли — есть о чем задуматься.

— Думаю, пару-тройку дней тут побудем, и дальше двинемся. Было бы здорово, если бы нанять у них отряд для сопровождения, хотя бы два десятка того же Тауртирита. Хотя бы чтоб они нас недельку сопровождали. Если не согласятся — надо будет спросить, где здесь есть наемники, сколько берут, и двигаться туда. Редупликатор любых денежных знаков им понаделает, и надеюсь это не сильно подорвет местную экономику, — рассуждал Марат, обращаясь к Дыбенко, сидевшей рядом.

Из ночной темноты появилась Вер-ба, и, обняв свою винтовку, примостилась рядом, словно большая кошка.

— Видел? — спросила она.

— Типа — что видел? — вопросом на вопрос ответил Марат.

— У них здесь люди в прислуге, многие околдованы, я видела.

— А остальные, большинство, я так думаю — не околдованы...

— Мы должны что-то сделать, нас чуть самих в прачки не забрали.

— Но не забрали же, — рассудительно произнес Марат.

— А других — забрали, — гнула свое Вер-ба.

— Что предлагаешь, товарищ Вер-ба?

— Ты у нас революционер. У тебя это над головой даже написано. И уровень огромный. Тебе и карты в руки, — напряженно сказала снайперша.

— Ага, а типа если бы было написано маг огня, так я каждого встречного — поперечного, каждую травинку и деревеньку испепелять должен буду. Хороша логика.

— Но ты должен что-то сделать.

— Кому должен? Тебе? Ты здесь сколько? Второй месяц? И уже хочешь этот мир, вполне возможно и не существующий по настоящему — подмять под себя. Лавры Дейнерис Таргариен покоя не дают. А я вроде как твой единственный дракон...

Марат подбросил ветку в костер.

— Ты только не обижайся, товарищ Вер-ба. Просто ты просишь провести революцию в невозможных условиях. Революционер — он, понимаешь, всегда материалист, он четко понимает идею, и цель, к которой идет. Революционер это человек, который единственный сохраняет трезвый разум в нестандартной ситуации. Он умиряет кровавый бардак бунта, железной рукой наводит дисциплину, и превращает это все в порядок новой жизни. Потому что никто не хочет жить по старому, а как строить новое — никто не знает. Как прольется кровь — так вообще все в животных превращаются. Только революционер среди стада этих обезумевших животных продолжает оставаться человеком, понимает разумом, действует с соображалкой. Это понятно? Вот где тут у нас бунт, кровавый бардак, война, революционная ситуация? Тут у нас вообще что?

— Что?

— Вроде бы королевство с крепостным правом, причем в роли средств массовой информации и пропаганды выступает ментальная магия. Ну прямо как у нас в реальности. Народ где-то там засомневался, что-то там не так пошло — и десятки тысяч людей при поддержке самых современных средств начинают по-настоящему колдовать, реально зомбируя население. Вот только загвоздка в том, что населению это обычно нравится. Разве не так? Вот тебе нравится что у нас там, в нашей стране происходит?

— Ну... есть шероховатости...

— А в целом все нормально, я ведь угадал? Ну а теперь посмотрим внимательней, в самый корень. Вот здесь живут ребята, которые заняты тем, что растят и оберегают свой лес, лесное государство. Вот прямо сами растят и сами оберегают, от короля и премьер-министра до последнего воина. Это им, я так понимаю, нравится. Всем нравится — от короля до последнего заколдованного. Хорошо им, понимаешь? У нас многие заняты тем же самым — растят и оберегают свой кусок земли, который называют государством. Вот только одновременно у нас есть просто гигантская куча людей которая не занимается ничем. Не растят, и не оберегают. Просто продают, и это в лучшем случае. Берут, значит, листья, стволы, плоды и чужой труд — и продают, своим, либо чужим. Теперь, значит-получается, что эти эльфы какие-то неправильные, а наши люди — вроде бы и ничего, с некоторыми... «шероховатостями». Здесь бы надо сместить короля, разогнать всех подряд, и устроить громадный рынок на холме, везде прилавки, кто-то там в лесу горбатится за гроши — а тут красивые магазины, и не один дворец — а целая куча по окраинам, каждый старается урвать побольше, или обмануть похитрее. Такое будущее ты хочешь, товарищ Вер-ба, это тебе нравится? Думаешь им тоже это понравится?

— Просто нужно освободить людей, и все, — сказала Вер-ба понуро. — Просто чтоб они были свободны.

— Свободны от чего? — отозвался Марат. — От собственной глупости? От ментального порабощения? А наши чем лучше? Смотрите все в рот дикторам, ди-джеям, писателям, певцам, комментаторам, политикам — и даже не понимаете, что это то же самое ментальное воздействие. На разум, да, на него! И никому в голову не приходит, что кто-то не свободен. И что ты знаешь о свободе, девочка? Вот ты знаешь, что я считаю себя абсолютно свободным, всегда, даже в камере? — Марат говорил спокойно, но каждое слово можно было сравнить с ударом молотка.

— Я свободен потому что у меня всегда есть свобода выбора. Даже в камере есть выбор — головой об стену или ждать. Или работать среди заключенных. Или мечтать. Или адвоката звать. Куча вариантов, и пока они есть — человек свободен. А те кто не видит ни одного варианта — тот, по моему мнению, просто тупой осел, даже Буридану такой не подойдет для опытов. Да освободи их, или вас, перебей всех эльфов — и каждый второй скажет, что все было хорошо, пока не пришли вы, товарищи революционеры, не погнали нас, бедненьких, погаными мётлами, да из гнилого болота, силой и голодоморами заставили менять любимые каменные топоры на медные. Что, не так? И потом — где ты тут видишь революционную ситуацию? Как ты определила что верхи не могут, а низы не хотят? Кто к тебе пришел и сказал — освободи нас? Как вообще определять эти признаки — ты в курсе? Вот когда к тебе придет один, второй, третий, десятый и сотый, и скажет — меня не устраивает не плата за проезд и коммуналку, а именно то, как мной управляет мое начальство, не нравится как работают органы, буквально все органы в этом государстве — вот тогда ты, как профессиональный "маг красного огня", должен почувствовать — что-то не ладно в королевстве датском. И вот когда эти люди не просто приходят, а целенаправленно говорят тебе — мы готовы действовать, но не знаем как. Хотим не от тебя помощи, а тебе самому помочь, дорогой ты наш товарищ революционер, готовы предоставить тебе помощь — рублем, словом, делом, убежищем — вот тогда ты понимаешь, ситуация назрела, массы созрели. Пора с ними работать. То есть отбирать из них человечка за человечком, как сказал товарищ Мао: "после постановки цели — главной задачей становится кадровая работа". Твое дело, как революционера — не устроить тут кровавый бунт максимальным количеством жертв, а вовсе наоборот — максимально эффективно, и желательно бескровно, малыми ресурсами взять власть. Только и исключительно взять власть, остальное тебя будет касаться только после революции. И у тебя для этого должна быть армия, хотя бы маленькая, зачаточная, вот реально хотя бы три-четыре профессиональных кадра, не говоря уже о нескольких тысячах. Вот после того, как ты тут скинешь короля и подчинишь всех — вот тогда создавай совет эльфолудских депутатов, пиши им разные права и обязанности. Следи чтоб они это соблюдали. Вот что есть настоящий, профессиональный революционер. Этим он и отличается от бандита, который захотел — пострелял, захотел — сжег, захотел — денег дал. А что, убил плохих, сбросил со скалы профессора Мориарти, замочил Зеленого Гоблина или президента транснациональной корпорации — и доволен собой, все хлопают в ладоши. Хороший бандит, хоть и зовут его — например «халк» или «бэтмэн»... Но для меня и Бэтмен и Халк все равно бандиты, действующий вне закона, и при этом не собирающийся этот закон менять ни на йоту, даже чтобы просто оправдать свои действия.

— И что же будем делать? — спросила вдруг Штанга.

Марат почувствовал, что начинает злиться:

— Как ты собираешься здесь брать власть? Убить эльфов? Или ты думаешь, что надо выйти перед дворцом, развернуть плакатики "Свободу людям!", и господу эльфы устыдятся и всех распустят? Что, серьезно? Да не только вы, но и многие из тех, кто себя считает революционером, особенно из старшего поколения, думают что надо идти в массы вместо работы с ними, соревноваться с государственными медиахолдингами, то есть шастать по площадям со знаменами — и все само собой получится, и народ где-то там разбудиться, поднимется, просветится сам собой, и пойдет ровными колоннами за новыми лидерами, все как один. Главное, мать его — правильная агитация. Ага, бегут и спотыкаются. Да многие даже не понимают значение слов «агитация», «митинг» и «пикет». Черт побери, хорошо, начнем вообще с основ, разтак хотите. Вот возьмем митинг — это встреча. Обычная встреча. Если происходит встреча людей, которые хотят сменить власть — то проводить эту встречу надо не на центральной площади, уведомляя власть, что мы тут против вас, а где-нибудь на окраине, да лучше в закрытом, проверенном помещении, где только свои да наши, без всяких случайных...

— Вот прямо как мы сейчас. Проводим митинг — тихо, мирно, не применяя оружия, обсуждаем проблему. У кого еще какие предложения? — четко спросил Марат.

— А какое будущее ты сам хочешь, Маузер? — спросил неожиданно голос из темноты. Свет вспыхнувшего костра высветил высокую фигуру, с золотым массивным обручем на седых висках, закутанную с ног до головы в плащ, сливающийся с ночью.

— Я кстати, так и думал, что гражданин маг Тронаэль только типа премьер-министра, — спокойно, не поворачивая головы, сказал Марат. — У меня с будущим все просто, король. Все здоровые, сильные и красивые. Все живут на громадном космическом корабле. Там, на этом корабле, есть и горы, и реки, и леса и моря. Все осознают, что они члены экипажа, и понимают, что заботится только о собственном брюхе, статусе или даже богатстве только для собственных отпрысков — глупо и смешно. Кто хочет — работает. Кто не хочет — учится. Кто не хочет ни учиться, ни работать — тому задание придумаем подальше от нормальных людей, дабы не смущали других, житием своим бесцельным.

Марат подбросил в костер еще одну ветку.

— Сознание поменяется, оно всегда менялось. Если раньше в нашем мире иметь десяток, а лучше тысячу рабов считалось престижным — то сейчас это жуткое преступление, из ряда вон выходящее. Если двести-триста лет назад у нас собрать с деревни, а лучше с десятка подотчетных тебе поселений барщину да десятину в личный карман считалось нормальным — сейчас для этого есть соответствующая статья уголовного кодекса, как минимум рэкет, либо злоупотребление положением. Ну и буквально завтра то же самое произойдет с теми, кто пытается из ничего сделать деньги, называя это кто как — кто добавочной стоимостью, кто прибылью, маржой, дивидендами. Кто как, в общем. Да и денег, честно говоря как таковых не будет. Очень глупо это все — мерить безопасность своего дома деньгами. Вот такой мир я бы хотел оставить своим, да и другим детям, чтобы умирая — знать, что они не пропадут. Что измеряться их положение будет не количеством рабов и деревень, не статусом умерших родственников, и даже не счетом в банке — а только их личными способностями... Ну это в самых общих чертах, гражданин король...

— Личными способностями, — задумчиво протянул эльф, присаживаясь рядом. — Странно это все. Не думал никогда, что твой новый мир похож на дикую стаю, на племя, в которой твои способности и определяют твой статус, твой кусок при раздаче того, что

принесли охотники?

— Ничего нового в этом нет, — согласился Марат, и потянулся за сигаретой. — Все возвращается на круги своя. Идем по спирали, минуя исходники, но только выше и выше...

— Странный ты. И глупый, и мудрый одновременно. Вот скажи мне, человек с высоким уровнем, а зачем обязательно менять старое на новое, если в действительности можно просто сделать старое лучше?

Марат рассмеялся, как будто закашлялся:

— Странный ты, король. Сколько не полируй ты свои стрелы, а любая из моих воинов снимет твоего лучшего стрелка еще до того, как он увидит ее. Вот из такой железной штуки его убьет, — он указал на винтовку Вер-бы. — Не хочешь меняться — жди в гости соседей вот с такими железными палками. Как показывают текущие события — соседей у нас скорее всего предостаточно, да и ты сам, думаю, не просто так свой лес охраняешь.

Несколько минут они сидели в тишине, а потом эльф поднялся:

— Вы можете оставаться здесь сколько захотите, и будете в полной безопасности под нашей защитой. Но я рекомендую вам как можно быстрее достигнуть вашего портала, и уйти из этого мира. Вы получите надежную охрану и поддержку, чтобы дойти туда целыми и невредимыми. Но вы не будете ни в коем случае не показывать, не продавать свое оружие здесь никому, даже мне, даже если очень попрошу. Даже рассказывать как оно действует не будете. Такие условия устраивают?

— Да, устраивают, — сказал, поднимая вслед за королем Марат. — Большое вам человеческое спасибо.

— Мы договорились, — внушительно произнес король, пожимая протянутую руку.

— Договорились, — подтвердил Марат. И сразу же скомандовал:

— Бойцы, всем сложить оружие в палатку, и не пропускать туда никого из местных под страхом смерти. Да, весь огнестрел убрать, оставить только ножи. Пистолеты тоже убрать. Задание ясно?

— Ясно, — отозвался гул голосов.

— Выполняйте, — выдохнул Марат.

Он обернулся — но фигуры в бесцветном плаще уже нигде не было.

Уже на следующий день около двух сотен воинов в зеленых плащах расположились рядом, также в палатках. Марат застал свое воинство почти в полном составе на брёвнах на холмике рядом с эльфийским лагерем. Сидят, смотрят на высоченных здоровенных дядек, каждому из которых как минимум пятьсот лет, и чуть ли не облизываются. И смех и грех. Ну а с другой стороны, если бы вместо девок были парни, а вместо эльфов — эльфийки — ситуация наверно была бы один в один. А может и похуже.

— Челюсти подобрать, слюну сглотнуть, — скомандовал Марат, проходя мимо своих бойцов. — Боец Копна, почему брови не покрашены?

— Я не крашу брови, — озорно отозвалась та.

— А ты покрась, эльфа нужно встречать во всеукрашенности, — поучительно произнес он. — Подмышки все побрили? А то опозорите меня, с небритыми подмышками. И вообще, товарищи Вер-ба, Штанга — за мной, пошли знакомиться и... согласовывать совместные действия с нашими сопровождающими.

В этот момент полог одной из палаток распахнулся и навстречу наступающему дню вышел во всей красе старый знакомый, Тауртирит. Он хмуро поглядел на зрителей, несколько мгновений размышлял, а потом едва слышно свистнул. В мгновение ока все

изменилось. Эльфы, до этого производившие впечатление расслабленных туристов, мгновенно собрались в длинную шеренгу, овалы щиты в руках, луки за плечами, у каждого — копьё с широким и длинным наконечником.

— Все равны как на подбор... — произнес Марат. — А мы смотрим внимательно, запоминаем, мотаем на ус, или что там в вас, сейчас будет показательное выступление, как правильно пользоваться холодным оружием..

Выступление удалось на славу. Никто и не предполагал что такое вообще возможно. Идеально ровное каре, словно начерченный гигантским циркулем шилтрон, шеренга, колонна, равнобедренный треугольник, позволяющий атаковать в любую сторону. Все это проходило в абсолютной тишине, не слышно команд, как будто солдаты проделывали это тысячу раз. А может и миллион.

Под конец эльфы показали высший пилотаж. По невидимой и неслышимой команде у них в руках оказались луки. Примерно в пятидесяти метрах притаилась мишень. Здоровенный такой круг, метра полтора в диаметре. Вот только вместо концентрических кругов он был расчерчен по типу шахматной доски. Белые и черные, но не квадратики, а кружочки, каждый не более пяти сантиметров в диаметре. Стрелы с черным оперением унеслись к мишени. Потом последовал второй залп, и ушли стрелы с белыми перьями. Марат присмотрелся к мишени, похожей сейчас на дикобраза, и невольно крикнул не хуже утки. Вер-ба тоже присвистнула. Да, тогда, у дворца, он слегка погорячился, когда говорил "постреляем, и дальше пойдем". Выстрелить то, наверно, они бы и успели, и стреляли бы как минимум секунду, а то и две, ровно столько, сколько бы занял полет стрелы, все же летят они чуть медленнее пуль.

— Девушки, похлопаем доблестным воинам, — скомандовал Марат очень тихо. — Хлопаем кончиками пальцев, чтобы я слышал шорох дождя. Не свистеть, они не клоуны, а мы не в балагане.

К ним уже шел Тауртирит, и Марат поднялся с земли.

— Очень достойно, — сказал он приветствуя эльфа.

— Король выдал мне персональное задание, — с места в карьер начал Хранитель Леса. — Наша общая задача — дойти до места. Главным назначен я. Ты мой заместитель в своем отряде. Построй своих..., - эльф на секунду замешкался, подбирая слово, но решил не осложнять отношения. — ... бойцов.

— Сова и Неясыть. Нашли барабаны, и выбили дробь на общий сбор, — скомандовал Марат.

Собирались девчонки довольно долго, хотя почти все были здесь. Тауртирит прошел вдоль неровного строя, встал напротив Штанги, лицо в лицо.

— Мясо, — вынес свой вердикт эльф. Марат ничего не сказал, в принципе он был солидарен.

Тауртирит смотрел теперь на него:

— Наш путь к вашему Порталу лежит через ущелье Мертвых. Крайне неприятное место, особенно с такой командой. Мы задержимся здесь на четыре дня, за это время вам необходимо научиться двум вещам, — эльф поднял вверх указательный палец. — Работать со щитом и уметь держать строй. Обучение начнется прямо сейчас, много времени сегодня не займет.

Теперь эльф развернулся к своим воинам:

— Раздать этим... воинам наши строевые щиты и приносите мне ведро, вон оттуда, —

Хранитель указал пальцем на палатку, в котором прятался временный нужник.

Нехорошее предчувствие охватило Марата. Девчонки тоже загалдели.

— Разговорчики, — прикрикнул он. — Слушаем внимательно, выполняем старательно.

После того как щиты были розданы, а в ведро с фекалиями добавлено воды, эльф засунул туда голую руку и принялся размешивать.

— Фиэ-э, — сказал кто-то из девчонок. Марат подошел к Тауртириту, и протянул сухую палку.

— Благодарю, но не стоит, — невозмутимо ответил тот, и встал с корточек. — Не вздумай фокусничать, — предупредил Тауртирит, и вылил Марату на голову как минимум треть ведра. Тот перестал дышать и крепко сжал зубы.

— Задание следующее, — громко говорил меж тем Хранитель, опять же рукой размазывая по Марату тошнотворно пахнущую массу даже без намека на какую-либо гримасу.

— Выстроиться в каре, и не дать вот "этому" через вас пройти. Это очень простое задание.

Сзади меж тем послышались смешки, будто колокольчики зазвенели. Тауртирит на пятках развернулся к своим:

— Может, вам тоже следует потренироваться? — спросил он ледяным голосом. — Может попросить Хранителя Завода принять боевую форму, и попробовать пройти через вас? Посмотреть, что вы реально умеете?

Колокольчики стихли.

— Первый и второй десятки, вперёд, — цедил сквозь зубы Марат, стараясь чтобы рот вообще не открывался. — За ними третий и четвертый. За ними пятый и шестой. И так по порядку. Держаться крепко, обещаю не использовать классовое умение "я у мамы носорог". Вы только держитесь. Раз. Два... Три! Пошёл!

Девчонки завизжали. Кого то заранее вырвало. Через двадцать пять секунд Марат вновь стоял на "исходной точке".

— Все, у кого испачкан щит — в сторону! — громогласно возвещал эльф. — Вы все умерли, а враг прорвался. Все с чистыми щитами продолжают отражать атаку.

С этими словами Тауртирит вылил и размазал по Марату следующую треть ведра.

— Раз, два, три! Пошёл!

На этот раз, хотя каре было тоньше, потребовалась тридцать одна секунда.

— Следующие мертвецы покидают живых! — чеканил слог эльф, выливая на голову "этому" остатки ведра.

Почти через минуту эльф подошёл к остаткам строя.

— Вы все умерли, а враг прошел через вас, в одиночку, три раза. Это плохо. Завтра вы будете противостоять моим бойцам. Через вас будут прорываться с тряпками, вымоченными в вашем же дерьме. В вас будут кидать бревна и копья, окружать, разрезать и вытаптывать. Вы будете учиться мгновенно строиться кругом, квадратом, треугольником, биться вдвоем, втроём и вчетвером одними щитами против превосходящего противника. Много чего будете... А сейчас умывайтесь, думайте, тренируйтесь, и ещё раз думайте. На сегодня ваше обучение закончено.

— Чего приуныли, бойцы? — спрашивал вечером того же дня Марат. Его женское воинство, словно набрав воды в рот, сидело за столами и хмуро пережевывало макароны из редупликатора с тушёнкой из ящеров.

— Вот что я вам скажу, товарищи бойцы, — сказал он и отложил вилку в сторону. — Этот Таур, мать его, Тариф — мужик дельный, вы за несколько минут от его обучения смогли вдвое уменьшить свой "коэффициент рыхлости", назовем это так. А вообще, мы уже здесь месяц, а участвовали в трёх самых настоящих битвах без поддавок. В трёх! И мы до сих пор дышим, а наши враги — нет. Хотя они если по честному, были гораздо сильнее вас. И если для того чтобы дойти до места нам нужно будет есть кошачье дерьмо — мы будем его есть...

— Маузер, заткнись, пожалуйста! — вдруг заорала Штанга. — Господи, ужас то какой! Что хоть ты за человек?

Он посмотрел на нее с удивлением. Ну да, понять можно, девчата наверно никогда не выгребали навоз из сарая, тех же нужников не нюхали, да и с системами канализации знакомы только снаружи. Да и вообще, за эти три дня совсем ещё мелких девчонок чуть не убили в чистом поле собакоголовые твари, заколдовывали, чуть в рабство не забрали, потом показали что они стоят, а на закуску совсем не понарошку с дерьмом смешали, в буквальном смысле слова. Ну, нехорошо получается.

— Вот что, — поднялся из-за стола Марат. — Тут у меня есть вино, пиво и другие, куда более крепкие напитки. Каждая нальет себе только один раз, но без ограничений, и выпьет до дна, и я вместе с вами. А потом мы встанем, встряхнемся, и пойдём к эльфам в их лагерь и будем танцевать со многосотлетними мужиками до полуночи. И это приказ. Каждой выбрать себе посуду, не стоим, наполняем бокалы, пьем, курим, живём полной жизнью, дышим всей грудью.

Через два часа их изрядно повеселевшее воинство начало выбираться из палатки. Девушки готовились к внезапному нападению на лагерь эльфов основательно. Все благоухали сногсшибающими ароматами, от обилия голых длинных ног на высоченных каблуках кружилась голова.

Снаружи солнце уже село, но вокруг было еще светло. Эльфы, насколько можно было разобрать, уселись всей гурьбой вокруг большого костра. Завидев людей, выходящих из палатки, от них отделился примерно десяток "охранников" и "сынов" Леса. Марат вышел вперёд, справа встала Штанга, слева Вер-ба. Эльфы приблизились, собрались в шеренгу, и стояли молча.

— Добрый вечер, — очень доброжелательно вдруг поздоровался один из них. — Я и мои братья приносим вам извинения за доставленные неудобства и огорчения. Все таки это мы должны защищать и оберегать вас, а никак не наоборот.

Девчонки недоверчиво-обрадованно загудели.

— Чтобы загладить все недоразумения между нами и, вполне возможно — нашими народами, мы просим вас отужинать у нашего костра, попробовать наших напитков и вин, а также отпраздновать эту ночь, которую мы называем "Ночь жёлтой иволги".

— Хорошо сказано, — как можно мягче отозвался Марат. — Мы с удовольствием принимаем и ваши извинения, и ваше предложение. Будем у вашего костра через десять

минут.

— Хорошо, — просто сказал эльф, и вся группа как по команде развернулась и заскользила к огню.

— Держать себя в руках, — вполголоса раздавал Марат последние инструкции под дружное хихиканье. — Сдаваться только если полностью уверены, что сдача неизбежна, и противник выполнит все оговоренные условия. Не нажираться, не блевать, курить изысканно, говорить внятно, желательно производить впечатление хорошо образованных и высокоморальных людей...

— Блядей, — сказал озорной голосок. — Хорошо подкованных и глубокооральных блядей.

— Боец Лютик, — строго сказал Марат. — Сейчас дома останешься.

— Да ладно, поняли мы всё, товарищ Маузер, — Штанга, похоже, чуть ли не приплясывала от нетерпения. — Не бойсь, тут большинство уж не первый год ноги раздвигает.

Он только рукой махнул. Похоже, отбирали ему команду не только по возрасту и длине ног, но и с учетом уровня сексуальной озабоченности и извращенности.

— Братъ живьём! — басом заревела Штанга, приняв отмашку как сигнал к действиям. — Тауртирит — мой. Кто только посмотрит — глаза откушу, вместе с головой.

Спустя неделю Марат ехал на лошади, бок о бок с Тауртиритом. Равнина, покрытая рощами, скоро заканчивалась, до отрогов гор оставалось не более двух дней пути.

— Лошадей точно придется оставлять? — поинтересовался Марат у командира эльфов.

— Да. Там не пройти, там громадная лестница, некоторые ступени в два роста, и таких ступеней немало. Лошади точно не пройдут.

Их отряд слегка напоминал цыганский табор. Эльфы ехали вперемешку с женщинами, опасности нигде не было, по дороге они встретили вооруженными разве что пару разъездов. Все проезжающие рощицы были чьей-то собственностью, а то и личными домами эльфов из различных Домов. «Высокие» или «Высшие» Дома по всей видимости граничили с королевским дворцом, а «средние» и «малые» жили вот так — в общей массе и по окраинам. Это была их страна, собственное государство с четко очерченными границами, и внутри этих границ добропорядочным гражданам опасаться нечего.

— Дорога Мертвых на самом деле есть «дорога оживших», — вдруг произнес Тауртирит. — Мы просто так ее называем. На самом деле, колдуны и маги жизни — это и есть некроманты. Они могут вдохнуть жизнь даже в камень, а уж тем более в недавно умершее тело. Маг жизни на самом деле — это удивительно доброе и жизнелюбивое существо. Опасны те, кого он создает. Сильный некромант может оживить даже твой меч или доспехи, стрелу в колчане. Так что они в общем смысле очень опасны, в отличии от тех же магов смерти или стихийных.

— Маг жизни — это некромант? — переспросил Марат.

— Да, это тебе и объясняю. Маг огня просто разогревает предметы, тот же камень или воздух. А маг жизни может в этот раскаленный воздух вдохнуть душу.

— И как они это делают?

— Ну это дано далеко не всем. Это случайность. Такими рождаются. Слышал про «зеленый палец»?

— Да, конечно. Это когда человек может воткнуть палку в землю, а она выбросит побеги?

— Какое смешное слово, согласишься? Побег, — усмехнулся Тауртирит. — Но в принципе верно. То есть таких людей находят, и если он хочет — развивают талант. Это очень, крайне долгий путь. Если маг жизни умирает, то его воскрешают, и он обучается дальше, пока не сможет жить вечно. И воскрешать он будет вечно. Убить такого почти невозможно. Наша задача будет сдерживать натиск его тварей. А твоя задача — пробиться к магу, и показать на что способен.

— Я? — удивился Марат.

— Да, ты. На нас нападут на этой дороге. Не здесь. Тут опасности нет, — успокоил эльф, почувствовав мгновенное напряжение собеседника. — Я уже много таких водил.

— Много? Таких как я или таких как мы все вместе?

— Таких как вы все вместе.

— И сколько конкретно?

— Раз пять, а может и шесть, — спокойно отвечал эльф. — А может и десять. Были отряды и поменьше твоего, и побольше, все тоже с железными огненными палками.

— Когда? — Марат был весь внимание.

— Давно. Лет сто, а может двести назад проходили последние.

— Как двести? — поперхнулся Марат.

— И до меня водили, — эльф сама невозмутимость. — Много раз. Все идут к порталу, тропами Мертвых.

— И многие прошли?

— Тропой то? Половина, раз на раз. А через портал пока не проходил никто.

— Да как это — никто? Ты нормально рассказать можешь, по-человечески?

— Дойдем — сам все поймешь. Там, перед порталом, тебя будут ждать твои самые страшные страхи, испытание не для всех. Люди обычно ломаются. Слишком дорожат жизнью.

— Это как?

— Никак. Дойдем — сам поймешь, у всех по разному, — ответил Тауртирит, и прищипнул коня, догоняя едущую впереди Штангу, которая давно и ревниво косилась на разговаривающих мужчин.

Горы начались не сразу. Сначала равнина сжалась, деревья почти пропали. Еще один день пути, и начались каменистые овраги и холмы. Лошадей оставили у первой же серьезной расщелины. Марат конечно, при очень большом желании мог войти в боевую форму и перепрыгнуть это препятствие и с лошадьёю на руках. Но четыреста всадников! Нет, девчонок можно и в палатку загнать, и с ней прыгнуть, но лошади то туда не входят. Здоровенные бугаи, это тебе не монгольские лошадки «метр в холке».

Шли также как и по Осоковой равнине. Половина девчонок в палатке до обеда. Следующая половина — после. Эльфы, конечно, шли на своих двоих, да и не выказывали никакого желания отдыхать. Ложились очень поздно, вставали крайне рано, такое ощущение, что лесные воины и не спали никогда. Всегда свеженькие, чистенькие, опрятные. Загляденье. С любым бы пошел в разведку.

Первого «ожившего» они увидели сразу. Тот стоял в лохмотьях на вершине скалы и просто смотрел. Ветер рвал на нем тряпки, но мертвец ни разу не шелохнулся, пока они проходили мимо. Оружия у него не было. Никто не стрелял — ни эльфы, не люди. Еще не хватало. Пусть сами нападают, если хочется. У нас ответка всегда готова.

Потом были еще, и еще, скоро счет пошел на десятки. Такое впечатление что чья-то

воля концентрировала их вокруг отряда. Но не нападали. Марат судорожно соображал, на сколько хватит запасов топлива для перезарядки единственного ранцевого огнемета. И выходило, что дело швах. Во втором испытании он не удосужился набрать достаточно горючего, взял всего несколько канистр. С бензином, керосином, и дизельным топливом. И все. Перегружать палатку не хотелось, тем более что в реальном мире этого добра вроде достаточно. А здесь бензозаправок нет. Придется гранатами. Тоже, если честно, не самый лучший вариант, и вообще как справится с заранее мертвым противником — не очень понятно.

Хотя в целом ход будущего боя Марат хорошо понял. Отряд закроется щитами и будет держать мертвяков до тех пор, пока Марат «не договорится» с некромантом. Договорится — это прекрасно. А если не договорится?

— Вон там, — сказал Тауртирит, и указал рукой.

Довольно широкая расщелина, посередине которой маленькое плато, можно сказать — подиум. Один край, шириной, наверно, метров десять — пологий, а остальные подходы довольно круты. Взобраться можно, но вот обратно спихнуть щитом или копьем — легче простого.

— Там мы встанем до темноты, и будем стоять. Дальше нельзя. Дальше мертвяков будет все больше и больше, а если еще големы проход перегородят — считай, все поляжем. Здесь они соберутся, некромант почувствует опасность, и откроет вход в свой дом, чтобы выпустить тварей помощней. Он не злой, просто не любит когда его творений убивают. А они безмозглые, чем дальше, тем свирепей...

Всю ночь жгли костры. Слава богу, с дровами проблем не было — натаскали в палатку немало. В кровавых сполохах было видно, как скалы вокруг колышутся и меняют очертания. Или это только кажется? Но мертвяков все прибывает. Двуногих только половина, а то и меньше. В основном звери в ободранных шкурах, с торчащими наружу костями. Волки. Медведи. Олени. Лисы. Люди. И эльфы.

Как все это может жить — не понятно. Как это вообще может двигаться? Вот еще и солнце, как назло, спряталось за тучи. Того и гляди пойдет дождик, в воздухе пронзительно свежо и влажно.

Отряд выстроился. Впереди, в глубоком строе стояли эльфы, а по кромкам склонов они вытянулись цепочкой толщиной всего в одного бойца. В глубине этого «мешка» стояло женское войско, тоже с щитами, в современных доспехах-бронезилетах, и в кольчужных перчатках, с пластиковыми налокотниками-наколенниками. Круглые омовские черные шлемы. Копья-рогатины с поперечинами, чтоб мертвечина не вздумала дотянуться. Вместе с эльфами они отрабатывали такое построение не раз и не два, и только теперь стало понятно — зачем.

Первыми решились попробовать строй на прочность зверье. Эльфы только отмахнулись своими бердышами-глефами. В полной тишине десяток бывших волков и пара медведей превратилась в расчлененные куски из костей и полусгнившего мяса. И как по сигналу — мертвечина поперла на приступ островка живых.

Теперь уже эльфы махали своими косами как ветряные мельницы. Но в основном — только первый ряд на «горлышке». Остальные просто ждали своей очереди. А те, кто стояли на склонах — просто спихивали оживших вниз, не стараясь убить и даже расчленить. И Марат через несколько минут понял — почему. Вал живых трупов уже через минуту быстро вырос передним эльфам чуть ли не до колена, а не прошло и пять минут — до пояса.

— Меняем! — выкрикнул Тауртирит.

Первые ряды змеями юркнули за спины второй шеренги. Стальные мельницы снова заработали в полную силу.

— Готов? — Марат понял что Хранитель Леса обращается к нему.

— Готов! — прорычал он в ответ.

— Пошел!

Ну пошел, так пошел. Марат просто перепрыгнул через широкий строй эльфов, прямо над головами в сверкающих шлемах, а заодно и через вал дергающихся тел, закрутился юлой в водовороте костей и мяса. Запах, конечно, тот еще. Секира, которая легко рубила бетонные столбы, легко справлялась с восставшими остатками. Тут шансов не будет — мясом мясорубку не остановить. Зато направление главного удара сместилось, вся мертвечина увидела новую одинокую цель, и ринулась туда.

Как замечательно.

— Убрать завал! — прозвучал новый приказ, и вслед Марату полетели всевозможные останки — эльфы освобождали себе место для обороны.

Марат меж тем достиг первой бочки. Это была натуральная бочка, жестянка-тонкостенка, семьдесят литров, заполненная под завязку сухим пироксилином, найденном на складах еще во время второго испытания. Мина находилась во впадине, туда и ринулись водопадом мертвяки. Марат сдерживал их вокруг себя еще секунд двадцать, набирая побольше. Потом прыгнул на ближайшую скалу. И еще раз, и еще. Потом в руке его появился Крисс Вектор. Сухой пироксилин легко детонирует от простой пули, а уж от пули со взрывчаткой — тем более.

Взрыв потряс ущелье, и чуть не сбросил его с тонкого уступа. Теперь пора возвращаться к своим, завал в бутылочном горлышке полностью разобран.

— Когда хоть мы узнаем, что этот гад откроет дверь? — обратился Марат к командиру эльфов.

— Говорю же, увидишь. Обычно это зеленый луч в небо, — ответил тот. — Я точно увижу, и скажу тебе. Надо просто перебить побольше.

— Ну, это мы запросто, — Марат оскалился, приподнялся над строем как башня линкора. Только вместо пушки у него в правой руке был зажат «Миниган». Нажав на спусковую кнопку, Марат подумал, что, пожалуй, трехлинейный калибр для его состояния уже мелковат. Надо брать уже не винтовочный, а пулеметный крупнокалиберный патрон. Гильзы посыпались дождем. В течении тридцати секунд никто не смог даже дойти до строя эльфов, нечисть сметало как метлой. Потом лента кончилась. Да и стволам, честно говоря, надо чуть-чуть охладиться, не стоит перегружать.

Снова пошла мясницкая работа.

Марат за час сделал уже три вылазки, а противников не убывало. Наоборот, ущелье просто наводнило ожившими трупами. Пошли в бой уже не зомби, а самые настоящие скелеты, хотя как они вообще могли передвигаться — тайна, покрытая мраком. Точнее, покрытая магией жизни. Тут уже не тысячи, а десятки тысяч, и только прибывают.

Между тем, завалы под откосами росли, и враг стал беспокоить не только лобовой атакой, но и фланговыми прорывами. Уже и девчонки начали стрелять и кидать гранаты, то тут, то там слышались глухие взрывы и треск огнестрельного оружия, а это значит кое-где холодные лезвия не успевают справляться.

— Пошел! — вдруг выкрикнул Тауртирит.

Чего хоть такое, только что вернулся оттуда, все нормально, четвертая бочка сыграла как и все, «на ура».

Зеленый луч. И луч совсем не кислый. Если это лазер, то мощность у него крайне неприличная. Тут уже даже не киловаттами пахнет.

Да плевать, надо прорываться. Задача то ясна...

Навстречу Марату катили костяные клубки, причем эти уже были подписаны. Призрачный пес, уровень 50. Костяная гончая, уровень 63. Костяной дракон, уровень 71. Каменный голем, уровень 80.

Да они же растопчут и разорвут ребят...

Марат врубился прямо в гущу высокоуровневой нечисти, совершенно позабыв наставления Тауртирита о том, что не стоит ввязываться. Что его главная задача — добраться до мага жизни. То есть, до некроманта. Но если эти твари доберутся до отряда — всем конец. Как, блин, их много, и какие, блин, шустрые. Нет, всех не взять. Вперед. Вперед! Отвлекся, но теперь вперед, по ступеням, откуда здесь ступени? Да всё это дикий сон. Эльфы, динозавры, некроманты, големы, призрачные драконы — да вы в своем уме? — так и хотелось закричать непонятно кому. Может «непонятно кто» придет в себя, и самостоятельно чуть разрулит ситуацию? Нет? Самостоятельно не получается? Всегда нужен кто-то?

Маузер обернулся, на долю секунды, просто контролировать, что там, сзади.

Один из призрачных псов как пушинка взвился в воздух на добрый десяток метров, и собирался не просто перемахнуть передние шеренги, а добраться прямо до самого центра. И надел бы там делов. Точнее — наделал с дополнением «бы», вот только его в полете поймала золотая вспышка, от которой он осыпался вниз ворохом костей. Видать, товарищи эльфы не только девок обольщать умеют, это хорошо.

Марат уже видел проем в стене, из которого вверх, в самое небо бил зеленый столб. Отсюда это уже не казалось лучом света. Это была какая то странная субстанция, дым, который четко поднимался строго вверх. Там, у этого проема, стояла совсем маленькая фигурка, особенно по сравнению с тучами тварей, которые заполнили пред ней пространство, и не спешили как первые вниз, словно выжидали.

— Да вы что, сволочи? — заревел Марат. — Там девки гибнут, а вы тут смотрины устроили, падлы?

И он пошел вперед, все быстрее и быстрее, как шар боулинга раскидывая кегли, сметая всех и оставляя за собой широкий проход. Каменные големы были гораздо тяжелей его, но совершенно спасовали перед черным шаром. Его то Марат и раскручивал вокруг себя, и ничто и никто не мог удержать этот яростный порыв. Шар просто сминал и поглощал все на своем пути, не останавливаясь даже на миллисекунду при встрече с любым препятствием.

Послышался звук рога. Он заунывным голосом проплыл над ущельем, и Марат понял, что это зов к атаке, столько безудержной обреченной мощи было в нем. Он еще раз обернулся, всего на краткий миг.

К атаке? К какой атаке? Ах, да, надо выбираться из ловушки, ударить стальным кулаком на выход, к спасению. Ведь договаривались, проигрывали ситуацию не раз, и не два.

По спине пополз противный холодок.

Там, на маленьком плато, в окружении стремительно редющей ниточки эльфов, крича от страха, и визжа от ярости, намертво уперевшись дрожащими ногами в камень, в пороховой дымке от панической стрельбы во всех направлениях, обливаясь кровью и холодным потом — едва держали оборону, и готовились к жалкой атаке-отступлению его девчонки. Все как одна безумно красивые и юные, еще неумелые, но уже опытные бойцы. Его славная, и почти беспомощная армия.

— Мы сильнее! — донесся даже сюда визг обезумевших кошек.

Отряд зажали со всех сторон, и сейчас он больше напоминал маленькую точку внутри бушующего моря, в которое все добавлялись и добавлялись широкими потоками сотни и

тысячи врагов. Не прорваться, но надо пробовать.

До мага жизни оставалось совсем немного, когда пришлось столкнуться с новой напастью. Вот почему войско мертвых было почти без оружия. Железные и стальные големы, тяжеленные, многоуровневые, лязгающие доспехами, щитами и мечами, собранными в один клубок... он столкнулся только с одним из них, и его сразу достали множество клинков, что были чудовищу вместо пальцев, хорошо хоть еще ни одного опасного ранения, в основном даже двуручный меч оставлял на его теле просто царапину, длинную, неприятную, но всё же царапину. С ними пришлось бы здорово повозиться, но сейчас не время, и не место, только вперед, потом разберемся.

Эй, ты куда?!

Фигура в хламиде-накидке просто исчезла из поля зрения, и погас зеленый луч. Где же всё? Вот только что здесь был проход внутрь горы.

— Нн-аа! — Марат не удержался, и послал шар прямо в камень, и тот прошел, оставляя за собой туннельное отверстие, и там ничего не было, просто сплошная порода, камень, черный базальт.

— Да чтоб вас всех подняло да шлепнуло!

Быстрее назад. Ожившие твари, теряя кости, щебень, глину, лохмотья — стали разбегаться, потеряв над собой общий контроль. Они хотели жить дальше, а не умирать, никто не хочет умирать. Клочок бывшего воинства все так же стоял на маленько плато, только их было меньше, гораздо меньше. То тут, то там в хаосе остывшей битвы валялись замершие тела, зеленое вперемешку с красным. Почти все ранены. Стоны, крики и визги. Кого то уже перевязывают. Кого то, кажется без сознания — заносят в палатку.

— Где Тауртирит? — крикнул подбегая Марат.

— Погиб.

— Как погиб? — Марат с настоящим непониманием посмотрел на эльфа, над которым висела надпись "Элланиэль. Полководец. 37 уровень".

— Сцепился с драконами, — последовал краткий ответ.

— Верб, что с нашими?

— Семнадцать убито, несколько тяжелораненых, остальные отделались царапинами, — девчонка отвечала прямо как настоящий командир, чеканя слог. — Эльфов легло больше половины, дрались они как звери. И это... Штанга... она, в общем..., тоже, с драконами...

На последней фразе девичий голос дрогнул. Марат скрипнул зубами. Тауртирит, Штанга? Как же так? Его же не было в строю пять минут, и такие потери.

"Да хорошо хоть, если честно, что не вернулся на самое настоящее кладбище, — подсказал голос внутри. — Еще минута-две, и стоял бы тут один, как кукушонок".

— Что дальше? — он повернулся Элланиэлю. Тот безразлично пожал плечами, казалось что этих остроухих вообще ничем не пронять, однако же вот, стоит, мрачный, "полководец", а глаза что-то блестят подозрительно.

— Твоя палатка сможет принять наших мертвых? Надо донести, тут скоро начнутся роци, павших надо сжечь.

— Да конечно, — скороговоркой отозвался Марат. — Заносите всех. Кто сильно раненый — тоже туда. Донесем всех.

— Ждем утра, — говорил дальше Элланиэль. — Твари разбегутся, попрячутся, они уже и сейчас не опасны, но нужно выждать. Завтра с утра выходим.

— Да, конечно, — как заведенный повторил Марат.

Тауртирит и Штанга. Лучшие. Умерли для того, чтобы он жил, и шел дальше. Они может быть даже и не думали об этом. Просто выполняли свой долг, как будто поверили, что они кому-то и что-то должны. Вот так вот просто и незамысловато. Они сгорят, а он пойдет дальше. И обязательно дойдет.

Обязательно.

«Стоунхендж».

Горный каньон вывел их на довольно большую долину. Она была почти круглой, а посередине находился Стоунхендж. Высокие белые камни, как зубы неведомого существа, вылезавшего из под земли. Только этот круг камней был не пустой. Внутри, около самого высокого из камней, колыхалось овальное зеркало портала. И около него сидел человек. И ещё между камнями колыхался воздух. словно повесили невидимую, очень прозрачную полиэтиленовую пленку.

Их маленькое воинство скоро достигло своей цели. Марат как обычно шел последним, и чем дальше вглядывался в сидящего около портала, тем больше убеждался, что знает его. И не просто знает, а видел, много раз. В детстве, на улице, во снах. Барсук. Барсуков Олег. На год старше Марата. Старый, самый ненавистный враг его детства. Человек, который многократно его побеждал, окунал со смехом в снег лицом. Просто бил. Потом Марат вырос, и в одиночку Барсук уже с ним не пытался встречаться. Втроём, а лучше вчетвером. Потому что даже двоих Марат мог заломать, вывалить в грязи так, что «мама не горюй», лучше домой не заявляться.

Они враждовали так давно, что снились друг другу по ночам. Вот кого Марат думал встретить здесь меньше всего. А вот так, один на один, и не сбежать, не спрятаться. Не смотря на усталость, мальчишка внутри Марата чуть не заорал от радости. Он даже ускорил шаг, чтобы удостовериться. Девчонки уже столпились около «Стоунхенджа», и рассматривали сидящего у портала.

Насколько стало ясно, они не могли пройти внутрь, не пускала невидимая «пленка». Марат остановился, с недоумением огляделся, протянул руку, и та свободно провалилась сквозь непроницаемый для других барьер.

Человек у портала поднял голову, знакомо осклабился. Сомнений нет. Нужно, конечно, подождать, исследовать все вокруг, но для этого есть эльфы, они то наверняка лучше разбираются в местном мире и его ловушках. Раны уже затянулись, усталость есть, но не сильная, больше моральная, да и хорошо бы долго здесь не задерживаться. Армия Короля мертвых запросто может сбежаться в самый неподходящий момент.

Марат глубоко вздохнул и прошел, как через паутину, внутрь каменного круга.

— Привет, — сказал он.

Барсук еще шире растянул рот в подобии улыбки.

— Привет, — отозвался он. — Многовато вас. Объясню тебе правила, пока есть минутка. Во-первых, все твои шучки здесь не действуют.

Марат это уже и так понял. Он словно снова стал человеком, весь как будто сдулся. Попытался вызвать секиру — но она не появлялась. Черный шар в рюкзаке вдруг стал очень тяжелым, и Марат едва успел скинуть лямки, чтобы не опрокинуться навзничь. Рюкзак упал на землю, и сразу стало понятно — поднять его будет стоить больших трудов. Вот тебе и сверхспособности, и «уберплюшки». Захотели — дали. Захотели — отняли.

— Остаться должен только один, — продолжал меж тем Барсук. — То есть среди нас ты тут единственный, кто может войти, и кто может выйти, в любом направлении. Можешь

даже сейчас уйти в портал. Но никого из них, — он указал на столпившихся у барьера. — Провести не сможешь. Пока я жив — не сможешь. Если ты сдохнешь — пойдут пробовать судьбу твои девочки, я их с удовольствием встречу. В любом случае — остаться должен только один. Понятно объяснил?

— Понятней некуда, — согласился Марат. — Я тебе отверну башку, и проведу остальных.

— Не все так просто, не торопись, — хохотнул Барсуков. — А вот и наши зубочистки, тут других не будет.

Марат увидел, как в двух шагах от него из воздуха соткался короткий меч, воткнутый прямо в землю. Аналогичный клинок появился и в двух шагах от Барсука. Оба не спешили, мягко, как кошки, скользнули к оружию.

Хороший клинок, тяжелый, надежный, даже в руке держать приятно.

— Барсук, ты настоящий? — спросил Марат, вставая, как обычно, в стойку борца, наклонившись всем корпусом, обе руки впереди, клинок в правой.

Противник, как и двадцать, и тридцать лет назад, встал в стандартную боксерскую стойку. Левая рука впереди, правая, с зажатым мечом — почти на уровне уха.

— Помнишь, как мы тебя зажали в школьном дворе? — почти ласково улыбнулся Барсук. — Помнишь, как ты забежал в лужу, и стоял там, пока мы не ушли?

Марат, еще ниже пригнувшись, молниеносно бросился врагу в ноги. Правая прямым ударом пошла вперед, и Барсук со звоном парировал удар, но его нога уже была в захвате. Марат сделал подсечку. Перевел бой в партер, то есть оба теперь на четвереньках, левой рукой через голову взял Барсука за подбородок, а правая вместе с мечом пошла подмышку сопернику, ухватила, бросив клинок, свою левую напарницу за предплечье. Все, это конец. Это «крюк», коронный прием Марата. Только сегодня он не будет никого перебрасывать. Используя вес противника как рычаг на правой руке, «левой-вбок» резко рванул ему голову, а не «правой-вперед», как обычно. Послышался хруст, и на лице Барсука навечно застыла усмешка-недоумение.

О, сколько раз Марат проигрывал этот миг в голове, и вот он настал. Честный бой. Несколько секунд. Смерть.

— Я все помню, — только и сказал он.

И вот он один. Тело Барсука истончается, словно соткано из пара. Еще несколько секунд — и Марат вообще один. Даже мечей нет. Что теперь? Наверно надо вытаскивать сюда девчонок.

— Руку, — сказал он грубо, и взяв первую попавшуюся, практически потащил, а потом впихнул в портал. Есть контакт. Теперь следующую. Но не тут то было. Рука Марата легко проходила и туда и обратно, но вот Диана-Охотница вскрикнула от неожиданности.

— Дурак! — выкрикнула она. — Пусти! Руку оторвешь!

Марат разжал пальцы. Вот тебе раз. Сзади кто-то есть. Одним движением он прыгнул вбок, и только потом развернулся. Убью гада! Но Барсука, как он ожидал, не было. Были два меча, воткнутые в землю. И щенок, маленький такой мохнатый карапуз, комок черной шерсти на толстых лапах. Марат знал как его зовут.

— Маркиз? — произнес он изумленно. — Ты же умер.

Много лет назад у них была собака. Помесь лайки и овчарки, здоровенная махина с розовым носом. Звали её Гея. Все местные кобели бегали к ней, ровно через год после того, как она перекочевала еще щенком из квартиры в городе — в деревню к Марату. Гея «давала»

всем. И принесла аж девять щенков. Стояла около конуры, гордая и властная. Смотрите, любуйтесь. Завидуйте. Девять.

Девять!

Семерых Марат утопил в ведре в тот же день. Налил воды в одно ведро, забросил туда семь комочков, и накрыл-прижал другим ведром. Подождал минуту, вторую. Потом взял лопату, выкопал ямку позади огорода, и вылил туда то, что осталось в первом ведре. Закопал. Обычная процедура. В деревне постоянно кто-то умирал, и не по своей воле. Гуси, телята, свиньи, куры, кролики, котята, мышата, крысята, колорадские жуки. Непрерывный конвейер смерти, не прекращающий свое движение веками. Ничего особенного.

Остались двое. Цезарь, черный как смоль, и Маркиз, тоже черный, но с подпалинами на животе. Самые крупные, доползли до мамкиного брюха первые, остальные семь братьев и сестер опоздали. Один из этих двух должен был жить. Один должен был поехать в соседнюю деревню, к давнишнему знакомому, Николаю-трактористу, у которого полгода назад издохла старая собака, и который ждал новую, именно из приплода Геи.

Николай выбрал Цезаря. Это произошло через месяц. Маркиз и Цезарь уже были крупнее самого большого кота в деревне, росли быстро, и нрав проявляли крутой. Гея сама то в год от роду весила под три пуда, валила человека, просто встав ему лапами на плечи, а эти монстрики обещались быть еще больше. Но остаться должен был только один. Когда Николай забрал Цезаря, Маркиз остался. Один.

Маркиза было уже не засунуть в ведро — слишком большой. Марат позвал его с собой, к пруду. Щенок резво побежал следом. Гея визжала, задыхаясь на цепи, как будто ей перерезали горло. Марат взял щенка за загривок, и погрузил в воду, и держал до тех пор, пока он не перестал дергаться. И даже когда перестал — держал еще минуту, или две. Чтобы наверняка.

Вот теперь он здесь. Они оба здесь. Маркиз и Марат. Кто важней — человек или щенок? В одно мгновение Марату захотелось взять щенка на руки и шагнуть в проем Портала. Это было бы правильно. Наверно.

Потом он поднял голову и посмотрел на лица своих воинов. На их испуганные рожицы, как один с приоткрытыми ртами, с выражением ужаса на лице. Не отрывая взгляда от округлившихся глаз Дианы, он поймал голову щенка в руку. Резкое движение. Щенок заскулил от боли и перевернулся. Тогда Марат прижал его левой, и крутанул еще раз.

— Руку, — сказал он еще грубей, прокаркал, как ворон. Охотница отшатнулась. Наплевать. Десяток рук сразу заменили ее кисть.

Еще одна. Нормально, все нормально. Он — командир армии, комиссар сводного отряда, он не предает своих бойцов. И не разменивает их, даже на породистых щенков.

И опять сзади кто-то есть. Барсук? Ну, давай, сволочь, появись!

— Шпак? — Марат сделал два шага назад от неожиданности. — Андрюха, это ты?

Шпаков Андрей. Один из Братства, тот, с кем они уходили из города вместе с Двадцать Четвертым. Мужлан, стодвадцатикилограмовый богатырь, настоящий товарищ и друг Марата. Человек, с которым они три года делили кров, еду и последнюю затяжку. Отец — русский. Мать — якутка. Марат всегда восторгался его мощью, его неодолимой, нечеловеческой силой, и упорством, что в труде, что в спорте. Широко распахнутые голубые глаза...

— Марат? — произнес Шпак с изумлением. — Это ты? Мы сколько с тобой не виделись, дружище?

— Шпак!

Они обнялись, прижимаясь друг к другу, как будто любовники после долгой разлуки.

— Шпак!

— Маратище!

— Да елки палки, ты совсем седой!

— Да ты сам на себя посмотри!

— У тебя сколько, ёшкин сарафан?

— Трое!

— И у меня, прикинь, трое!

— Ах ты толстая якутская жопа!

— Да сам ты тощая татарская задница!

— Двадцать лет?

— Да какое там, считай двадцать пять!

— Господи, Маратище!

— Кром и сталь, Шпак!

— Кром и сталь, Марат!

Они обнимались еще минуту, и оторвались наконец друг от друга, задыхаясь от восторга. И тотчас же Андрей помрачнел.

— Маратище, — сказал богатырь, и выдернул меч. — Тут такое дело...

— Я знаю, Шпак, — в унисон ответил Марат, и вытащил из земли свое оружие. — Я знаю.

— В общем, ты же понимаешь, что ты должен победить, ты же сволочь, ты меня единственный побеждал, помнишь?

— Я помню, Шпак. Я все помню.

— Ты должен победить меня еще раз.

— Андрюха, ты не настоящий.

— Я настоящий, Марат. Самый что ни на есть настоящий. Меня Наталья ждет, — он называл жену всегда так. Не «котенок», не «лисенок», не «пусечка» и даже не Наташа или Натусик. Наталья, всегда Наталья.

— Режь, — Шпаков Андрей опустил руку с мечом, и задрал голову.

— Шпак...

— Режь, сволочь ты татарская...

Ах, вот оно как...

До сих пор Марат не пролил ни одной капли человеческой крови. Кто-то «наверху» недоволен. Четыре теста. Несколько лет испытаний. Куча уроней и «плюшек». Орда нашинкованных монстров, всевозможных динозавров, зомби, ожившие скелеты, киборги, монстры из глубин, твари из преисподней, ангелы и демоны. Но даже старого человеческого врага Марат убил просто свернув шею, не бросив на алтарь неведомых богов и малой алой капли.

Сейчас — выбор. Или-или. Он не сможет сломать Шпаку шею. Не сможет забить его руками, и даже ногами. Слишком силен, слишком живуч. Да у него шея толщиной с торс обычного человека!

— Режь, — повторил Шпак. — Давай, друг.

— Прости, друг, — только и смог сказать Марат, приставляя холодную сталь к теплой коже.

— Руку, — сказал он сипло.

Еще одна прошла в колыхающуюся гладь портала. Ну, что теперь? Кровь уже пролилась, чего еще от него надо?

— Папа? — сказал голосок сзади, и Марат похолодел, вмиг и сразу. Закостенел всем позвоночником, каждой косточкой. Как вообще можно двигаться в такой ситуации? Но он повернулся, ощущая как скрипит шея.

— Папа.

Дарина, его первая, старшая, скоро замуж. Студентка, отличница, спортсменка, просто красавица. Победительница кучи олимпиад, по математике, физике, кибернетике. Кандидат в мастера спорта по гимнастике, всегда собранная, всегда гибкая, девочка, которая лежа на животе листает учебник геометрии ногой из-за уха...

Он не видел ее уже три года. Три долгих года. Больше тысячи дней. Он соскучился. Он так хотел ее увидеть, и вот — увидел. Две дочки вместе с бывшей первой женой, теперь

жили далеко от России, на том конце земного шара. Каждая знала несколько языков — французский, немецкий, английский, русский, Дарина вроде собиралась учить дополнительно то ли китайский, то ли японский.

— Папа....

— Дарина, звездочка моя, откуда ты здесь?

— Папа, я не знаю, — она едва сдерживалась чтобы не заплакать. — Ты почему весь такой изодранный?

Они обнялись, прижимаясь друг к другу вздрагивающими телами. Какая большая выросла, его маленькая кошечка-крошечка.

— Должен...

— Кто это сказал? — проревел Марат, резко разворачиваясь, и загораживая дочь спиной. — Кто это, черт вас задери, сказал?

Твари... Чертовы гарпии, столпились около камней, ждут. Даже эльфы перестали притворяться безучастными, и тоже подались вперед, тоже чего то ждут. Чего вы ждете, упыри? Я вас всех сейчас! Марат выдернул меч из земли. Потом, чувствуя что уже скрипят не то что кости, а все мышцы и связки — развернулся.

— Дарина, солнце мое и звезды... Ты не настоящая.

— Папа, я настоящая! — вдруг закричала она. — Помнишь, мы остались вдвоем, а надо было доски на крышу наколачивать, мы залезли, у тебя молоток и доски, а гвозди я держала! Помнишь? Мне было так страшно, но все равно, мы справились. Папа!

— Помню, помню моя красавица, — он говорил сквозь туман, и целовал курносый носик, карие глазки, теплые ладошки.

— Помню, конечно, помню, — плакал он от счастья.

— Пойдем вдвоем, папа. Пойдем домой вдвоем. Или останемся здесь, навсегда. Папа, мы построим новый дом, ещё выше прежнего, я буду подавать тебе гвоздики, и не буду бояться, вот увидишь...

Что это за колокол в голове? Что это за гнусный голос, который хохочет и повторяет: «должен остаться только один», только один! Нет, они будут вдвоем, только вдвоем, и никто нам не нужен...

Он закрыл глаза, а потом открыл. Был готов ко всему, и особенно страстно желал чтобы теплое тельце превратилось в смертоносное чудовище, о Господи всемогущий и всемилостивейший, яви это чудо. Только не это. Марат встал с колен, взял левой рукой дочку за плечо, отодвинул от себя, правая рука пошла снизу на размах. Нет. Нет-нет-нет.

— Не надо, папа...

Он снова закрыл глаза, сглотнул, а потом снова открыл.

— Так не честно, — прошептал Марат.

Он дополз до края барьера, скуля как старый больной пёс.

— Руку, — простонал с трудом. — Дайте кто-нибудь вашу чёртову руку, я что, зря что ли...

О Господи, да что же это такое? Проведя очередную через портал, он отпрянул от гладкой колыхающейся поверхности, закрутил головой. Что? Где? Как?

— Что же ты наделал, сын? — послышалось за спиной. Он плавно развернулся, стараясь не потерять равновесия. Да что хоть сегодня с ногами?

— Отец?

— Как же так, Марат? Неужели тебе эти, — отец указал на стоящих за камнями

девушек. — Неужели это для тебя самое важное?

— Ты не настоящий..., - прошептал Марат.

— Ещё какой настоящий! — повысил голос отец. — Немедленно бросай это дело, и идём за мной.

— Пап, — Марат стоял напротив, отчаянно, до ломоты в руке, сжимая клинок. — Нет.

— Да что с тобой? — и тут человек, которому он доверял больше чем самому себе, самый лучший и самый сильный человек на свете, в котором даже сомневаться невозможно — быстро и страшно ударил его лезвием в живот. Почувствовав сталь внутри, Марат ощутил и облегчение.

— Ты не настоящий, — сказал он чуть-чуть более уверенно.

— Руку, — произнес Марат через тридцать секунд. — Следующая... и на сегодня последняя, простите, пока не могу. Придется подождать... Не могу...

Остаток дня он провел уткнувшись лбом в холодный камень. Сидел так час, второй, третий. Не надо, папа. Папа, не надо — пульсировало у него в голове. Что же ты наделал, сын — билось молотком прямо в кость черепа. Тихий писк щенка. Давай, друг. Не надо, папа... и так по кругу, в десятый, и сотый, и тысячный раз. Кровь текла из раны, потом перестала, а потом и вовсе засохла, оставив на одежде темно-коричневое пятно. Любого кто приближался он отгонял движением руки и странным карканьем. А что, если... это они и были... быть не может... Барсук же вот снова появился, значит это химера, это всё не настоящее. А вдруг?

Надо быстрее, надо быстрее туда, обратно, домой, проверить, убедиться... да быть этого не может, просто не может быть.

Потом оторвался от камня, и заглянул за барьер. Напротив него стоял Барсук. Поигрывал мечом.

— Ну как, очухался? — нагло оскалился он прямо в лицо. — Хочешь еще?

— Когда-нибудь... я увижу, как плачут кровавые боги, — беззвучно, одними губами ответил ему Марат.

Потом были еще люди. Много. Разных. Мужчины. Женщины и дети. Последним он давал ударить себя мечом. Только по одному разу. Потом убивал всех — быстро, жестко, без мучений. Горло, сердце, сзади под лопатку. Тела исчезали, но кровь оставалась, она была везде — под ногами, на руках, брызгами на камнях.

— Руку...

Потом быстрый разворот, удар, иногда два.

— Руку.

Марат превратился в обычную машину смерти, мясника, который зашел в сарай, полный животины. Соберись, слюнтяй. Вот чей-то сын. Или дочь. Чей-то муж или жена. Чьи-то мать и отец, бабушка и дедушка. Важно?

Это важно?

Да неужели?

— Руку...

Это была предпоследняя. Осталась последняя. Марат поднял голову чтобы взглянуть ей в лицо, и понял, что перед ним стоит "Дыбенко".

— Это, Ксюха, слушай, — он с трудом ворочал языком. — Еще раз скажи свой телефон. Я тебе позвоню. Как выйду, через сутки позвоню. Хорошо?

— Да, хорошо, — отозвалась она, и продиктовала номер, который Марат и так уже

помнил, просто решил проверить, вдруг забыл.

— Але, голубки, долго вы там? — раздался сзади голос.

Марат повернулся. Барсук стоял перед ним, чистенький, веселый, поигрывал мечом.

— Ну что, — неожиданно сказал Марат. — Ну, здравствуй еще раз, в последний раз, мой добрый старый враг. Может, покурим? — и он протянул Барсукову замызганную в крови пачку. Барсук, неуверенно улыбаясь, потянул сигарету. Ненависти не было, совсем. Старая, закоренелая, ноющая черная ненависть словно испугалась, убежала, растворилась в крови. Просто два человека, среди камней, и с мечами.

— Барсук, — спросил Марат. — Ты помнишь вы меня вчетвером на школьном дворе зажали? Я еще драться не стал, забежал в здоровую лужу, стоял, пока вы там на берегу прыгали? Я потом знаешь, как сильно заболел? Наутро и слова не мог сказать, горло не слушалось, вот умора. Прикольно было, да? Олег?

— Да, ничего, весело, — согласился Барсук.

— Руку..., - произнес Марат через пять минут.

Наконец остался один. И еще эльфы. На сгибающихся ногах он вышел из "Стоунхенджа".

Собрал палатку, посмотрел вокруг — не забыл ли чего? Некоторые из эльфов натянули луки, взяли его на прицел.

— Да ухожу я, ухожу, — пробормотал Марат. — Достали уже со своими страхами.

Вывалившись из портала в уже знакомую комнату выхода, он быстро рванул к заранее оставленной сумке.

«Вы можете продолжить прохождение Теста в течении 72 часов, если по истечении этого срока вы отказываетесь от прохождения — результат теста аннулируется. Вы можете выбрать дополнительное умение». Да-да, я понимаю.

«Выберите дополнительное умение». Да чтоб вас!

Но на долю секунды Марат все-таки остановился. Дополнительное умение было всего одно: «Полная контролируемая трансформация». Хорошо. Хорошо! Отстаньте наконец!

Так, надо переодеваться, нельзя в таком на улице. Да и зайти могут в любой момент, не хватало еще для полного счастья. Чистая тряпка, вода — все окрасилось в красный цвет. Полотенце. Просушить голову. Черт побери, он на кого вообще был похож? Это, мать-перемать, чья это кровь? Где телефон? Вот, заряд на девяносто девять процентов. Дрожащими руками ткнул в знакомую строку. Гудки. Холодея с каждой секундой, Марат ждал. И вот щелчок. Он сполз по стене, в голове звон, язык не ворочается.

— Да, — сказал знакомый до боли голос. — Привет, сын. Чего случилось?

Ох, как бы не разреветься теленком прямо в трубку.

— Привет, пап. Нет, просто звоню, решил поведать. Просто решил позвонить...

Вечером он рассказал все Юте. От начала и до конца, пытаясь не упустить важных мелочей. Жена, сначала надув губки, осведомилась:

— Всех ли там подопечных перетрахал? По одиночке, или сразу скопом?

Потом, после рассказа о бойне в Стоунхендже, помрачнела, и погладила его по голове:

— Бедный мой воробушек.

Она видела, во что превратилась одежда, тряпки и полотенце, но не совсем поняла поначалу — что именно пришлось пережить мужу.

— Меня там не было? — осведомилась она.

— Слава тебе Будда, не было, — ответил он.

Весь рассказ, теперь, когда было ясно что всё было «типа понарошку», не занял и получаса. После Марат продемонстрировал приобретенные умения. «Наш ответ Халку» вышел просто потрясающим. Марат, когда увеличился, стукнулся головой о потолок, а силищу чувствовал такую, что был уверен — ткни в железобетонную стену кулаком даже не в половину, а в десять процентов от мощности — прошибешь насквозь. Это потрясло.

— Только не вздумай в постели такое сделать, понял? — сразу предупредила Юта, оценив то, что оказалось в штанах, бесцеремонно оттянув резинку и так до звона натянутых трусов. Они смеялись, так долго, громко и весело, что разбудили дочь, и Марат мгновенно уменьшился. Аккуратно, но изо всех сил ещё раз прижался к маленькому тельцу, вдыхая теплый воздух через распушенные кудряшки.

— Это не тест, — сказал он наконец. — То есть для «них» это тест. Они нас тестируют, отбирают, сортируют. А для нас это тренировка. Меня для чего то готовят, Люгер. Для чего то очень большого и важного.

Она задумалась на несколько секунд, а потом сказала:

— Надо бы нам с тобой тряхнуть этого Олега Олеговича. Который в офисе сидит. Пусть выкладывает все что знает. Начнет брыкаться — закопаем. Ты ведь сможешь?

— Еще как смогу, — отозвался Марат.

Через день, как и договаривались, Марат позвонил Оксане. Юта сидела рядом и приготовилась слушать. Первый раз трубку никто не взял, зато на второй знакомый голос отозвался практически мгновенно.

— Да, алло.

— Дыбенко, это Маузер, — произнес Марат.

— Кто? — спросил голос в трубке. — Вам кого?

— Савельева Оксана, — в голосе Марата прорезалось разочарование. — Маузер вызывает Дыбенко.

Марат бы даже удивился, если бы получилось по-другому. Что бы ты не сделал, из какой бы задницы не вытащил, и сколько бы раз не спасал — а обыватель этого не оценит, не заметит, не поймет, и скоро, буквально через две недели — просто забудет. И они, его славные девчонки — тоже забыли, они не знают, и не поверят, расскажи им всё, как было.

Ты положил на алтарь победы все самое ценное что у тебя есть — но тебя в любой момент могут спросить — ну и на хрена это было нужно? Это вообще была игра, а ты — лишь игрушка в чужих замыслах... Хорошо ещё не распнут и не выпотрошат прямо на этом алтаре. Если это может сломать революционера — то это не революционер.

И все равно испытывать разочарование, каждый раз... тяжело... Но они просто слабые. А Марат — нет. Он спокойно все выдержит, и тогда, и сейчас, и даже глазом не моргнет...

— Что за шутки? — отозвался динамик. — Вы кто?

— Я практически уверен, — произнес Марат нажимая кнопку отмены вызова, и обращаясь к Юте. — Что в сейчас в Тест не мы переносимся, а нас переносят. То есть переносят в теле, которое для нас было заготовлено. Или изготовлено, во время выбора амулета или оружия. Во время «первого раза». А обратно последние три испытания я возвращался через портал, такого в первый раз не было. То есть это не мое тело, — сделал он наконец вывод. — То есть если я облажаюсь, и не пройду, то меня вернёт обратно, в мое исходное тело с нулевой памятью. Вот оно как то так. Так что Олега Олеговича Разина мы проведем, и побыстрей, пока есть такая возможность и способности.

— Что дальше? — спросила Юта.

— Дальше? — на миг задумался Марат. Дальше у него было много планов. И в эти планы никак не входила его собственная смерть или внезапное исчезновение. В этих же планах было очень много места отведено его новым способностям.

— Ты знаешь, я очень зол сейчас, — сказал он медленно. — А когда я зол я становлюсь опасен. Злость моя исходит из страха. Я боюсь неизвестности, боюсь по настоящему потерять... Я чувствую себя подопытной крысой, которую запустили в лабиринт, и теперь смотрят — что, и как. Вот только я не крыса.

— Тестируют? Да на здоровье, — продолжал он дальше. — Хотите узнать предел моих возможностей? Без проблем. Вот только и у меня вопросов скопилось много. Но никто не торопится на них отвечать. У меня такое ощущение, что я... Нет, даже мы — опять под обстрелом. И задача наша — выжить, и пойти и посмотреть, что за сволочь гасит по нам из минометов... Помнишь, Люгер?

— Помню, — тихо отозвалась она.

— Помнишь, мы ведь дошли, и спросили, но на той стороне тоже никто не знал нужных ответов. Ответы мы должны дать себе сами. А для этого нам нужна информация, хотя бы кусочки и обрывки... Единственное место, где мы ее можем получить, место с которого надо начинать — это чертов двести девятнадцатый офис, в котором сидит старый мент Разин, Олег, мать его, Олегович... Ладно, предположим даже, что он ничего не знает, или знает очень мало. Но тот, кто его туда посадил — наверняка знает больше!

— Он ведь так просто ничего не скажет, — задумчиво проговорила Юта. — Как понимаю, это старый опытный волчара, по твоим словам.

— Да уж, в «верю-не верю» с ним играть бесполезно. Ещё и переиграет нас обоих, пень старый. Так что начнем сразу со второй категории допроса. На третью у нас времени не будет, и чувствую, что "расколется" он только на последней, критической стадии..., — медленно продолжал говорить Марат, и Юта понимала, что уже всё, решено, осталось только подрихтовать детали — и план превратится в действие.

— Ты берешь на себя вторую стадию, — продолжал меж тем Марат. — Все помнишь? То есть при первой же возможности отрабатываешь его, как на занятиях. Ослепить, оглушить, свалить, онемел, резкая боль, несколько раз, в нервные узлы...

— Да помню я все, — раздраженно ответила Юта. — А почему я?

— Котенок, прости, придется... я, блин, не очень сейчас контролирую свое тело, не привык ещё. Я случайно ударю, и все, критическая стадия...

Жена поджала губы.

— Ладно, — сказала наконец Люгер, видно было что она уже несколько раз в голове прокрутила свои действия. — Будем надеяться, что сработает.

В свое время они с Маратом много раз прорабатывали методы нестандартной защиты и нападения, часами занимаясь в спорткомплексе "Евпатий", где директором был ветеран всех последних войн и войнушек, коммунист с позывным Тренер. Жизнерадостный и огромный мужлан, который мог двигаться с грацией пантеры — это в пятьдесят пять лет и с весом под сто тридцать килограмм... Именно он показал Маузеру и Люгеру, а потом отработал с ними до автоматизма — как нужно бить человека, сидящего перед тобой — в глаз карандашом. Как правильно бить в нос. В пах. Куда бить лежачего, со связанными за спиной руками, или в наручниках спереди. Как обычным столовым ножом, и не менее обычной парафиновой свечой очень быстро и без единого звука заставить человека говорить правду, и только правду. Куда и с какой силой надо ударить, чтобы человек забыл, что с ним происходило в последний час, а может быть и день. Много, очень много других полезных вещей передал Тренер своим довольно многочисленным, но сугубо добровольным ученикам, отрабатывая все движения до автоматизма, на манекене, а потом и на человеке, закованном в доспехи.

Иногда и без доспехов — когда учились имитировать, или наоборот — скрывать собственную боль.

— Ну почему так! — Марат легонько стукнул по столу, боясь неосторожным движением проломить столешницу. — Вот почему с этими чертовыми полициями всегда так?

Юта наморщила носик. Потом улыбнулась, озорно и весело. Они оба много раз побывали бывали в подобных ситуациях. Их допрашивали. Но и они спрашивали. Все честно, сколько выдержишься — на столько и молодец...

И все-таки была одна категория людей, на которых все эти умения действовали плохо, а иногда вообще не действовали. Те, кто сами хотели получить ответы на вопросы. Человек мог прикидываться уставшим и пожилым, с одышкой и красными от недосыпания глазами. Мог обернуться добрым другом, который просто горит искренним желанием помочь. Просто так помочь, от широкой души и большого сердца. Он мог говорить правильные вещи, вспоминать себя самого, такого горящего жаждой справедливости к всему плохому что есть в этой жизни.

Но все это была ложь. Это были люди, которые просто хорошо знали и умели делать свою работу. Они не были плохими, или хорошими — они были просто винтиками, удерживающими Систему. А сама Система очень не любила, когда кто-нибудь без спроса трогает ее винтики и гаечки. Сама она могла смолоть в порошок любого, и винтика, и гаечку, и даже шестеренку — не взирая на статус, прежние заслуги и умения. Но не кто-то другой...

Работа этих, конкретных винтиков заключалась в том, чтобы никто и никогда не узнал о реальных планах. Только наверх они отчитывались четко составленными рапортами и докладными записками. Обычный обыватель не должен был знать наверняка — вообще ничего. Ведь любой обычный человек — это потенциальный подозреваемый. А подозреваемый не должен знать правду, ему хватит гипотез, ложных догадок, недомолвок.

Поэтому разговор с любым полицейским превращался в сущее бедствие, особенно для оппозиционеров, и уж тем более революционеров. Юта и Марат прекрасно понимали, что просто так, понимая кто они на самом деле — ни один полицейский, да и вообще спецслужбист, особенно «полевик», оперативно-уполномоченный — не скажет им вообще

ничего, даже отдаленно похожего на правду.

Два обычных, банальных вопроса, которые можно задать любому по телефону, и получить внятный ответ... Несколько слов: «Скажи мне, что ты знаешь? И скажи имя того, кто знает больше тебя?» — превращались для Разина, Олега Олеговича, майора, бывшего оперуполномоченного полицейской службы — в смертный приговор.

Только на последней, критической стадии, когда человек получает несовместимое с жизнью ранение, если не будет оказана экстренная помощь, и каждая секунда — это вопрос жизни и смерти — только в таких условиях эти люди могли сказать хоть что-то стоящее.

Марат и Юта это знали очень хорошо, даже — слишком хорошо. Они не испытывали никаких иллюзий по этому поводу. Их не обманывал внешний вид, мнимая беспомощность и незащитность, участливый взгляд и водопад слов. Они знали, что скрывается за этим фасадом, и в подобных ситуациях у них даже не возникало вопроса: есть у них право, или нет. Они обязаны были это сделать...

Поэтому Олег Олегович Разин был обречён.

Штурм офиса.

Бывшему майору было не по себе. Он не сидел больше за столом, не пялился в экран компьютера. По большей части он стоял у окна и смотрел на улицу. Майору было страшно. И от этого — не по себе. Он видел в жизни много всяких опасных людей — военных, спецслужбистов, закоренелых рецидивистов, просто сорвиголов, которым море всегда по колено. Но они были словно не настоящие, на вид опасные, а на самом деле не очень. А этот «Иванов»... О, да, вот этот то как раз был самый что ни на есть настоящий. На вид совсем не опасный, а на самом деле...

Олег Олегович, не взирая на подписанное соглашение о неразглашении, на следующий день после встречи с Маратом, отправился в главное управление, дождался там своей очереди и выложил все, от начала и до конца своему бывшему начальнику, подполковнику Гаврилову.

Гаврилов, которому до пенсии оставался еще год, поначалу встретил Разина радушно, но под конец беседы стал очень серьезным.

— Не выдумываешь?

— Да ты что, Сергеич, какое выдумываешь, — почти обиделся Разин. И сразу же насторожился, почувствовал неладное. — Чего, Сергеич, я тут не первый с такой проблемой?

— Да... как бы тебе сказать, в нашем городе вроде первый. А вот кое-где еще... Поступила, понимаешь, разнарядка...

Олег Олегович прекрасно понимал, какая разнарядка может поступить в его случае. Набор героев для спасения человечества. Смех и грех. В общем, разнарядка тут может быть только одна: смотреть, наблюдать, фиксировать, докладывать — но не вмешиваться. Еще не хватало стать посмешищами для очередной передачи розыгрышей, бесплатными комиками на потеху миллионам телезрителей. Не смотря на то, что майор трижды повторил подполковнику, что необходимо как минимум взять ситуацию на карандаш — сегодня он не видел никаких подвижек. Ни тебе «наружки», ни стандартного патруля рядом, вообще пустота, будто и не было ничего.

Внимание Разина привлекла девушка, которая направлялась, по всей видимости, к нему в офис. Эффектная девица, такую за километр видно. Точеная высокая фигурка, гордо задранная голова, подбородком вперед-вверх, рыжая копна волос, кожаная куртка, шейный

платок, синие джинсы в обтяжку, и... берцы. Не хватает еще кобуры на поясе. И коня, на которого красавица, в случае опасности, вскочит, и, выхватив шашку, ринется в атаку. Валькирия, натуральная. Точно, к нему.

Ух, такая, и в постели, наверно, истинная фурия...

Олег Олегович успел вернуться в кресло, когда дверь открылась. Девушка, чеканя каблуками берцев, вошла в офис, тряхнула волосами как гривой, и улыбнулась идеальной голливудской улыбкой, показав майору ровный ряд белых жемчужных зубов, заиграв ямочками на щеках.

Ямочки на щеках? Да это же...

— Зам-при! — приказал бесцветный голос из-за спины валькирии. Именно приказал, и не выполнить это приказ было невозможно. Тем более что это слово, отданное командой, которым так привык подчиняться майор — заодно подкреплялись пистолетом, дуло которого смотрело майору прямо в лицо.

Валькирия шагнула вбок, из-за ее спины показался тот самый «Иванов-Маузер», как-то очень мягко и практически в один шаг зашел за спину Разину, и майор почувствовал, как его левую, а потом и правую руку заводят назад. Послышался характерный лязг, и Олег Олегович понял, что лучше вообще не дергаться. Девушка больше не улыбалась. Теперь она смотрела на майора как на диковинное животное, с небольшой брезгливостью. Потом подняла руку, щелкнула предохранителем (Разин вдруг понял, что все это время у нее в руке был пистолет, самый настоящий немецкий Парабеллум, чрезвычайно удобный «Пэ-ноль-восемь», который называли еще Люгером) — и спрятала оружие в глубину куртки.

— Если не будешь кричать, то зубы останутся целы, — сказала девушка вполголоса. — А также глаза и яйца.

Она зашла сидящему в кресле майору за спину, рывком отодвинула его от стола.

— Где тут у нас тревожная кнопка?

Разин молчал. Тревожной кнопки не было, но пусть поволнуются.

— В молчанку что ли решили проиграть? — почти прошептала она ему на ухо.

Разин похолодел. Тонкие женские руки скользнули ему за пазуху, словно лаская проехали по груди, и скользнули вниз.

— Что тут у нас? — спросил веселый голосок. — О, пушка!

Да, сегодня Олег Олегович Разин, выходя из дома, поднялся на этаж выше, к картофельному ящику, открыл его, вытащил деревянный клин, а потом с его помощью приподнял сам ящик. Из пыли под ящиком достал на свет коробку, завернутую в тряпку. В коробке лежал его «личное» оружие, изящный и тонкий продукт оружейников Тюрингии, с именной надписью, почему то на испанском. Взял его тайно, на одном из обысков, тем более что оружие было абсолютно «чистое», ну не было на территории России за последние десять лет застреленных из редчайшего калибра 6,35.

Он редко им пользовался. Точнее, стрелял из него вообще один раз. Просто иногда, максимум раз в год — брал с собой, на всякий случай. Сегодня как раз был такой случай. Вот только пострелять ему сегодня вряд ли удастся.

— Эй, майор, а ты в курсе, что этот Вальтер именной, выпущен ещё до войны и предназначался скорее всего офицеру, скорее всего СС, да только не попал, — Юта откровенно насмехалась. — Майор, а вообще ты в курсе сколько народу погорело на нелегальном оружии?

Разин предпочел промолчать. Хотя познания красавицы его озадачили. Вообще он был

здорово удивлен, как действовала эта странная «команда». Первым делом, после наручников, «Иванов-Маузер» порывлся в рюкзаке и наклеил на входную дверь табличку «Закрыто», и вдобавок к замку заклинил дверь скобой. Чтобы те, кто имеют ключ — не сильно обольщались... Потом еще раз вернулся к рюкзаку, достал простынь и закрыл ею с помощью скотча теперь уже стекло на входной двери. Наручники, скоба, табличка, простыня и даже скотч не забыли взять. Серьезные ребята, не поспоришь. Меж тем Маузер уже закрывал жалюзи на остальных окнах. Около бронированной двери поставил тумбочку, приподнял ее, заклинил. И начал обыск помещения, как заправский опытный оперативник — с левого дальнего угла, не упуская ни одной мелочи.

«Ищи-ищи, — злорадно подумал Разин. — Может найдешь вчерашний день».

Он в свое время тоже обследовал это посещение на предмет скрытых камер, микрофонов и прочей аппаратуры — и ничего не нашел. Кроме камеры над входом — ничего не было.

Юта продолжала обследовать трофей.

— О, какой редкий калибр — сказала она с легким налетом уважения, вытащив магазин из пистолета, а потом вставив его с щелчком обратно. Потом, вновь вернувшись к насмешливому тону, спросила про выгравированную надпись:

— Эмм, «моему храброму рыцарю»? Как это будет по-испански?

— Это не мое, — сказал наконец Разин.

— Кто подарил? Жена?

— Нет.

— Страстная любовница? С горящими как уголь глазами?

— Нет. Это не мое, — еще раз произнес Олег Олегович.

— Да я думаю ты не то что любовницу-испанку займешь, — презрительно процедила Юта. — Ты и двух слов подряд по-испански сказать не сможешь.

— Ладно, мне пригодится, — сказала она уже совершенно равнодушно, и сунула игрушку в карман за пазуху.

— Слушай, Люгер, — решил теперь первым нарушить молчание Разин, и сказал как можно рассудительней. — Ну зачем тебе Вальтер? Тебе что, Маузера мало?

Красавица перестала улыбаться, и майор понял, что попал, сразу, в точку, в нужное место. После посещения бывшего начальника, он заскочил в отдел «Э», и кое о чем поспрашивал. Там ему много что рассказали. В частности, о том, что бойцы нелегальной Красной Армии любили давать себе оружейные клички. Они их называли позывными, так как часто использовали напрямую в горячих точках... Вальтер там, Маузер, Люгер, Магнум, Глок, ТТ, Стечкин, Кольт, Наган, Манлихер... или вообще — Калаш. Оружие революции, понимаешь... Понятно, что с этим Вальтером что-то было, и по всей вероятности — не очень хорошие остались воспоминания.

Тут Разин, взглянув еще раз на валькирию — увидел, как ее глаза подернулись холодным пеплом, и совершенно отчетливо понял — кем был этот Вальтер, и что с ним случилось.

Ещё майор понял, что его сейчас будут бить. И бить его, впервые в жизни, будет очень красивая женщина, надо будет запомнить ощущения.

Первый удар майор пропустил. Это был совсем не сильный удар, и даже не неожиданный. Она ударила его с размаху ладонью прямо в нос. Разин мгновенно ослеп, в глазах кругами пошло тёмное марево, выступили слезы, как и полагается после такого.

Потом он оглох. "Ладонью в ухо", — сообразил майор, и с изумлением, сквозь звон в голове, понял что лежит вместе с креслом на полу, наручники огнём впились в запястья. Тут еще и воздух некстати закончился.

"Ногой в солнечное, — продолжал подсчитывать повреждения задыхающийся майор. — Сейчас будет..." Страшно даже подумать, что сейчас будет, и Разин изо всех сил постарался скрючиться, прикрывая важную часть тела, но вместо этого удар пришелся ему ровно в сухожилие и нерв под ягодицей, отчего он совсем перестал чувствовать правую ногу, и попытался крикнуть. Именно что попытался, потому что бешеная фурия так пнула его в живот, что из горла вырвался лишь жалкий сип, а потом и голову мотнуло от удара каблуком в затылок так, что чудо, как ещё она удержалась на шее...

Ослепший, оглохший и онемевший майор, пробиваясь сквозь туман вокруг сознания, вдруг совершенно отрешенно подумал, что ещё не десяток, а всего пяток таких ударов, и он превратится в котлету, в совершенно безжизненный кусок человеческого мяса. Точнее, всего через один удар. В висок, с размаху, с разбегу, как вратарь от ворот, носком берца...

— Люгер, хватит, — вдруг донесся спокойный голос откуда то издалека. — Что за дурацкая привычка играть людьми в футбол?

Непонятная сила подняла майора в воздух, встряхнула.

— Ты меня слышишь, Олег Олегович? Кивни, если слышишь.

Майор помотал головой, как смог.

— Слушай сюда, Олег, свет Олегович, — продолжал спокойный голос, и с многозначительными паузами начал объяснять ситуацию дальше:

— Ты, верно, хочешь сейчас закричать, и думаешь, что терять тебе особо нечего. По идее тебе сейчас нужно вставить кляп. Но у тебя, скорее всего, ушиб живота, и ушиб мозга, скоро будет тошнить, и если тебе вставить кляп, ты через пять минут сдохнешь, захлебнувшись собственной блевотиной. Ты меня понимаешь?

Честно говоря, Разин уже с трудом сдерживал тошноту, и действительно, кляп ему решительно был не нужен. Эти психи, небось, даже спец-кляп с собой взяли...

— Поэтому, — равнодушно продолжал голос. — Вести себя, Олег Олегович, ты будешь тихо и спокойно, очень тихо отвечать на заданные вопросы, и только и исключительно на них. Ты меня понял? Кивни.

Разин ещё раз покачал как смог головой, а через мгновение осознал, что его держат за шиворот как котёнка. Одной рукой. Кто-то очень здоровый удерживает его отнюдь не тщедушное стокилограммовое тельце одной рукой на такой высоте, что майор не задевал пол даже носками ботинок. Он что, пропустил третьего боевика, не заметил как Шварценеггер вошёл в помещение?

Майора еще раз попытался достать ногами до пола. Нет. Невозможно. Его держат за шиворот, на одной руке, совершенно не напрягаясь. Держит маленький мужичок ростом сто семьдесят, и весом едва ли больше шестидесяти кило.

Потом Олег Олеговича усадили в кресло. Можно сказать — аккуратно положили, словно он был какой-то большой ростовой куклой, манекеном.

— Майор, слушай, — сказал спокойный мужской голос. — Я тут тебе на голову мешок надену...

И на голову Разину действительно надели мешок, настоящий мешок для школьной обуви, недавно купленный (может быть вообще сегодня), пахнущий свежим пластиком.

— ... ты реально постарайся не дергаться, — продолжал «Иванов-Маузер». — Это не

для того чтобы ты чего то там не видел. Просто если дергаться начнешь, она тебя пристрелит. В голову. А мне потом твои мозги по стенам собирай. Так то с мешком ничего особо не разлетится, большей частью в нем и останется...

Майор напряженно вникал. Даже мешок заранее купили... На минуту майор представил себе череду картинок. Вот эта сладкая парочка встает с постели, умываются, будят дочку, завтракают, ведут ребенка в садик. С улыбкой сдают ее воспитательнице. Потом возвращаются домой, подхватывают заранее, с вечера приготовленные рюкзаки, подгоняют одежду. Обмазывают пальцы моментальным клеем. Проверяют оружие. Кому-то звонят, говорят в трубки какую-то непонятную обывателю ерунду, и оставляют телефоны на трюмо в прихожей. Берут рации с того же трюмо. Заходят в магазин купить скотч и мешок для обуви. Разделяются, и не теряя друг друга из виду, идут по одному, только им известному маршруту.

Меж тем убойная парочка продолжила обшаривать помещение. Хлопали дверцы шкафчиков. Открывались полки столов. Щелкала клавиатура. Закипел чайник. Майор не смог сдержать ухмылки. Ну, чайник то они с собой не брали, его личным воспользовались.

— Люгер, ты что будешь? Тут и чай есть, и кофе. Чай? Хм, смотри, как странно. На чайнике есть наклейка, это наверно его чайник. А на всем остальном — нет наклеек, и вообще маркировок нет. Вообще ни на одной вещи. Тут все из ниоткуда... кроме чайника.

А вот майор на это не очень обратил внимания. Маузер прав. Точно, Разин же еще подумал об этом в первый день, тоже обследуя помещение своего текущего места работы, но не придал значения. Но он то искал просто скрытые камеры, думал — будут следить, записывать, как он индивидуально-самостоятельно справляется со служебными обязанностями.

— Ладно, — сказал Иванов-Маузер, и сдернул мешок с головы майора.

— Давай. Разин, Олег Разин. Олег Олегович Разин... Выкладывай что знаешь. Хот сначала слушай, что я скажу, — начал Марат. — Вот как ты думаешь, что за этой дверью? — и он кивнул на бронированный выход из офиса.

— Я тебе скажу, приоткрою завесу тайны. Хотя, может ты сам нам расскажешь? А? Ты ведь в курсе, что там? — Маузер внимательно наблюдал за лицом майора, анализируя каждое движение.

Вот тебе раз... Да этот Разин либо реально не знает ничего, либо притворяется на высшей ступени профессионализма. Ладно, попробуем с другой стороны...

— Так вот, майор. То, что там происходит — это не деяния рук человеческих. Там людей убивают. По-настоящему. Расстреливают из пулеметов. Едят заживо. Разрывают на части — руки в одну сторону, голова в другую. Плющат в лепешку. Там тебя на кресте распинают, и смотрят, что ты будешь делать, пока твоих близких на части потрошат, а иногда тебе это самому приходится делать. Там слабакам не место. Там, за этой дверью, нужны вот такие, как я. Или она, — Марат кивнул на Юту.

Нет, ничего. Никакой реакции, ни грамма опасения. Как будто сказку взрослому рассказываешь. Ладно, есть ещё козыри...

— А хочешь знать, майор, почему именно ты в этом офисе сидишь? Почему именно с тобой такое произошло? Неужели не интересно? — Марат улыбнулся. А вот теперь есть реакция. А человечешко то у нас любопытный, привык задавать вопросы и докапываться до сути.

— Странно, да? Непонятки сплошные, — продолжал говорить Маузер. — Вот почему

майора в отставке, специалиста по экономическим преступлениям, а до этого работавшего по тяжким... у которого по жизни одни только благодарности да поощрения, даже боевая награда — и вдруг вспомнили? Ты думал, мы тебя не знаем, Олег Олегович? Позывной на спецоперациях "Джеймс Бонд"?

Разин едва заметно поменялся в лице.

— У нас ведь работа такая, — продолжал говорить Марат, как будто ничего не замечая. — Такая же как и ваша работа, только с другой стороны. Но тоже знать всё, и про всех. У вас есть люди среди нас. Но и у нас есть свои люди. Среди вас. И нам их даже вербовать не надо. Кто сам приходит, с кем то учились, с кем водку пили вместе в одном дворе. К вам обращаются, когда кто-то нарушает закон. А к нам — когда требуется справедливость. Понимаешь?

— Эх ты меня удивил, тварь краснозадая, — сквозь зубы процедил Разин.

Марат с трудом удержался, чтобы не потереть руки. Добыть достоверную информацию о человеке, уволенном из органов десять лет назад — не так то просто. По всем запросам выходило так, что Олег Олегович действительно рыцарь без страха и упрека, отличный сотрудник, ни одного пятнышка, английский разведчик с идеальным послужным списком.

— Продолжим, — сказал Маузер. — Вот как ты думаешь, что бы случилось, если на твое место в этом офисе посадили обычного гражданского, заурядного обывателя? Сидит он здесь такой, скучает, героев для спасения человечества анкетировует. Дверь у него в офисе бронированная. Это же вообще само по себе странно, да? И что бы случилось? Да если бы он пришел с такой информацией в органы, его бы выслушали, заинтересовались, и начали копать. Вдруг что интересное? Ну наружное наблюдение бы установили, для начала, прослушку там... Так? А вот если ты придешь, в свои органы... Тоже бы выслушали, тоже заинтересовались. Только зачем копать самим, и ставить даже наружку, если у нас прямо в офисе сидит настоящий матёрый сотрудник, специалист-профессионал, пусть и на пенсии? Вот он, то есть ты — и копай. Сиди, зевай, отмечай — всех делов! И отчеты и рапорты не нужны. Ты и работу делаешь, и не при делах, не нужно тебе никому отчитываться, ни в бумажной, ни в устной форме. Замечательно, правда? Изящно, я бы даже сказал. Дерево, спрятанное в лесу.

— И кто-то это дерево спрятал, — в голосе Маузера прорезался металл. — Нам нужно знать — кто? Очень желательно — зачем? Потому что это меня там, за этой дверью, жрут заживо, рвут на куски, я ловлю пули грудью, меня заставляли делать такое, что до сих пор, когда вспоминаю — руки начинают дрожать. Представь. У меня. Дрожат руки... Можешь себе такое представить?

Разин медленно, сквозь туман и звон — поднял голову и посмотрел в стальные, немигающие глаза собеседника. Да, действительно, трудно представить, что у этого может хоть что-то дрожать... Все-таки здорово его фурия приложила по черепу. Не голова, а туманное чугунное ядро. Да так ловко, как будто сто раз делала. Ни одного лишнего движения, все в точку... Вот тут то Олег Олегович понял, что обречён, чтобы ему не пообещали — он не выйдет из этого офиса. Только если по частям, небось и мешки у них специальные для этого есть. Слишком хорошо они знали, на что идут. Слишком хорошо он понимал, кто они такие.

Разин вдруг вспомнил отвратительный фильм, который смотрел очень давно, превознемогая себя. Он назывался — "Жмурки". От известного режиссера, о бандитских буднях. Там тоже был служитель закона, маленький, продажный и говнистый. Но даже его

пришлось допрашивать, применяя "последний" метод. То есть нанеся смертельную рану, пронзив лёгкое и вытащив нож — дать человеку лишь несколько минут до неизбежной смерти. Тело, чувствуя как жизнь стремительно его покидает, попытается обмануть даже собственный разум, готово на все, на любую сделку, только бы помощь пришла вовремя, только бы заткнули хоть чемнибудь эту дырку, хлещущую кровью при каждом вздохе. Как Разин с сослуживцами называли этот способ, чуть ли не единственный, способный разговорить даже диких горцев? Исповедь? А, нет, "Покаяние". Точно... Решались сразу две проблемы. Сведения можно было получить ценные, и с пленными в горах не нужно возиться...

— Камеру наверх? — прервала воспоминания майора Люгер, отвлекая Марата. Тот посмотрел на телефон и моток проволоки в ее руках, потом на потолок, забранный панелями.

— Да, я ее потом сам закреплю, и подключу.

Вот так. Вот и всё, подумал Разин. Неважно, что говорить. Он исчезнет, а они оставят здесь обычный телефон, постоянно на зарядке, и транслирующий видеосигнал в режиме онлайн. Просто будут смотреть — кто его ищет, и что вообще будет потом.

— Смотри, какое у меня к тебе есть предложение, — снова заговорил Марат. — Ты наводишь нас на людей, которые тебя сюда посадили. Мы понимаем, что ты пешка, и даже твоя информация, то что тебе сказали — может быть дезинформацией. Ты просто даёшь наводку. Ты понимаешь, что просто так мы тебя отпустить не можем. Но у нас есть выход. Люгер сейчас вколет тебе наркотик, он сильный, реально, станет даже непонятно, в какой ты реальности, и я тебя ударю. Очень сильно. Так, что тебе придется трепанацию делать. Так, что ты после операции даже язык родной забудешь. Но ты забудешь не только язык. Ты забудешь вообще, что происходило сегодня с утра. Сотрём тебе память, вот таким жёстким способом. Стопроцентная гарантия, осечек не бывает. Но ты будешь жить, наслаждаться этим миром, внуками от твоего единственного сына. Как тебе такой расклад? А? Люгер, покажи ему шприц.

Юта, немного покопавшись в нагрудных карманах, действительно вытащила одноразовый тонкий шприц, и щёлкнула по нему ногтем, как будто выгоняя воздух.

Разин посмотрел на красавицу со шприцом, потом снова на Марата.

— Хорошо, — сказал наконец майор. — Я скажу. Подвинься ближе, тут может быть прослушка.

Марат наклонился вперёд, но не настолько близко, чтобы его можно было достать. Олег Олегович глубоко вздохнул и сказал как можно громче и чётче:

— Да пошел ты нахрен, обезьяна краснозадая, вместе со своей трипперной сучкой.

Юта рассмеялась. Ёе смех напоминал звуки, как будто кто-то бьет маленьким молоточком по хорошо закаленному клинку.

— С виду тюфяк, а хорош, — сказала она сквозь смех.

— Понятно, — вздохнул и Марат, а потом достал нож. — Мне реально жаль, что мы по разные стороны баррикад, и я даже ума не приложу, почему так получилось. Люгер, достань памперсы, несколько...

Тут в дверь постучали. Все замерли, а потом майор хрипло засмеялся:

— Ну что, ребятки? Допрыгались? А вот и кавалерия.

Молодец Сергеич. Не подкачал. Сейчас будет вам, граждане штурмовики, самый настоящий штурм.

— А у нас на каждую кавалерию... есть своя артиллерия, — немедленно отозвался тот, кого называли Маузером. Голос его из спокойного стал раздражительно-сварливым. Словно бы ему помешали в каком-то важном деле, отвлекли какой-то никому не нужной мелочью.

— Люгер. Вход. И окна, — сказал он с брезгливым выражением лица, копаясь в своем рюкзаке.

Все дальнейшее походило на кошмарный сон. Сначала Маузер вытащил из рюкзака шар. Черный такой, круглый шар, по всей видимости — очень тяжелый. А потом протянул руку по направлению к двери, дунул — и шар потихоньку поплыл к двери. Остановился около нее в двух метрах и так и остался там — тяжелый, вращающийся, висящий в воздухе.

— Хозяина, — закричал вдруг Маузер. — Ты хозяина? Дверь закрывай, дверь открывай!

— Откройте пожалуйста, — донеслось из-за двери. — У меня нет ключей.

Маузер продолжал копаться в рюкзаке, достал оттуда атлетический пояс с креплениями под португую и нашитым карманом, из которого виднелся аккумулятор, потом увесистую коробку похожую на основание бензопилы, соединил их, достал полусферу с ручкой, а потом что-то типа ножа без лезвия. Потом вытащил из рюкзака что-то цилиндрическое, с трубками, насадил, провернул. Накинул невесть откуда взявшуюся перевязь через плечо, и наконец вытащил из рюкзака блестящую гибкую ленту, с клацаньем подсоединил ее к собранному агрегату. Майор почувствовал, что кресло само собой вылезает у него из-под пятой точки. Видимо, кресло ожило, и хотело спрятаться. Потому что Маузер-Иванов держал в руках самый настоящий, шестиствольный «Миниган», сто выстрелов в секунду. И похоже, этот «Иванов» собирается его пустить в ход.

«Да его отдачей снесет», — подумал майор, а потом понял, что, пожалуй, и не снесет. Судя по уверенным движениям Маузера, который сейчас сноровисто надевал на стволы компенсатор, похожий на масляный фильтр от грузовика — из этого чудовища ему приходилось стрелять. Щелчок — и включился лазер-целеуказатель, упершийся лучом прямо в середину входной двери. Майор понял, что никакого штурма не получится.

— Хозяина! Ключ йок, бэз ремонт делаем, потолок сделала! Скоро сделала, открывай двери, хозяина! — снова крикнул «Иванов».

— У меня нет ключей. У меня очень важные сведения для господина..., - голос за дверью поперхнулся. — ... точнее, для товарища Маузера. И для товарища Люгера. И для господина Разина. Очень срочно.

Те, кого назвали Маузером и Люгером переглянулись.

— План А. Открываем дверь, они врываются, я стреляю, валю кого могу, ты уходишь через дверь, в Тест. Там разберешься... выход с другой стороны здания, не спеши только.

— А ты?

— Да не бойсь, котенок. Что мне сделается? Сильно сомневаюсь, что у них есть подходящий калибр... Видишь мою пушку? Я когда отстреляюсь, здесь будут только развалины. И пашня, с вкраплениями говна и крови. Главное, чтобы вот эта дверь открылась, — Марат кивнул на бронированный вход у них за спиной.

— План Б? — деловито спросила Люгер, подошла к двери в Тест, и без усилия открыла ее. — План А мне не очень нравится.

— Минимум жертв. Идешь как заложник. Открываем дверь, впускаем этого за дверью. Слушаем. Выпускаем тебя в крови и соплях. Потом и я сдамся.

— А план Б вообще какой-то debilный, — не скрывала разочарования Люгер. — Давай так. План В. Перестреляем всех и пойдем домой.

— Тоже вариант, — усмехнулся Маузер. Они посмотрели друг на друга. Марат вдруг помрачнел, с лица пропала усмешка, и он тяжело произнес:

— Прощай, моя любимая товарищ Люгер.

Она помедлила, но ответила, тоже без тени шутки.

— Прощай, мой любимый товарищ Маузер.

— Открывай! — скомандовал он, и попрочней уперся в пол отставленной правой ногой.

Люгер, засунув пистолет в левый карман куртки, и не вынимая оттуда руки, правой сняла скобу с рукоятей, и толкнула дверь. На пороге оказался тот самый «кладовщик» с которым Разин подписывал договор, в том же самом синем халате. В руке он держал телефон.

— Вы на звонки не отвечаетесь..., вот мне приходит сообщение срочно бежать сюда и передать вам..., прямо вот так и написали..., - плаксиво начал кладовщик, а потом увидел в двух метрах от него висящий в воздухе шар. Было что-то в этом куске тьмы нечто такое, не просто опасное, а прямо таки угрожающе-завораживающее. Потом он увидел Маузера. С миниганом. И красное пятно лазера у себя на груди.

— Что за..., - закончить фразу кладовщик не успел, потому что Люгер, сменив улыбку на оскал, одной рукой втащила несчастного в помещение.

— На колени, — рявкнула она. — Лицом с стене! Руки на затылок! Быс-трро! Молчать!

Сказано было так, что Разин почувствовал, что ему самому хочется очень быстро вскинуть руки вверх, и крепко сжать челюсти, чтоб ни звука... Что за наваждение? Эта парочка — что, умеет управлять людьми голосом?

Кладовщик подчинился мгновенно. Слишком велико было потрясение. Он уткнулся лбом в стену и затих. Юта, не теряя и секунды, мягким рывком переместилась на другой конец комнаты, абсолютно не желая находится на линии пересечения возможного огня. Но никакого огня не последовало. На улице все так же где-то далеко гудели машины. Слышно было как шелестят деревья от порывов ветра. Идут люди. Гул самолета в небе. И тишина в офисе. Никаких тебе закованных в кевлар спецназовцев. Никаких сирен. Никаких мегафонов, отрывистых рявканий, и даже стука тяжелых башмаков.

— Что-то слабоватая какая-то кавалерия, — сказал наконец Маузер, и опустил свое шестиствольное чудовище. — Я вообще ничего не слышу. И не вижу. Тут ближайший человек с оружием в руках находится..., - Маузер всматривался в стены, словно был способен видеть сквозь них — ...в километре с небольшим от нас.

— Ты кто, дядя? — спросил он наконец у стоящего на коленях «кладовщика».

— Заместитель директора центра, я по аренде помещений, Иващенко Андрей Михайлович, — немедленно отозвался тот.

— Андрей Михайлович, значит. Иващенко... Что ты здесь ищешь, Андрей, свет Михайлович, — продолжал Маузер. И продолжил, не дожидаясь ответа. — Ты только не думай, что если ты вдруг какой-то супер-чудо-снайпер, то сейчас нам закатаешь по пуле в лоб, и все кончится. У меня эта дура на автоспуске. Если я палец уберу, она полминуты будет еще стрелять, тут камня на камне не останется, понимаешь?

— У меня для вас сообщение.

— Ну, говори, что там.

Заместитель директора медленно опустил руку и стал вглядываться в экран телефона, зажатого в ладони.

— Вот. Написано. «Вам необходимо срочно идти в офис 129». Это вот этот офис, — пояснил Андрей Михайлович. — Написано дальше: «в офисе находится три человека, обращаться к ним: товарищ Маузер, товарищ Люгер, господин Разин. Быстрее. Хотя офис закрыт, вам необходимо попасть в него».

— Кто это тебе такое пишет? — хмуро спросил Маузер.

— Они... я не знаю, обратного адресата нет. Есть только меню и поле сообщений, я вообще не понимаю что это, мне его управляющий дал, для связи, только он странно работает.

— Дай сюда.

Еще через пять минут после многочисленных уточняющих вопросов, стало ясно, что Иващенко тоже знает немного. Ему просто сказал управляющий, что необходимо оформить договор с теми, кто находится в офисе 129, и дал телефон, сказал — чтобы постоянно находился при нем. Сначала Иващенко думал, что это своеобразный коммуникатор, потому что толку от этой штуки было немного, ну... показывал состояние аренды всех офисов в здании — кто-что, когда платить, сколько, ткнешь в номер — и вот, высветилось.

— Это вот с ним мы договор заключили, — кивнул Андрей Михайлович в сторону Разина. — Все было как обычно, а сегодня прямо полчаса назад началось.

Маузер читал то, что находится в поле переписки, и прочитанное ему нравилось все меньше и меньше. Он же здесь все прошерстил, не нашел тут никакого оборудования. Но оно есть, если судить по прочитанному. Телефон чуть завибрировал, и выдал еще одну фразу.

«Приветствуем товарища Маузера».

Ни один мускул на его лице не дрогнул. И как ему отозваться? Тут ни клавиш, ни кнопок нет, и на прикосновения не реагирует, вообще, от слова никак.

«Связь к сожалению односторонняя».

Замечательно.

«Читайте вслух».

Это еще зачем? Ну ладно, попробуем.

— Приветствуем товарищей Маузера и Люгера, — начал он говорить медленно. Все, включая майора, уставились на него. — По пунктам. Пункт один. Товарищ Люгер может начать проходить Тест прямо сейчас. Пункт два. Товарищ Маузер также может продолжить

прохождение теста в любой момент на протяжении отводимых тридцати суток на отдых или восстановление. Пункт три. Господин Разин, Олег Олегович, в виду чрезвычайных обстоятельств, освобождается от должности координатора. В качестве компенсации физического и морального ущерба на его зарплатную карту переводится сумма, достаточная для реализации его желаний. Удачного вам отдыха в Палермо, Олег Олегович, и благодарим за проделанную работу.

Маузер, подняв от изумления бровь, перевел взгляд на майора.

— Палермо?

Разин сидел, пораженный до глубины души. Да, у него имелся небольшой капитал. Да, он неоднократно сидел перед монитором, мечтая — куда бы поехать, как будет там жить, в маленьком двухэтажном домике с бассейном, у моря, около города Палермо. И даже слышал плеск волн, крик чаек — в тишине и темноте квартиры. Он давно присмотрел домик на сайте, и цена была ничего, не такая уж и высокая, только вот хотелось не все деньги сразу спустить, а купить еще туда мебель. И катер. И машину. И несколько серьезных вкладов в банки, желательно немецкие и швейцарские, чтобы просто жить на проценты, маленькие, но надежные...

...но он никогда, никому, ни единой душе не обмолвился о своих мыслях и мечтах, ни единым словом. Никогда и никому. А вот выходит — кто-то знает. Кто-то узнал. Прочитал его мысли...

— Мы все надеемся, что Олег Олегович забудет это маленькое недоразумение, и сохранит его в полной и абсолютной тайне, — продолжал читать Маузер. — Пункт номер четыре. Права на аренду и координацию тестируемых переходят к товарищу Маузеру, он и господин Иващенко должны в ближайшее время заключить стандартный договор на текущих условиях.

В установившейся тишине вдруг зажужжал телефон майора. Потом рывкнул по-собачьи, и умолк.

— Это смс, — сказал Разин.

Люгер сгрэбла телефон со столешницы, где он лежал после обыска, и немедленно открыла переписки.

— Ничего себе, — сказала она. — Ты посмотри, какой у нас теперь «богатенький буратино», товарищ бывший полицейский... «На ваш счет поступил перевод. Текущий размер счета составляет сорок восемь миллионов семьсот семь тысяч». Не хилое такое выходное пособие.

На миг задумавшись, она взяла со стола и бумажник майора, покопалась в нем, нашла несколько банковских карточек, сверила их номера с смс-сообщением, выбрала одну.

— Ну что, товарищ майор, сам пин скажешь, или будем тебе яйца ржавой ножовкой резать, в количестве одна штука в сутки?

Разин смотрел в ее голубые насмешливые глаза, и голова у него закружилась. Да, эта может. Эта — отрежет. Резать она будет действительно долго, комментируя каждое движение, в коротких паузах между его дикими криками.

— Ладно, живи, майор. Надеюсь, я тебя больше никогда не увижу, — сказала она со смехом, чрезвычайно довольная произведенным эффектом, и положила карточку обратно в портмоне.

Некоторое время Марат и Юта стояли в неподвижности, глядя друг на друга. В полной тишине они «разговаривали» между собой, на понятном только им языке. Не говоря и слова,

Марат предлагал варианты, делая жесты, указывая на телефон, дверь в Тест, кладовщика и майора. Юта тоже жестикулировала или качала головой — либо отрицательно, либо соглашаясь. Так продолжалось чуть больше минуты.

— Хорошо, — наконец вынес вердикт Маузер. — Люгер, ты идешь в Тест. Немедленно. Ты сейчас полностью экипирована. Оружие держи наготове, «грибочков» возьми сколько унесешь, тогда проблем не будет. Я выведу этих двух, и отпущу на все четыре стороны. Запираю офис. Жду тебя на другой стороне здания. Работаем?

— Работаем, — согласилась Юта.

— Только осторожней там, котенок мой сладкий...

Еще через минуту, освобожденный от наручников Разин на подгибающихся ногах вышел из офиса. За ним ковылял Иващенко, с трудом подавляя желание прикрыть руками голову. Марат побыл в помещении еще минуту, потом вышел, закрыл ключом дверь, оставив табличку «Закрето». Обошел здание, и уселся на скамейку в парке. Одна рука в кармане, вторая — за пазухой куртки. Откинулся на спинку, и закрыл глаза.

Марат сидел и отдыхал. Многие люди считали, что ему не нужен отдых. Этакая боевая машина, способная идти в атаку двадцать четыре часа в сутки. Но он уставал, и с каждым годом — все больше и больше. Сильнее всего он устал от поражений и проигрышей, от потерь и расставаний с товарищами, от безысходности и непроглядности своего дела. Будущее блистало перед ним во всей красе, но было так же недосыгаемо, как и воздушный замок на горизонте. Вот и сейчас. Не успел он пройти Тест, как надо идти на работу, после работы — снова Тест. Теперь вот штурм офиса. Нельзя расслабляться ни на секунду.

Но он умеет расслабляться, главное — чтобы людей не было поблизости. Глядеть в вечное синее небо, ни о чем ни думать. Подсознание, если потребуется — самоотреагирует на любой нестандарт. Тогда включится сознание, вновь взревет в груди пламенный мотор, расправятся уставшие крылья за спиной, наливаясь силой. Ладонь сожмет рукоять оружия — и он снова пойдет в бой.

Дверь из здания открылась, и оттуда буквально выпрыгнула Люгер. Глаза ее светились. Она увидела мужа, танцующей походкой приблизилась, а потом села рядом, прижалась, и обмякла. Она тоже устала.

Хотя — ничего особенного. Ее первое Испытание было простым и коротким, не заняло и получаса.

Ее выбросило в абсолютно ровный квадрат, покрытый песком. Светло, ровно, ни холмика, и лишь на горизонте — одинокая фигурка. Она отправилась навстречу, стараясь не спешить. Примерно за сто метров поняла, что ее соперник ничем особым, кроме топора, не вооружен. Ускорила шаг, начала забирать вправо, наискось, уменьшая собственный контур, стараясь не пропустить момент, если человек вскинет руки в знакомом жесте. В пятидесяти метрах, на достаточном расстоянии для прицельной стрельбы — вытащила пистолет, и всадила крупному темноволосому мужчине в грудь четыре пули. Подошла, с десяти метров выстрелила еще два раза в голову. Обыскала. Посмотрела документы. Немец. Забрала наличные и топор. Забрала амулет, «красивенький такой, зелененький, и камушек зелененький». Потом, согласно инструкциям, отрезала у трупа ухо, и спокойно двинулась назад. Быстро, чисто, без эксцессов.

— А у тебя самой амулет какой? — спросил Марат.

Она показала ему многолучевую серебристую звезду с переливающейся серединой.

— Электричество, — сказала она коротко.

Марат кивнул. Нормально. По крайней мере — понятно что это такое, в общих чертах, электричество в каждом доме есть в конце концов... не то что его «темная энергия». Ну да посмотрим, утро вечера мудреней.

— Странно, — сказал Марат. — У меня в первом Тесте куча тварей, а у тебя ровное поле, и никого.

— Может, оттого что я девочка? — предположила Юта.

Они уже шли домой, в какой-то момент Люгер отлучилась, и выбросила скомканный пакетик с бумажкой в урну.

— Ухо, — коротко ответила она на немой вопрос.

Марат понимающе кивнул.

Никто более не слышал, и даже не видел Разина Олега Олеговича с тех пор, как он, с трудом шевеля ногами-руками, можно сказать — едва выполз из офиса номер 129. Правда, на поправку у него ушло едва ли более трех дней, которые он провел дома, оформляя на компьютере всевозможные документы. В принципе, легенда у него была уже давно готова, не хватало только средств. Зато теперь средств было даже в избытке, и поэтому очень не хотелось провоцировать любопытство любых органов и инстанций, что местных, что зарубежных.

Уже через месяц он лежал в шезлонге, на берегу Тирренского моря. Он справедливо рассудил, что прятаться от сил, которые могут читать или понимать его мысли — смешно. Майор не сомневался, что ему пришлось столкнуться с кем-то или чем-то гораздо превышающим возможности человеческих спецслужб. Раз уж так получилось, то лучше оставить всё как есть, и не надо пытаться ничего выяснять, тем более никто и не просит. Пусть вон этим разные Маузеры с Люгерами занимаются, это они у нас «разрушители настоящего — строители будущего», профессиональные революционеры, вот им и карты в руки.

Ему же хватит и маленького домика на четыре комнаты и кухню, с террасой, балконом и подвалом. К дому приделано два гаража, в одной стоит БМВ пятсот двадцать пятой модели. Моторная лодка с одной каютой — у маленького причала. Именно из-за выхода к морю не такой уж и шикарный домик стоил просто невероятных денег.

Жене объяснил, что «так надо»: выход к морю, Италия, лодка, быстроходная машина. И огромные деньги не его, а из одного фонда, что было абсолютной правдой. Задача теперь разделяется на них вместе, можно сказать — поровну. Надо встречать бывших работников органов, помогать им с документами, деньгами, устроится на новом месте. Программы защиты — они и так могут работать. Это для обычных людей — просто новые документы, новый город и новая работа в той же самой стране, а там уж вертись как знаешь. А у государственных служб все серьезно. Новая жизнь, в совершенно другом государстве. Под двойной, а то и тройной защитой. Они, Разины — теперь часть этой системы. Так что поменьше вопросов, и взять на себя всю домашнюю работу. Олег Олегович будет их встречать, устраивать в гостиницы, перевозить, курсы там языка, документы, счета..., то-сё. И никаких вопросов. Надо — это значит сел, и поехал. На день, на два или даже на неделю. Без глупых вопросов — ни до, ни после...

Так пронеслось десять счастливых, но скучных месяцев. За это время Олег Олегович исколесил почти всю Европу, чувствовал себя прекрасно, пока не попал в Амстердам. Он проходил вдоль канала улицы Красных фонарей, мимо витрин, в которых стояли женщины. Он искал, и прекрасно осознавал, что именно искал. Рыжая, волосы до плеч, идеальная фигура, голубые глаза... Черт, даже отдаленно похожих нет. Ну... разве вот эта, на втором этаже, и то — старовата, конечно, а от девчонки Марата прямо плескало необузданной молодостью за километр...

Олег Олегович зашел в здание, где его встретил приветливый и очень стильно одетый портье. С помощью смартфона с гугл-переводчиком сделал заказ. Удобная штука этот переводчик. Не надо ничего учить, говоришь по своему — тебе все переводят. И тебе говорят — не успеешь среагировать, как электроника уже все объясняет, более-менее понятным

языком.

Медленно он поднялся по узкой каменной лестнице на нужный этаж. Толкнул нужную дверь. Нет, не то. Ему нужен строгий аскетизм офиса, а не этот будуар какой-то княгини. Посреди комнаты стоял стул. Обычный венский стул, а вовсе не офисное кресло. Такое чувство, что его обманули. Тетка, полуобнаженная, с попытками создать строгую игривость на раскрашенном лице — совсем не то. Люгер то, по ощущениям Олега Олеговича, вообще макияжем не пользовалась.

Чувствуя все более ощущаемую сосущую боль под ложечкой, Разин снял куртку и уселся на предоставленный стул. Играла музыка. Женщина подошла к комоду, и отодвинула нижний ящик. Выложила наручники, мягкую плеть и плоскую дубинку, он не знал как она называется. Наручники щелкнули у него на руках. Всё не то! Даже эти наручники легче пуха, сделаны из какой-то жестики, которую можно порвать одним движением.

«..я думаю, ты не то что любовницу-испанку займешь...» — совершенно отчетливо прозвучал в голове ясный голосок.

Разин вдруг понял, что дело не в женщинах, стульях и наручниках. Он всегда в жизни был жертвой. Даже в форме, при погонах и кобуре, рядясь под опасного человека — он оставался обычным травоядным, которого любой хищник мог схватить за горло. Никто и никогда ему не скажет «...прощай, мой любимый товарищ Разин...», не скажет так, как говорила она. Никому не интересна его жизнь, про него не снимут фильм, не занесут в списки тех, на кого можно равняться, или кем можно ужасаться. Вся его жизнь прошла в страхе и подчинении — родителям, начальству, другим людям, законам. Все что он прожил — уместится в одном абзаце архива, куда его внесут после того, как выбросят личное дело работника органов, по истечению определенного срока. Он всю жизнь был сильным, здоровым, умным... бараном. А эти два хищника, которые заявили к нему в офис, после встречи с которым он едва остался жив, не смотря на все свои умения, силу, подготовку и даже оружие... они даже не особо заметили этого, посмеялись и едва обратили внимание, как хищники не особо обращают внимания на трепыхания, и тем более крики жертвы! Даже сейчас, он как баран, приковавший себя к стулу, ждущий того, что с ним сотворят...

Олег Олегович поднатужился, стараясь порвать наручники, они не особо сопротивлялись. Освободив руки, он почувствовал что боль в груди только усилилась, сквозь красный туман попытался встать, и не смог, а наоборот, добился только красного марева, и яркой режущей боли.

— Инфаркт, — только и успел подумать он перед смертью.

Похоронили Олега Олеговича Разина на городском кладбище в Палермо. Жена его, в шаге от гражданства, уже через месяц полностью переоформила всю собственность, движимую и недвижимую, а также средства с его счетов — на себя.

Больше книг на сайте - Knigoed.net